

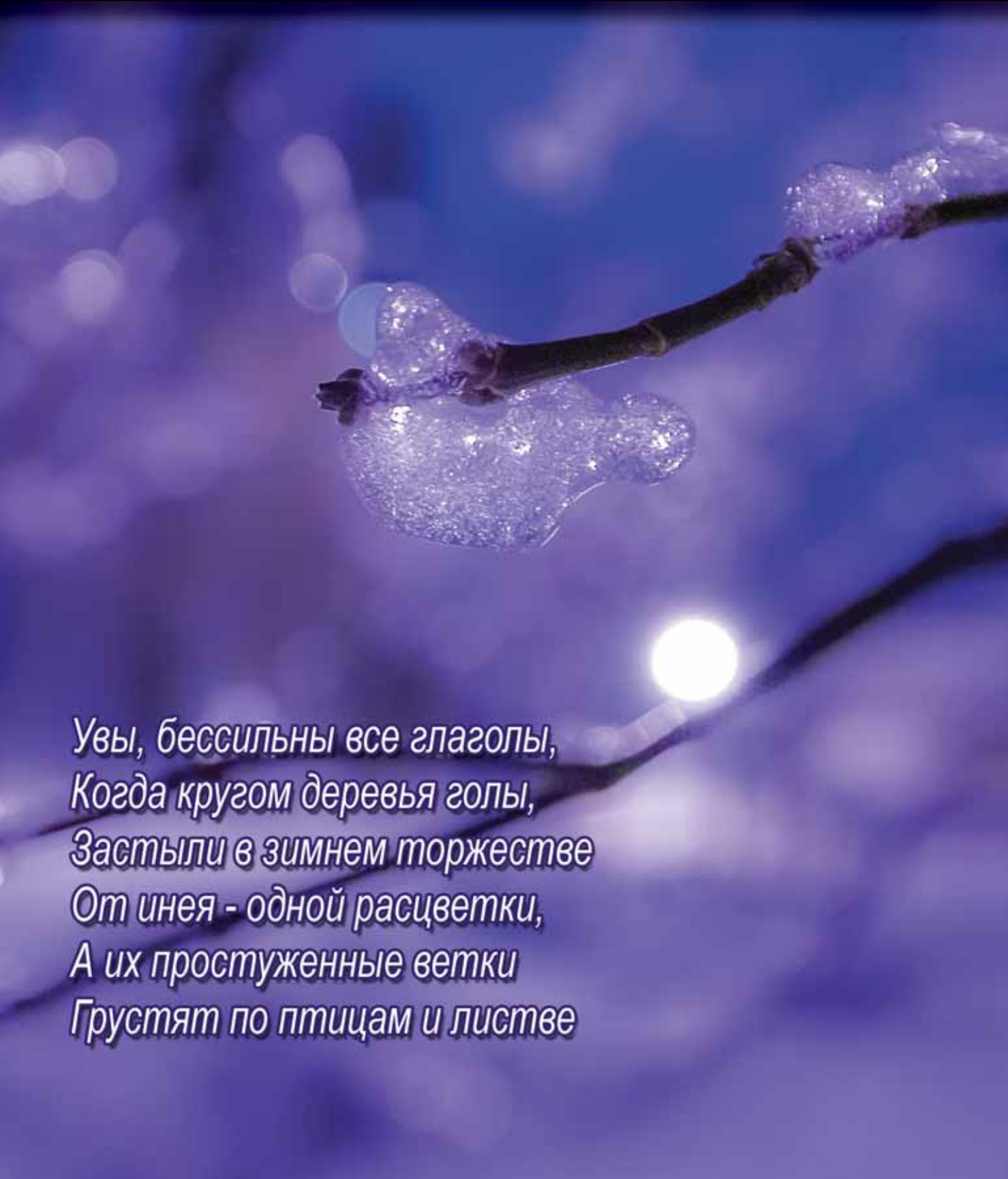

СМЯНА

№2 ФЕВРАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2020

*Увы, бессильны все глаголы,
Когда кругом деревья голы,
Застыли в зимнем торжестве
От инея - одной расцветки,
А их простуженные ветки
Грустят по птицам и листве*

О судьбе иконы Псково-Покровской Богородицы
читайте на странице 66.

Неизвестное об известном

<i>Алла Зубкова</i>	Женщина удивительной судьбы 4
<i>Юрий Осипов</i>	«Живая сокровищница русской речи» 108

Кремль России

<i>Дмитрий Зелов</i>	Зарайск. Самый маленький кремль державы 19
----------------------	---

Рассказ

<i>Татьяна Крылова</i>	Украденный «Праздник» 24
------------------------	---------------------------------------

Поэзия

<i>Иван Переверзин</i>	Стихи 42
------------------------	-----------------------

Замечательные современники

<i>Марина Бойкова</i>	Александр Микулин: «Всеми безобразиями руководил я!» 52
<i>Елена Воробьева</i>	Владимир Дмитрук: «Тенор для меня — это всегда энергия, когда натянут как тетива лука...» 73

Итоги конкурса

<i>Эдуард Мордвинов</i>	Помню, мама! 61
-------------------------	------------------------------

Это интересно

<i>Ирина Опимах</i>	Псковский Покров. Судьба иконы и судьба народа 66
---------------------	--

Минувшее

<i>Денис Логинов</i>	Королева, которая «вышла замуж» за Англию 78
----------------------	---

Житейские истории

<i>Ольга Онуфриева</i>	И жизнь, и слезы, и любовь 97
------------------------	--

Звезды не гаснут

<i>Евгения Гордиенко</i>	Принцесса Турандот из Мансуровского переулка 102
--------------------------	---

Остросюжетный роман

<i>Анна и Сергей Литвиновы</i>	Свадьбы не будет 120
--------------------------------	-----------------------------------

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Фотоэтюд Романа Гордынского
(отрывок из стихотворения
Александра Ратнера)

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через:
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744 5512

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 9350

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 21.01.2020

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

«История любви Жорж Санд и Фредерика Шопена считается едва ли не самой романтической из всех известных по веку девятнадцатому. При всем при этом, даже сегодня, спустя полтора столетия, не существует однозначного ответа на вопрос, связывала ли этих двух незаурядных людей страсть, или это были какие-то иные чувства...

Алла **Зубкова** «Полонез для мадам Санд»

«Если бы ее младшая сестра Натали не вышла замуж за «солнце русской поэзии», вряд ли кого-нибудь заинтересовала бы судьба обычной уездной барышни, не слишком родовитой и богатой, едва ли не оставшейся старой девой. Но она была свояченицей самого Пушкина, поэтому и получила свою долю внимания пушкинистов и свой персональный «ушат грязи», на который не поскупились современники. Вот мы и решили проследить подлинную судьбу одной из сестер Гончаровых, с которой так несправедливо обошлась людская память.

Денис **Логинов** «Сестра жены поэта»

«Зинаида Михайловна Кириенко... Знаменитая звезда советского экрана. Она же... Аида Георгиевна Широкова. Красавица-актриса, которую знают и любят сразу несколько поколений зрителей, всю жизнь прожила под чужим именем, фамилией и отчеством. Помимо этого, сколько еще загадок и хитросплетений в жизни этой удивительной женщины!

Андрей **Колобаев** «Любовь земная» и неземная»

«С именем Крученых связаны важные открытия и начинания русского авангарда первых двух десятилетий XX века. Авангардисты той удивительной эпохи были, выражаясь современным языком, эпатажниками и нонконформистами. Они рисовали на лицах самолеты и собак, надевали разноцветные «кричащие» кофты и полосатые цирковые штаны, дразня добропорядочных обывателей. Но они «делали моду», на их концерты билеты раскупались за месяц. И самым «крутым» из них был Алексей Крученых. Истериичный, крикливый, головокружительно дерзкий... Влияние этого самобытного экспериментатора лаборатории стиха ощутили на себе многие современные поэты. И продолжают ощущать.

Юрий **Осипов** «Алексей Крученых: «Забыл повеситься, лечу к Америкам»

«Окончание детектива Анны и Сергея **Литвиновых** «Свадьбы не будет».

Алла
Зубкова

Женщина УДИВИТЕЛЬНОЙ СУДЬБЫ

Мария Федоровна Андреева... Литературоведы видят ее образ в героинях А.Н. Толстого и А.М. Горького, даже в булгаковской Маргарите угадывают ее черты. В начале XX века она была одной из ведущих актрис Московского Художественного Театра. Публика боготворила ее. Критики называли «несравненной», «блистательной». Лев Толстой утверждал, что «такой актрисы в жизни своей не встречал». Женщина редкого шарма, светская львица,

она одновременно вела полную риска жизнь революционерки, выполняя задания партии большевиков. Причем делала это с таким искусством, что несколько лет ни коллеги, ни полиция ни о чем не догадывались. Сам В.И. Ленин дал ей подпольную кличку «Феномен» — слишком уж редким явлением была эта необыкновенная женщина.

Не менее интересна ее личная жизнь. Мария Федоровна покорила сердце богатейшего фабриканта и мецената России — Саввы Тимофеевича Морозова, который бросил к ее ногам все свое состояние. Не смог противостоять ее чарам и А.М. Горький. Около двадцати лет Андреева была спутницей, гражданской женой и верной помощницей великого писателя.

Мария Федоровна Андреева родилась 4 июля 1868 года в Петербурге. Ее отец, Федор Александрович Федоров-Юрковский, происходил из небогатой, но родовитой дворянской семьи (его двоюродная бабушка была фрейлиной императорского двора). Окончив морской корпус в чине гардемарина, он вскоре оставил службу, страстно увлекшись театром. Человек большого артистического таланта, Федор Александрович со временем стал главным режиссером Александринского драматического театра. Он женился на актрисе того же театра Марии Павловне Лелевой-Юрковской, которая происходила из остзейского баронского рода Лилиенфельдов. В семье кроме Машеньки подрастали еще четверо детей. Она была самой красивой — огромные тем-

ные глаза, каштановые волосы, тонкие черты лица, грация юного олененка. Несколько раз ее портрет писали Илья Ефимович Репин и Иван Николаевич Крамской. Известна картина последнего «Зачиталась (Маша Юрковская)».

Отец не хотел, чтобы дочь выросла кокеткой, и старался держать ее в строгости: девочку одевали в простенькие немодные платья, даже перламутровые пуговицы заменяли на костяные, носила она не изящные туфельки, а «старушечьи» прюнелевые ботинки, волосы ей коротко остригали.

Маша с детства грезила театром. Окончив с отличием гимназию, она поступила в драматическую школу, а в 1886 году дебютировала в Казани в составе антрепризы Медведева. Ее врожденный артистизм, чудный

голос, естественность и грация вызвали восторг у публики. Успех был оглушительный.

В двадцатилетнем возрасте она вышла замуж за Андрея Алексеевича Желябужского, высокопоставленного чиновника, которому вскоре был присвоен чин действительного статского советника, что соответствовало генеральскому званию. В этом браке Маша родила двоих детей. Позднее в семье появилось еще двое приемных — племянник мужа и сын ее умершей сестры. Желябужский был на восемнадцать лет старше Марии. Однако их сближала любовь к театру. Супруги вместе участвовали в любительских спектаклях.

По имени мужа она взяла себе псевдоним Андреева, который сохранила на всю оставшуюся жизнь. Успех она имела феноменальный. Темпераментные зрители только что не ломали кресла. На одном банкете восхищенный поклонник произнес в ее честь восторженный тост, в потом сказал: «После тоста в честь столь прекрасной женщины никто не посмеет больше пить из этого бокала» — и съел бокал.

Вскоре Желябужского направили на работу в Тифлис. Там Мария блестяще играла не только в драматических постановках, но решила попробовать свои силы в оперных спектаклях. Для этого она начала брать уроки у знаменитой тогда певицы Варвары Зарудной. Ее успехи настолько велики, что она экстерном сдала экзамены в консерватории по классу вокала и фортепиано.

В 1894 году Желябужские переехали в Москву. Для них были открыты двери самых аристократических салонов старой столицы. На приеме московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича, Мария была в центре внимания, ее называли «великолепной», «несравненной». Супруга генерал-губернатора, великая княгиня Елизавета Федоровна изъявила желание собственноручно написать ее портрет.

В Москве артистическое дарование Андреевой расцвело в полную силу. Она брала уроки у замечатель-

ной актрисы Медведевой, наставницы М.Н. Ермоловой, а еще вступила в Общество искусства и литературы, где уже несколько лет курсы актерского мастерства вел К.С. Станиславский. Ее дебют состоялся 15 декабря 1894 года в спектакле Островского «Светит, да не греет». Критика встретила появление Андреевой благожелательно. Затем в пье-

роль не только в судьбе театра, но и в жизни самой Андреевой — Савва Тимофеевич Морозов, один из богатейших купцов-меценатов России. Идея создания первого в стране общедоступного театра оказалась очень близка этому удивительному и противоречивому человеку. Он считал, что такой театр — явление уникальное, необходимое не

После образования Художественного театра Станиславский сразу же пригласил в его труппу Марию Федоровну, и она стала одной из ведущих актрис — «премьерш», как говорили в те времена. Именно тогда в театре появился человек, которому суждено было сыграть важную роль в жизни Андреевой, — Савва Тимофеевич Морозов, один из богатейших купцов-меценатов России

се «Уриэль Акоста» ее партнером вызвался стать сам Константин Сергеевич. Их же дуэт в пьесе Островского «Бесприданница» (Лариса и Паратов) был с восторгом встречен публикой. Всего за пять лет работы у Станиславского Андреева сыграла одиннадцать главных женских ролей. Спектакли с ее участием неизменно проходили с аншлагом.

После образования Художественного театра Станиславский сразу же пригласил в его труппу Марию Федоровну, которая стала одной из ведущих актрис — «премьерш», как говорили в то время. Именно тогда в МХАТе появился человек, которому суждено было сыграть важную

только Москве, но и в целом отечественной культуре. В апреле 1898 года было организовано Товарищество МХАТа, в число членов которого вошел и Морозов. Именно он и спонсировал это начинание. Сам Станиславский считал, что, если бы не поддержка Морозова, Художественный театр, несмотря на признание публики, скончался бы во младенчестве, не прожив и двух лет. Морозов выкупил паи других членов Товарищества и стал фактическим руководителем всей хозяйственной деятельности. Уже в первый год он потратил на театр 60 тысяч рублей. Последующие взносы были не меньше. Подлинной вершиной беско-

рыстной помощи Морозова театру стало строительство нового здания. Оно обошлось Савве Тимофеевичу в колоссальную по тем временам сумму — свыше 350 тысяч рублей, и это притом, что архитектор Федор Осипович Шехтель выполнил заказ безвозмездно. Однако только финансовой помощью участие Морозова в жизни театра не ограничивалось. Он был необычайно активен в обсуждении творческой стороны театрального процесса. Особенный интерес Савва Тимофеевич проявлял к вопросам репертуара, и вскоре ни одно решение о постановке той или иной пьесы не принималось без его участия.

Именно к этому времени относится начало романа Морозова с Марией Федоровной Андреевой. К концу 1890-х годов Савва Тимофеевич уже остыл к жене, которой когда-то упорно добивался, и находился в процессе поиска «родственной души», способной понять его метания и одарить душевным теплом. Увидев Андрееву, он решил, что именно этой женщине суждено возродить его интерес к жизни. Необычайно экспансивная, чуткая актриса казалась ему идеальной будущей подружкой. Не влюбиться в нее было невозможно — она завораживала, очаровывала, сводила с ума. Для Морозова она была не просто красивой женщиной, а прекрасной «жар-птицей», которую не так-то легко поймать. Возможно, поначалу это была для него лишь азартная игра, но, увлек-

шись этой игрой, он позабыл обо всем на свете.

Их сближение произошло осенью 1899 года, и, разумеется, не было тайной ни для театральных коллег Марии Федоровны, ни для окружения Морозова. Едва ли не каждое утро он появлялся в доме Желябужских, ожидая выхода хозяйки, чтобы сопровождать ее в театр. Нередко они вместе появлялись в гостях у знакомых. Андреева, без преувеличения, была для Морозова всем. Ради нее он готов был принести в жертву и жизнь, и семью, не говоря уже о собственном состоянии и благополучии. Вполне вероятно, что, сумев поймать «жар-птицу», Савва Тимофеевич испытывал перед ней едва ли не детскую робость и преклонение. Просьба ее была для него законом. Он полюбил эту женщину, прекрасно понимая, что, увы, она для него так и останется недостижимой.

В театре не было человека, который бы отстаивал интересы Андреевой столь последовательно и беззаветно, как Морозов. Слов нет, Мария Федоровна была необычайно талантлива, ее артистическое дарование почти никого не оставляло равнодушным, но и ей требовалась защита и поддержка. Конечно же, как у всякой актрисы, у нее были соперницы. Ученица Николая Ивановича Немировича-Данченко, Ольга Леонардовна Книппер, обладала красотой и обаянием Андреевой, однако, по мнению «отцов-основоположников» МХАТа, мас-

штабом дарования превосходила ее. К тому же в 1901 году Книппер вышла замуж за А.П. Чехова и уже в силу этого стала получать главные роли в его пьесах, на которых в основном и держался репертуар театра. Этого честолюбивая Андреева уже выдержать не могла. По слухам, она сама имела виды на Антона Павловича, но он предпочел ее Книппер. Кроме того, ей стали известны слова Станиславского: «Андреева — актриса полезная, Книппер — позарез необходимая». Мария Федоровна была оскорблена той легкостью, с которой директора театра отодвинули ее на второй план. Впрочем, отношения с ними у

нее всегда были весьма сложными. Как-то Станиславский подарил ей свой портрет с надписью: «В память кипучей работы ... непрочных ссор и прочных примирений». Однако тут Константин Сергеевич лукавил. В начале 1902 года в письме он выговаривал ей за недостаток искренности в отношениях с коллегами. Отдавая должное таланту Андреевой, он отмечал ее склонность к актерству в жизни и за кулисами. И был не так уж неправ. Театр немислим без интриг. Склонность Марии Федоровны к интригам отмечали многие. Разумеется, Ольга Леонардовна Книппер-Чехова не может в данном случае служить образцом беспристрастно-

Савва Тимофеевич Морозов

сти, и все-таки ее мнение весьма показательно. Она писала А.П. Чехову: «Сегодня я разговаривала с Владимиром Ивановичем (Немировичем) о театральных делах. Он говорит, что Константин Сергеевич чувствует недоверие труппы, скверное отношение к нему Морозова и теряет и нервит. И все это дело рук Марии Федоровны. Она на все действует через Морозова ... держит себя настоящей премьершей, вмешивается во все. Владимир Иванович неосторожно выразился, что ее надо «вытравить» из театра. Мне, право, все эти дела прямо противны ... но когда я чувствую ... влияние актрисы на ход дела через влюбленного в нее мецената ... такая обстановка для меня ужасна, и я готова бежать. Лилина (жена Станиславского) ненавидит

Марию Федоровну за ее скверное отношение к Константину Сергеевичу. Ужасно это все и противно».

В самом ли деле именно Андреева настроила Морозова против Станиславского — человека, которого Савва Тимофеевич любил и уважал, сказать трудно. В то же время неоспоримо, что Мария Федоровна обладала стальной, поистине негибкой волей и, если хотела добиться чего-то, доводила задуманное до конца, невзирая ни на какие преграды. Кроме того, Андреевой была присуща неудержимая, подчас взрывная эмоциональность. Вкупе с независимостью характера это качество порой становилось причиной ее конфликтов с окружающими.

Бьющая ключом энергия волевой сильной женщины искала вы-

хода не только в искусстве. Почти одновременно с Художественным театром в жизни актрисы появилось другое, не менее сильное увлечение. Поначалу оно занимало небольшую часть жизни Андреевой, потом все большую и большую. Это была революционная деятельность. Ее первое знакомство с революционерами-подпольщиками произошло еще в начале 1897 года. В помощь гувернантке-француженке своего сына Юрия Желябужские наняли репетитором студента Московского университета Дмитрия Лукьянова. Казак, родом из Ставрополя, он учился на юридическом факультете и был членом землячества студентов из этого края. Волевой, достаточно образованный, он был убежденным марксистом и пользовался большим авторитетом у своих товарищей. После его переезда к Желябужским теоретические занятия стали проходить в их огромной девятикомнатной квартире в Театральном проезде. Участие в этих семинарах стала принимать и сама Мария Федоровна. Поговаривали, что у нее с Лукьяновым завязался короткий роман. Лукьянов, правда, довольно быстро скончался от чахотки, но к этому времени Андреева была уже тесно связана с большевиками.

С этого момента ее жизнь разделилась на две части: легальную — светские приемы в доме мужа, карьера актрисы, и подпольную — служение делу революции. Со временем поддержание обычного уклада

жизни, в том числе светских связей, стало для нее не более чем данью конспирации. Дом Желябужских превратился в одну из явочных квартир революционеров. Репутация хозяев была вне всяких подозрений. Респектабельный швейцар целый день пропускал в подъезд посетителей. Он, разумеется, не мог знать, что порой в квартиру проходят люди, которых сановный хозяин отнюдь не приглашал.

Тогда же Андреева познакомилась с видным большевиком — с Леонидом Борисовичем Красиным, агентом ленинской «Искры», руководителем Боевой технической группы при ЦК партии. Именно по его поручению она организовала сбор средств для партийной кассы. Давали деньги друзья по театру — Василий Иванович Качалов, Вера Федоровна Комиссаржевская, Мария Николаевна Ермолова. Деньги удавалось добывать с помощью благотворительных концертов. В антрактах спектаклей разыгрывались лотереи, призы, и дамы-распорядительницы собирали в свои кружки немалые суммы. Благотворительные вечера устраивались и в частных богатых домах с небольшим количеством зрителей. Там выступали любимые артисты, а избранная публика расплачивалась ассигнациями.

Мария Федоровна занималась также легализацией подпольщиков, обеспечивала их «чистыми документами», устраивала на работу. Она хранила и обеспечивала перевозку

нелегальных изданий, особенно ленинской «Искры».

Летом 1903 года в Швейцарии Андреева впервые встретилась с В.И. Лениным. Официальным поводом для поездки была затянувшаяся болезнь ее сына Юры и желание показать его европейским врачам. Ленин заочно знал Андрееву, о ней ему рассказывал Красин. Будущий вождь революции поверил, что актриса справится с любым порученным ей заданием с таким же блеском, с каким она играла свои роли на сцене. Вскоре он убедился, что не ошибся, и Андреева получила от него партийную кличку «Феномен».

брике в Орехово-Зуеве. Он также прятал в своем доме Николая Эрнстовича Баумана, которого разыскивала полиция.

Между тем, с начала девятисотых годов Морозов с тревогой начал замечать, что отношение к нему Марии Федоровны стало более сдержанным, чтобы не сказать, прохладным. Причина эта была ему хорошо известна. Летом 1900 года Андреева на гастролях МХАТа в Крыму познакомилась с А.М. Горьким. Савва Тимофеевич быстро понял, что актриса попала под обаяние магнетически притягательной личности писателя. Разумеется, он ревновал,

Бьющая ключом энергия волевой женщины искала выхода не только в искусстве. У нее появилось другое, не менее сильное увлечение — революционная деятельность. С этого момента жизнь Андреевой разделилась на две части: легальную — светские приемы в доме мужа, карьера актрисы, и подпольную — служение делу революции

Одним из главных достижений Марии Федоровны в то время было приобщение Саввы Морозова к сотрудничеству с большевиками. По ее просьбе он давал им большие средства, только на издание «Искры» — около 25 тысяч рублей в год. Опять же, стараясь угодить ей, устраивал на работу к себе на фабрику или в имения крупных деятелей революционного движения, в том числе Красина, который работал на его фа-

но помешать их сближению не мог. Лишь взывал к ее благоразумию: «Милый друг, берегитесь! Вы начинаете его любить, а с Вашим характером Вы можете так ахнуть, что все к черту полетит, и генерал, и семья, и даже театр, что будет хуже всего».

Горький все чаще приезжал в Москву, и каждый раз наведывался в дом Андреевой. Они были очень разные, но их увлечение революционными идеями, романтически страст-

*Мария
Андреева
и Максим
Горький*

ный взгляд на жизнь и преклонение перед талантом друг друга словно магнитом притягивало их. В 1902 году на сцене Художественного театра прошли две пьесы Горького — «Мещане» и «На дне». В последней игра Марии Федоровны в роли Наташи потрясла зрителей. Возможно, именно тогда Горькому и Андреевой стало ясно, что жить им врозь уже невозможно. Через год в конце 1903 года Андреева ушла от мужа,

отдала детей на воспитание своей сестре и вступила в гражданский брак с Горьким. На новогодней вечеринке в МХАТе было торжественно объявлено, что отныне Мария Федоровна и Горький — муж и жена. При этом про Желябужского и жену Горького, Екатерину Павловну Пешкову, с которой он обвенчался в 1896 году, родил двоих детей и так никогда и не развелся, все присутствовавшие на той вечеринке

словно забыли. Впрочем, забыли не все. Пресса подняла невероятный шум. Горького назвали двоеженцем, но гораздо больше досталось Андреевой, поскольку именно ее считали виновницей адюльтера.

В театре отношение к ней тоже ухудшилось. Немирович-Данченко и раньше терпеть не мог Андрееву, но теперь гораздо хуже стал относиться к ней и Станиславский. Разу-

меется, обоих шокировала не связь актрисы с Горьким, а то, как ловко пользовалась Мария Федоровна влиянием на Горького и Морозова в своих собственных целях, когда хотела получить ту или иную роль. Да-да, и на Морозова тоже. Ведь даже после ухода Андреевой к Горькому, Савва Тимофеевич не переставал любить ее и всячески помогать. Поддерживал Морозов и Горького,

продвигая его пьесы. Тем не менее, весной 1904 года Андреева решила покинуть МХАТ. Немного позже из театра ушел Савва Морозов.

Андреева с Горьким собирались создать свой театр совместно с труппой Веры Федоровны Комиссаржевской и антрепризой Незлобина при финансовой поддержке Морозова, однако планам этим не суждено было осуществиться. Некоторое время актриса играла у Незлобина, создав запоминающиеся образы в пьесах Островского, Ибсена и Гауптмана. Сыграла она и главную женскую роль в премьерной пьесе Горького «Дачники».

В январе 1905 года на гастролях в Риге неожиданно случилось несчастье. Играя сказочную фею Раунтделейн в «Потонувшем колоколе» Гауптмана, Мария Федоровна по ходу пьесы должна была плавно опуститься в люк сцены. Но поддерживающая веревка неожиданно сорвалась, и актриса упала. А она в то время ждала ребенка от Горького. Ребенка спасти не удалось, да и сама Андреева еле выжила. Около нее неотлучно находился Морозов, так как Горького в это время арестовали. Залог за него внес Савва Тимофеевич. Но и его терпение не было безграничным. Взгляды Горького все больше раздражали мецената, а революционные события 1905 года убедили его в пагубности помощи большевикам, которые в издаваемых на его деньги газетах клеймили его «кровопийцей и эксплуататором».

Савва Тимофеевич впал в депрессию и тоску, отказывался общаться с окружающими. Врачи диагностировали нервное расстройство и послали его в заграничное путешествие. 13 мая 1905 года Саввы Тимофеевича Морозова не стало. Он скончался в отеле в Каннах на юге Франции. Жена нашла его с простреленной головой. По мнению французской полиции, Морозов покончил с собой. Об этом свидетельствовала найденная рядом записка. Его смерть вызвала массу толков и споров. Версию о самоубийстве поддерживала в своих воспоминаниях и Андреева. В то же время родственники Морозова и многие современные историки полагают, что Савву Тимофеевича убили большевики. Незадолго до своего отъезда Морозов категорически отказал-

ся давать им деньги и даже пригрозил рассказать властям все, что ему известно о тайнах партии, а известно ему было немало. В пользу этой версии, по мнению некоторых исследователей, свидетельствует и тот факт, что незадолго до смерти Морозов застраховал свою жизнь на сто тысяч рублей, а страховой полис оставил Андреевой. Жена Морозова возбудила процесс против актрисы, пытаясь отсудить у нее деньги, но ее старания не увенчались успехом. Большую часть оставленных ей Морозовым денег Мария Федоровна передала в партийную кассу и лишь небольшую толику отдала сестре, воспитывавшей ее детей.

После трагедии в Риге Андреева оставила сцену и посвятила себя за-

в которых говорилось, что Горький прибыл в США с актрисой, которую выдает за жену, в то время как его законная жена и дети им брошены и находятся в России. Поднялся грандиозный скандал. Горького называли «красным двоеженцем» и «аморальным типом». Спонсоры, которые поначалу собирались оказать помощь российским социал-демократам, отказались от своих намерений. Горький вынужден был покинуть отель, в котором они остановились: «Это вам не Европа, у меня семейный отель, и я не могу принимать здесь таких людей», — возмутился владелец. В конце концов гостеприимство Горькому и его спутникам оказали поклонники его таланта — супруги Мартин. Практический

На гастролях театра в Крыму

Андреева познакомилась с Горьким и сразу попала под обаяние магнетической личности писателя. Потом Горький стал часто приезжать в Москву, и каждый раз навещался в дом Марии Федоровны. Они были очень разные, но их увлечение революционными идеями, романтически страстный взгляд на жизнь и преклонение перед талантом друг друга притягивали их, словно магнитом

ботам о любимом человеке и революционной работе. Весной 1906 года они с Горьким отправились в Соединенные Штаты с целью сбора денег на нужды партии. Все шло великолепно, пока с подачи царского посольства России нью-йоркские газеты не опубликовали ряд статей,

успех поездки был невелик. Горькому и Андреевой удалось собрать лишь десять тысяч долларов. Они пробыли в Америке семь месяцев. За это время Горький закончил свою повесть «Мать», проникнутую революционным духом, которая вскоре была напечатана в России. Путь на

*И.Е. Репин.
Портрет
актрисы
Марии
Федоровны
Андреевой*

родину был закрыт, и Алексей Максимович с Марией Федоровной поехали в Италию, на Капри. Их вилла вскоре стала прибежищем многих русских эмигрантов. Горькому Мария Федоровна создала идеальные условия для работы. Скучать ей было некогда, но жить становилось все

тяжелее — наваливалась усталость, мучила тоска по родине, по детям.

В феврале 1913 года в связи с 300-летием дома Романовых в России была объявлена политическая амнистия. Андреева вернулась домой, оставив Горького на Капри — ему был необходим теплый климат.

Она мечтала о театре, но проживание в Москве ей было запрещено, и пришлось поехать в Киев. Уровень тамошней труппы ее, однако, не удовлетворил, и она бросила эту затею. К тому же в 1914 году в Россию вернулся Горький. Они снова поселились вместе, и Андреева с новыми силами окунулась в политику.

После победы Октябрьской революции ее назначили комиссаром театров Петрограда и пяти соседних губерний. Самым любимым детищем стал созданный при ее участии Большой драматический театр в Петрограде. Там она сыграла свои последние в жизни роли — Дездемоны и леди Макбет. Возможно, она слишком много времени и сил уделяла своим новым обязанностям и предоставила Алексея Максимовича самому себе, а может быть, сыграли свою роль какие-то другие обстоятельства. Как бы то ни было, но Горький отдалился от нее, обратив взор на другую женщину. Мария Игнатьевна Закревская-Будберг, попавшая в дом писателя в качестве секретарши, довольно быстро стала главной помощницей Горького, а затем и его пассией. Мария Федоровна была глубоко оскорблена в своих чувствах. Ей было уже 52 года. Она отдала Горькому почти двадцать лет жизни, была ему верной спутницей в горе и радости, а он так жестоко «отблагодарил» ее.

Расстались они спокойно и еще много лет продолжали поддерживать теплые дружеские отношения,

стараясь не упоминать о том, что их так долго связывало. Лишь после смерти Алексея Максимовича Андреева призналась: «Я была не права, что покинула Алексея. Я поступила, как женщина, а надо было поступить иначе: это все-таки был Горький».

После расставания с писателем Мария Федоровна получила назначение в торгпредство СССР в Германии. Несмотря на годы, она была все еще очень хороша. Вместе с ней в Берлине работал бывший секретарь Горького, Петр Петрович Крючков. В доме писателя его звали Пе-Пе-крю. Вскоре они стали любовниками, хотя Крючков был моложе ее на 17 лет. Возможно, это ее маленькая женская месть писателю. Кто знает?

Андреева вернулась в Москву. Она думала о возобновлении своей театральной карьеры, но под каким-то благовидным предлогом ей везде отказывали. В 1931 году ее назначили директором Дома ученых. Эту должность она занимала до 1948 года.

На похоронах Горького в июне 1936 года Мария Федоровна, постаревшая, убитая горем, шла рядом с его женой, Екатериной Павловной...

Скончалась Мария Федоровна Андреева 8 декабря 1953 года. Ей было восемьдесят пять лет. Она намного пережила всех выдающихся людей, с которыми свела ее судьба. Последнее упокоение она обрела на Новодевичьем кладбище в Москве. □

Дмитрий Зелов

ЗАРАЙСК

Самый маленький
Кремль державы

На юго-восточной окраине Московской области, на правом берегу реки Осетр расположился старинный город Зарайск. Вот под эти именем он впервые и появляется в русских ле-

тописях. Причем в 1146 году, то есть на год раньше Москвы.

В граде Зарайске, о происхождении названия которого среди маститых ученых до сих пор ведутся

споры (выдвинуто более 30 различных версий), сохранился каменный, четырехугольный в плане кремль о семи башнях и с тремя воротами. Форма башен согласуется с их месторасположением в оборонительной системе Зарайского кремля: двенадцатигранные башни расположены по углам, а три прямоугольные проездные посередине северной, западной и южной его стен. Это самый маленький из всех российских кремлей и единственный, полностью сохранившийся из кремлей Подмосковья: общая протяженность его стен 648 метров, а площадь составляет всего лишь 2,3 гектара. Для сравнения, размеры Московского кремля — 2235 метров и 27,5 гектаров — соответственно.

В своем нынешнем виде Зарайский кремль был построен без ма-

лого почти что пять веков назад, в 1528–1531 годы, при слиянии речки Монастырки с Осетром, в правление великого московского князя Василия III, правившего Московией в 1505–1533 годах. Материалом для строительства послужил белый тесаный камень и более прогрессивный, с точки зрения технологий того времени, кирпич. И если первый пригодился для облицовки цоколя башен и стен, то второй, как более пластичный, пошел на их завершение.

Отметим, что угловые башни Зарайского кремля весьма сильно выступают вперед, примыкая к стыку крепостных стен лишь одной из своих двенадцати граней. В таком архитектурном решении был заложен глубокий практический смысл: защитники крепости имели возможность применять как круговой, так

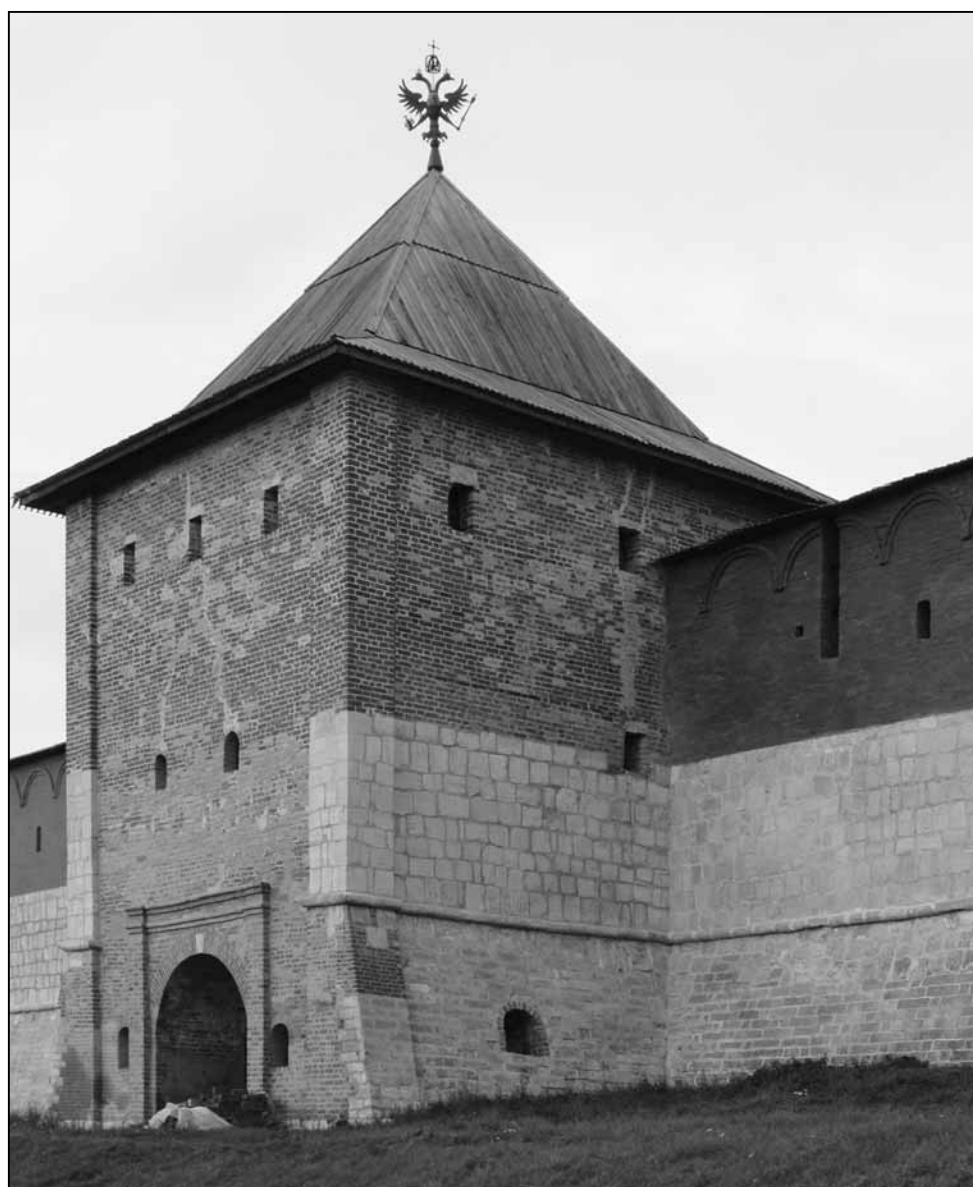
и фланговый огонь вдоль стен кремля из бойниц башен, расположенных веерообразно на каждом ярусе боя.

Другой характерной особенностью стен Зарайского кремля стал наклонный, расширяющийся книзу цоколь — такой прием зодчие использовали против артиллерии противника: неприятельские ядра в момент соприкосновения со стеной скользят по ней, что способствует изменению траектории полета и осла-

блению разрушительной силы вражеского ядра.

Проездные башни, получившие свои наименования по расположенным по соседству церквям или часовням (северная — Никольская, южная — Спасская и западная — Егорьевская), были снабжены для защиты от неприятеля двумя-тремя воротами и опускаемыми решетками — герсами.

Уже через пару лет после постройки Зарайский кремль выдер-

жал первое серьезное испытание — в 1533 году его штурмом пытались взять крымские татары, но, получив достойный отпор защитников города, удалились не солоно хлебавши в подвластные им бескрайние просторы Дикого поля, начинавшегося в те годы фактически сразу за южными границами города.

Названия угловых башен отражают их функциональное назначение: так, в Зелейной, или Казенной, хранилась «государева зелейная казна», то есть запас пороха («зелья»), свин-

ца, оружия, в Караульной располагалась городская стража, в Кабацкой издавна существовало питейное заведение, а в Тайницкой был подземный ход к реке для пополнения запасов воды.

В разгар трагических для Руси событий Смутного времени воеводою в Зарайск (1610–1611) по указу царя Василия Шуйского был назначен князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Гарнизон Зарайского кремля, в первой половине XVII столетия насчитывавший около полторы сотни

человек, состоял из стрельцов, пушкарей, затинщиков (обслуживали крепостную артиллерию, находившуюся «за тыном» — отсюда и название), воротников и рассыльщиков. Помимо этого пригодными к бою значились еще порядка 600–800 жителей городского посада.

Назначению в Зарайск будущего спасителя Отечества от интервентов предшествовали следующие обстоятельства. В 1608 году Зарайск единственный раз в своей истории был взят без боя врагами — отрядами полковника Александра-Иосифа Лисовского, одного из наиболее талантливых в войске претендента на российский престол Лжедмитрия II. В ходе битвы у стен Зарайского кремля пан Лисовский наголову разгромил рязанско-арзамасское ополчение воевод Захария Ляпунова и Ивана Хованского, что открыло ему путь на Коломну, а затем и на Москву для соединения с основными силами «тушинского вора». В июне 1609 года Зарайск был освобожден от интервентов рязанским ополчением под началом воеводы Прокопия Ляпунова.

А через год князь Дмитрий Пожарский, прибыв в крепость на реке Осетр, довольно быстро подавил мятеж сторонников Лжедмитрия II и изгнал «воровской» отряд рязанского воеводы Иссака Сумбулова, переметнувшегося к полякам и захватившего город. Позже он примкнул к Первому ополчению, выступив со своим зарайским отрядом на Мо-

скову для освобождения столицы России от засевших в Московском кремле польских интервентов. В память о нем на стене Зарайского кремля была установлена памятная табличка.

Двадцатый век принес Зарайскому кремлю новые, сенсационные открытия. В 1980-м году археологи и палеонтологи в ходе раскопок (продолжающихся и в наше время) открыли прямо у кремлевских стен палеолитическую стоянку древнего человека, получившую название Зарайской. Среди наиболее интересных находок разных лет стоит отметить обнаруженную на Зарайской стоянке необыкновенно выразительную для первобытной культуры статуэтку бизона из бивня мамонта, ожерелье из зубов песца и крупные кости с нанесенным на них крестообразным орнаментом.

В наши дни внутри древних средневековых стен расположился музей-заповедник, который так и называется — «Зарайский кремль». Посещение его познакомит вас со многими тайнами и загадками российской истории, и, несомненно, расширит ваш кругозор. Оказавшись в Зарайске, обязательно прогуляйтесь по его старинным улочкам, где в окошках многих домов, кажется, застыло время, где жители возделывают свои огороды, разводят кур и гусей, а над провинциально уютным городком высятся стены и башни древнего Зарайского кремля. И все это в каких-нибудь полутора сотнях километрах от столицы. Удивительное — рядом! □

Татьяна Крылова

За окном было совсем темно. Обещанный синоптиками, но превзошедший все ожидания снегопад кончился. По ту сторону высокого забора дома номер семь по Сосновой улице проехал трактор, расчищая проезжую часть. Свою работу обслуживающая компания коттеджного поселка знала и выполняла без нареканий. Недаром поселок считался элитным.

Лев Данилович устало вздохнул, расправляя оконные шторы, и сел в кресло. Его супруга, Анастасия Александровна, отчитывала официанта Николая за криво разложенные на праздничном столе приборы. Молодой человек согласно кивал, извинялся, обещал все исправить. Но в действительности, конечно, думал о том, что ему очень не повезло выйти на работу в новогоднюю ночь. И даже щедрые чаевые не смогут компенсировать ему разлуку с друзьями, семьей, любимой и (кто знает?) детьми.

У Льва Даниловича и Анастасии Александровны своих детей не было. Не сложилось. Зато были бизнес и дом, создававшие своим владельцам не меньше хлопот и наполнявшие смыслом большую часть их жизни.

Часы в гостиной пробили девять. Вот-вот должны были начать съезжаться гости, приглашенные на вечеринку. Подобные мероприятия Анастасия

Александровна устраивала часто, но до сих пор не было ни одного новогоднего. Даже елка в углу гостиной была поставлена впервые за все десять лет жизни в этом доме. А мишура и разноцветные гирлянды, как казалось Льву Даниловичу, до сих пор пахли свежим фабричным клеем.

— Надо было все-таки куда-нибудь поехать, — ворчливо произнесла Анастасия Александровна, присаживаясь на подлокотник кресла.

— Ты же знаешь, в этом году отпуск нам не по карману. К тому же второго числа мне надо будет выйти на работу, — обнимая супругу за талию, ответил Лев Данилович.

— Дай тебе волю, ты и первого числа меня на свой бизнес променяешь, — отозвалась Анастасия Александровна, но тут же забыла о том, что еще хотела сказать мужу, потому что второй официант — Сергей — начал открывать бутылку шампанского прямо над ковром в гостиной.

Вновь зазвучал ее властный голос. И уже Лев Данилович подумал о том, что стоило пренебречь VIP-категорией отдыха, но сбежать куда-нибудь в Европу на пару дней, лишь бы избежать этой суматохи и шума...

Наконец раздался первый звонок в дверь, и Анастасия Александровна поспешила в прихожую, чтобы встретить первых гостей:

— Светочка! Гошенька! Сколько же мы не виделись? Как ты похорошела, моя дорогая! А загар какой! На лыжах? На Рождество? Пряники? Спасибо, спасибо, очень приятный подарок... Одежду официанту отдайте. Коля, отнеси это в ту комнату, которую я показывала. Сегодня будет много гостей, мы решили не загромождать прихожую.

Когда Светлана и Георгий вошли в гостиную, Лев Данилович встал и с улыбкой приветствовал давних друзей супруги. Все обменялись поздравлениями. Гости восхитились новогодним украшением дома. Хозяйева посетовали, что «не было бы счастья, да несчастье» на их головы свалилось.

Раздался еще один звонок, и Анастасия Александровна вновь поспешила в прихожую. Приехали Мария и Виталий — племянник хозяйки дома с женой. А сразу вслед за ними появилась веселая шумная компания приглашенных во главе с Валерием Олеговичем — другом и деловым партнером Льва Даниловича.

К половине десятого собрались все гости: друзья, родственники, важные коллеги хозяина дома. Пришла и Полина — юная особа, приглашенная Львом Даниловичем. Стройная девушка, одетая с претензией, сразу не пришлась Анастасии Александровне по душе.

— Так это тот важный человек, про которого ты мне говорил? — шепотом поинтересовалась она у мужа.

— Да, — пробурчал хозяин дома, давая понять, что обсуждать эту гостью он не намерен.

— Я думала, она лет на тридцать постарше, — все же заметила его супруга, несколько демонстративно поджала губы, но больше свое недовольство никак выразить не успела — оставленные без присмотра официанты опять все делали не так.

В половине одиннадцатого Анастасия Александровна пригласила всех за стол.

— А где Лев Данилович? — спросила хозяйка у Сергея.

— Он с Валерием Олеговичем, его супругой, сыновьями и Полиной ушел в кабинет примерно полчаса назад. Я сейчас позову его...

— Не стоит. Вы о гостях позаботьтесь. Я сама схожу.

Кабинет Льва Даниловича располагался на первом этаже, как и гостиная. Это была большая комната, в которой помимо рабочей зоны были размещены библиотека и небольшой музей — несколько картин и других предметов современного искусства. Анастасия Александровна современного искусства не понимала, не любила и потому потребовала, чтобы вся эта «мазня» на глаза ей не попадалась. Она, наверное, даже потребовала бы от мужа, чтобы он совсем избавился от этих предметов, если бы каждый из них не стоил целого состояния.

Особенно ценной в коллекции Льва Даниловича была картина «Праздник» известного художника Ильи Макарьева. Шесть лет назад бизнесмен купил полотно размером 30х40 сантиметров у автора за каких-то двадцать тысяч долларов. На сегодняшний день работа оценивалась уже в двести тысяч все тех же американских единиц. Об этом, о своем восхищении автором и о своей любви к искусству вообще Лев Данилович и рассказывал гостям, стоя перед «Праздником». Он был немного похож на экскурсовода, с той лишь разницей, что время от времени нежно поглаживал жемчужину своей коллекции по краю деревянной рамы.

— Что-то случилось, Настя? — спросил Лев Данилович, увидев свою жену.

— Пора за стол, — со спокойной улыбкой отозвалась она.

Гости покинули кабинет. Последним вышел Лев Данилович.

— Надо закрыть дверь на ключ, — напомнила Анастасия Александровна. — В доме много посторонних людей.

— Это верно.

После того как дверь была закрыта, Лев Данилович направился в гостиную. Анастасия Александровна хотела пойти с ним, но вдруг услышала какой-то грохот на кухне и отправилась разбираться, что там случилось.

Первая часть праздничного застолья завершилась без пятнадцати минут двенадцать. Гости по очереди выходили в прихожую. Николай и Сергей выносили одежду. Хозяева выходили последними. Официант Николай

принес Льву Даниловичу дубленку, помог надеть ее, после чего второй официант протянул Анастасии Александровне шубу.

— Что это? — взглянув на меховое изделие, спросила она.

— Ваша шуба.

— Молодой человек, это не моя... Это вообще не шуба! Это какой-то безвкусный тулуп!

— Настя, не горячись. Коля и Сергей, наверное, просто перепутали твою шубу и шубу кого-то из гостей.

— Но это совсем не похоже на мою шубу! И цвет другой, и фасон...

— Настя! — повысил голос Лев Данилович. — Через пять минут Новый год наступит. Салют, шампанское. Неужели ты хочешь все променять на...

Она обиженно поджала уголки губ, махнув рукой, надела предложенную шубу, и хозяева вышли во двор вслед за гостями.

После праздничного салюта все вновь вернулись в гостиную. Анастасия Александровна подозвала к себе Николая и поинтересовалась, нашлась ли ее шубка.

— Да. Ее по ошибке Полине дали.

— Вот как? — протянула Анастасия Александровна и понимающе кивнула головой.

За окном светало. Гости разъехались час назад, нанятые официанты и повара закончили уборку и разошлись. Можно было уже отправляться на покой, но спать не хотелось.

— А хорошо все получилось, — уже не в первый раз за утро заметил Лев Данилович.

— Да. И племянников повидали, — согласилась Анастасия Александровна.

Они сидели в гостиной, допивая остатки шампанского и смотря, как в искусственном камине пляшет нарисованный огонь.

— Не хочешь чего-нибудь покрепче? — спросил Лев Данилович, когда бокал в его руке опустел.

— Нет.

— А я пойду себе виски налью.

Он встал и побрел в сторону кабинета. Было слышно, как Лев Данилович достает ключ из кармана пиджака, как открывает дверь, заходит внутрь. А потом вдруг Анастасия Александровна поймала себя на том, что тщательно прислушивается к шагам мужа.

— Лева? Лева, что с тобой?! — закричала она, увидев супруга сидящим на полу. Он все еще сжимал в руке бокал из-под шампанского, а другой рукой держался за сердце.

— «Праздник», — наконец сумел выдавить бизнесмен. — Где мой «Праздник»?

Когда полицейский автомобиль подъехал к КПП коттеджного поселка, ворота открылись, и навстречу выехала карета «скорой помощи». Следователь Роман Киров велел водителю остановиться и поспешил выйти из машины.

— Следователь Киров, — представился он, когда водитель «скорой» взглянул в открытое окно. — Вы не на Сосновую улицу, случайно, приезжали?

— На нее самую. В седьмой дом.

— Что с хозяином?

Водитель отодвинулся, давая возможность сидящему рядом врачу поговорить со следователем.

— Подозрение на инфаркт, но, скорее всего, приступ стенокардии. К нашему приезду ему немного лучше стало: жена лекарства дала. От госпитализации отказались.

Поблагодарив медиков, следователь Киров направился в сторону КПП. Охранники сообщили, что никого подозрительного ночью не видели, через забор дома номер семь никто не перелезал. После этого Роману без возражений показали и списали на диск все видео по интересующим улицам. Занеся данные в протокол, следователь поспешил вернуться в теплый салон автомобиля, на котором приехал.

— Ничего? — поинтересовался водитель.

— Ничего. Скорее всего, кто-то из своих.

— Как я и говорил, — хмыкнул водитель.

Роман только улыбнулся в ответ. Он немного волновался, зная, что ему предстоит вести дело, уже вызвавшее некоторый резонанс. Следователем молодой человек работал уже почти два года: устроился сразу после окончания института. И ничего подобного в его практике еще не было.

Тем временем автомобиль остановился перед глухими воротами дома номер семь. Возле калитки переминался с ноги на ногу полицейский. Увидев следователя, он громко шмыгнул носом, выдавая степень своего промерзания.

— Следователь Киров, — показал Роман ему свое удостоверение.

Полицейский кивнул.

— Я думаю, никто не будет против, если вы погрееетесь в машине, — предложил Роман. — Водитель все равно будет ждать меня здесь.

— Спасибо, — отстучал зубами полицейский и поспешил забраться в теплый автомобиль.

Киров нажал на ручку калитки, и полотно тихо отошло в сторону. Он увидел кирпичный двухэтажный дом с террасой справа от него и балконом

над главным входом. Спереди и с боков дома было совсем немного свободного пространства, а вот за ним простиралось снежное поле, изначально планировавшееся как земля под соседний коттедж.

По расчищенной тропинке Роман дошел до крыльца и вошел в дом. Хозяева и двое полицейских находились в гостиной. Еще один полицейский стоял возле двери, очевидно, ведущей в кабинет.

— Добрый день! Я — следователь Киров... — представился Роман.

— Ну, наконец-то! — вскочил с места Лев Данилович и едва ли не с кулаками накинулся на молодого человека. — Найдите мне его! Найдите!

Анастасия Александровна повисла на руке супруга, тщетно пытаясь напомнить, что у него больное сердце, что ему нельзя волноваться.

— Найдем, — кивнул Роман.

— Найдете вы, как же...

— Левочка, успокойся! Не надо волноваться...

— А посолиднее у вас никого не нашлось? Вы хоть понимаете, сколько стоит «Праздник»?

— Двести тысяч долларов, — расправив плечи, ответил Киров. — К тому же картина была застрахована. И у вас был мотив украсть ее.

Лев Данилович замер, уловив намек о своей причастности к краже. Побледнел, испуганно сделал пару шагов назад и, если бы не стоявшее позади кресло, сел бы прямо на пол.

— Я не виноват. Не виноват, — запричитал он, морщась и хватаясь за грудь в области сердца.

А следователь тем временем перевел взгляд на его супругу:

— Анастасия Александровна, покажите мне, пожалуйста, место преступления и подробно расскажите, что здесь произошло.

Сначала они прошли в кабинет Льва Даниловича. Работавший там эксперт попросил их пока ничего не трогать, поэтому Роман и Анастасия Александровна остались стоять возле двери. Хозяйка сообщила, как была обнаружена пропажа картины, рассказала немного о самой картине, о том, как дорога она и как нравится ее мужу. Потом стала рассказывать о праздновании Нового года, о причинах, почему отмечали праздник в своем доме, о гостях, племянниках, которых давно не видели, о Полине, которую она видела в первый раз...

— Ее ваш муж пригласил? То есть вы совсем ничего о ней не знаете?

— Только то, что можно понять по внешнему виду. Молодая, симпатичная. Машина старая. Денег нет. И мозгов, надо полагать, тоже.

— Почему вы так решили? И откуда про машину знаете? Вы же сказали, что все гости на такси приехали.

— Все нормальные гости — да. А Полина на своей машине. Пропуск она выписать не догадалась, вот мы с мужем потом ходили ее провожать до

ворот. Я предложила официанта попросить, но Левушке приспичило самому это сделать.

— А вы с ним пошли... за компанию, — понял Роман.

Анастасия Александровна кивнула, едва заметно улыбнувшись — сообразительность и тактичность молодого человека произвели на нее приятное впечатление, — после чего вернулась к рассказу о празднике.

— Получается, когда все садились за стол, картина была на месте. И Лев Данилович лично закрыл дверь на ключ, отправляясь к гостям.

— Да. «Праздник» выкрали через окно, — подтвердил появившийся на пороге кабинета хозяин дома. — Взгляните сами. Там на подоконнике снега нет. И окно не закрыто.

Киров посмотрел в указанном направлении. Створка окна, в самом деле, держалась на месте лишь благодаря книге, подпиравшей ее изнутри. И снега на подоконнике с наружной стороны окна не было именно возле этой створки.

Эксперт обратил внимание следователя на пол возле окна, у стены, где висела картина. На темном паркете были слабо различимы пятна от высохших луж.

— Скажите, а кто-нибудь из гостей или работников выходил на улицу после того, как вы закрыли дверь, и до того, как уйти окончательно?

— Так вы думаете, что это кто-то из гостей? — удивилась Анастасия Александровна.

— У меня есть неопровержимые доказательства, — подтвердил следователь. — Так выходил кто-нибудь на улицу в обозначенное время?

— Все гости выходили, чтобы полюбоваться на фейерверк. Официант один выходил, он как раз поджигал салюты. А больше никто.

— Во время фейерверка все стояли на террасе?

Анастасия Александровна и Лев Данилович переглянулись.

— Выходили из дома все, а сказать, кто смотрел, — сложно, народу было много. Отсутствия одного человека могли и не заметить, — сказала Анастасия Александровна.

— У вас в доме видеочамеры есть?

— Снаружи дома, — ответил Лев Данилович.

— Это окно хоть на какой-нибудь камере видно?

— Да, разумеется.

— Я бы хотел посмотреть записи.

— Да-да, конечно. Только... — Хозяин замялся и, смущаясь, продолжил: — Сами мы не умеем. Мы уже Виталику позвонили, это Настенькин племянник. У него фирма по установке систем видеонаблюдения. Он нам все налаживал. Часа через полтора Виталик должен подъехать.

— А охрана поселка может разобраться?

Анастасия Александровна и Лев Данилович вновь переглянулись:

— Об этом мы не подумали.

— И все-таки, возвращаясь к страховке картины. Лев Данилович, скажите, она покрывает весь ущерб?

— Да, конечно. Иначе, зачем нужна страховка? Вот только картину я не крал! С какой стати мне красть у самого себя?

— Чтобы бизнес свой подлечить. Ваша супруга мне сказала, что у вас финансовые проблемы.

Лев Данилович зло посмотрел в сторону жены, потом вновь перевел взгляд на следователя:

— Мои финансовые проблемы разрешатся девятого января. Один из моих деловых партнеров предложил мне весьма интересный контракт. На гораздо большую сумму, чем я мог бы выручить за «Праздник».

— Но сейчас-то проблемы все же есть.

— Этот человек меня ни разу не подводил! И если он сказал, что сделка состоится, то так и будет.

— Контакты его можно?

Лев Данилович вздохнул и направился к столу за визиткой.

Закончив осмотр кабинета и пообщавшись с хозяевами, Киров вышел на улицу. Дорожка, ведущая от террасы к окну кабинета и далее вокруг дома, была истоптана так, что следы преступника на ней невозможно было различить.

Подоконник был металлическим, и на нем не могло остаться отпечатков обуви. Та же часть, на которой снег все еще лежал, вовсе не представляла интереса для следователя: пушистое покрытие было идеально ровным, а снегопад закончился до того, как съехались все гости.

— Сантиметров десять выпало, — поразился Роман. Подобного понастоящему зимнего Нового года молодой человек не мог припомнить.

Охранник, пришедший списать следователю запись с камеры видеонаблюдения, разобраться с техникой не смог.

— Это какая-то новая версия. Лучше специалиста подождать, а то испортим что-нибудь, — сказал он.

— Ладно. Не отходите от техники, — велел Роман одному из полицейских.

Оформив все документы, Киров напомнил хозяевам, что им не стоит уезжать до окончания расследования, и вернулся в служебную машину.

— Едем? — спросил водитель.

— Да. В отдел.

— А грустный такой чего? Там ведь тепло.

— Да дел выше крыши, — вздохнул следователь. — Я, наверное, прирасту к телефону, столько людей обзвонить надо. Вот! — И он продемонстрировал водителю список гостей и нанятого на новогоднюю ночь персонала. — У всех показания надо взять.

Но не успели они выехать за пределы поселка, как у него зазвонил мобильный телефон.

— Да... Кого? Полину Речникову?.. Что у нее нашли?!

Закончив разговор, Роман широко улыбнулся:

— Наверное, это мне подарок на Новый год. На посту ДПС машину с грязными номерами и нетрезвым водителем задержали. Некая Полина Речникова — недавняя гостья на вечеринке в доме номер семь по Сосновой улице.

— А в багажнике у нее картина?

— Ну, не в багажнике. В салоне. Но тот самый «Праздник»! Постовой в Интернете видел материал о краже и по фотографии узнал.

Когда Киров добрался до своего рабочего места, Полина в сопровождении двух полицейских уже ждала его возле двери кабинета.

— Добрый день, — кивнул ей Роман. — Заходите.

Девушка не двинулась с места. Сцепив руки на груди, она исподлобья уставилась на следователя и спросила весьма недружелюбно:

— На каком основании меня задержали?

— Проходите, пожалуйста, в кабинет. Мы с вами все обсудим.

Полина поняла, что ничего другого ей просто не остается. Взяв с лавки свою шубу и сумку, она проследовала в указанном направлении.

Следователь закрыл дверь, разделся и щелкнул кнопку на чайнике. Потирая холодные руки, уселся за стол и, разложив бумаги, перечитал показания владельцев картины, охраны с КПП.

— Полина Речникова. Студентка заочного отделения Академии иностранных языков.

— Да. Это я.

— Как вы можете объяснить то, что в вашей машине была найдена картина «Праздник»?

— Никак. Понятия не имею, как эта «мазня» там оказалась.

— «Мазня»? А вы хоть знаете, сколько эта «мазня» стоит?

— Лев Данилович просветил.

— Как давно вы знакомы с Львом Даниловичем?

Девушка тяжело вздохнула. Сначала следователю показалось, что она не хочет отвечать на этот вопрос, но Полина все-таки заговорила, начав с ругательств в адрес бизнесмена.

— Дернуло меня с ним связаться! Ладно... как тебя там?

— Следователь Киров, — подсказал Роман.

— Следователь Киров, — передразнила Полина, — расскажу я тебе, как с ним познакомилась. Где-то с неделю назад он ко мне в кафе за столик подсел. Не знаю, откуда узнал, что мне деньги нужны. Может, бармен ему шепнул что, поросенок этот...

— Какой поросенок? — не понял Роман.

— Бармен в кафе «Золотая орхидея», что возле нашей академии. Борисом звать. Борька-Поросенок. Мы с ним дружим вроде как... В общем, подсел этот Данилович ко мне и говорит, мол, хочешь подзаработать? Работа не пыльная, не опасная. Надо только на вечеринку прийти и картинку одну со стены снять. Пароли-явки, мол, я тебе все дам. Потому что и дом, и картина в том доме — мои. А ты только обставь все так, чтобы следак из страховой моей вины в краже не углядел.

Роман нахмурился, чувствуя свой промах. Он, конечно, подозревал владельца «Праздника», однако действительных причин сомневаться в честности Льва Даниловича у него не было. И никакие улики на хозяина не указывали.

— Так вы, значит, по сговору с владельцем все провернули?

Полина решительно замотала головой:

— Я к этому дела отношения не имею. Он мне днем тридцатого позвонил. Сказал, что все отменяется.

— Все? Но вечеринка-то была. И вы на ней были.

— И аванс у меня на счету есть, — проворчала девушка. — Две тысячи баксов он мне перевел двадцать восьмого. Можете проверить.

— Обязательно проверим. Что-нибудь еще хотите сообщить следствию?

— А что надо?

— Возможно, что-то показалось вам странным, на что-то необычное обратили внимание.

— Вроде ничего такого не было. Шубу хозяйскую поносить получилось.

— Это как? — спросил Киров, хотя прекрасно понимал, о каком эпизоде сейчас расскажет Полина. Но ему было интересно выслушать версию девушки.

— Официанты перепутали. Вместо моей шубы принесли шубу хозяйки, хотя они совсем не похожи.

— И вы попросили поискать вашу?

— Нет. Я даже и пытаться не стала. Там такая суматоха была. Александровна весь вечер мельтешила. А в тот момент ее беспорядочное движение пика достигло. Всех чуть ли не пинками выгоняла. Жуть просто!

— Был запланирован фейерверк, — вставил Роман.

— И было дико холодно!

— Почему вы такси не вызвали, а приехали на своей машине? — перевел он разговор на другую тему.

— Потому что напиваться не хотела. Я и так среди той публики выделялась: манерам-то не обучена. Вот и решила, что лучше трезвой быть. А чтобы никто не заподозрил, почему я не пью, приехала на машине. Это ведь отличная отмазка!

— Пожалуй, — согласился Киров.

— Только не сработало. Все равно пару бокалов пришлось выпить. Знала бы, чем это кончится, послала бы Данилыча куда подальше с его приглашением. Еще вопросы есть?

— Во время фейерверка кто-нибудь уходил с террасы?

— Насколько помню, нет.

— И даже вы?

— А мне-то зачем уходить? Погодите! Это что же, картину под бой курантов вынесли?

— Очень может быть, — задумчиво проговорил Роман.

Конечно, было глупо надеяться, что Полина сразу во всем признается, и в тот же день можно будет закрыть дело. И все же Роман рассчитывал хоть на чем-нибудь подловить девушку. Не вышло. Оставалось дожидаться результатов экспертизы и записи с камер. Если на картине или в кабинете обнаружатся пальчики Речниковой, или ее будет очень хорошо видно на видео, то она уже не сможет отвертеться.

Результаты экспертизы пришли вечером того же дня. Из них следовало, что ни на окне, ни на книге, подпиравшей створку, ни на картине, найденной в салоне автомобиля, нет отпечатков пальцев Полины Речниковой. Все «пальчики» принадлежали хозяевам, что, впрочем, не удивительно.

Но, с другой стороны, показания Речниковой, касающиеся ее знакомства с Львом Даниловичем, подтвердились выписками со счета Полины и распечаткой ее звонков. Так что отпускать Речникову пока было рано.

Киров лениво помешивал сахар в чашке почти остывшего чая в ожидании полицейского и Льва Даниловича. Около часа назад ему позвонили и сообщили, что везут запись с камер видеонаблюдения, переписанную Виталиком на диск. По приезду оказалось, что в следственный отдел кроме владельца «Праздника» спешила и его жена.

Полицейский подтвердил, что на диске именно то видео, которое списали с компьютера. Следователь посмотрел запись в присутствии заинтересованных лиц.

— Так, что тут у нас? Время — ноль часов одна минута. Дата — первое января. Женщина в шубе... Скажите, Лев Данилович, это шуба вашей жены?

— Да. Но во время фейерверка она была на Полине! — тут же вмешалась Анастасия Александровна.

— Так что же это получается? Это Речникова украла «Праздник»? — воскликнул Лев Данилович.

— Получается, что да, — кивнул следователь.

— Так задержите ее! — вскочил со своего места владелец картины.

Роман по-прежнему спокойно посмотрел на него и жестом велел вернуться на стул.

— Ее уже арестовали.

— А картину? Картину нашли? — с внезапной дрожью в голосе спросил бизнесмен. — Покажите мне ее! Умоляю, дайте убедиться, что картина в порядке!

Киров с недоверием взглянул на Льва Даниловича. Слишком уж много чувств выказывал тот, хотя для коллекционера вполне нормально волноваться за один из своих экспонатов.

— Ладно, — согласился Роман.

Он достал из сейфа герметичный пакет, в котором лежала свернутая в рулон картина, открыл его и протянул полотно Льву Даниловичу. Тот дрожащими руками взял холст, облизал пересохшие губы и медленно развернул. С минуту смотрел на картину, а потом вдруг швырнул ее на стол следователя:

— Что это за «мазня»?

— В каком смысле «мазня»? Это ваша картина «Праздник» кисти Ильи Макарьева.

— Да эти... каля-маля... даже рядом с работами Макарьева не лежали! Где моя картина?!

— Левочка! Тебе нельзя волноваться! — тут же запричитала Анастасия Александровна.

После их ухода Роман распорядился привести в кабинет Речникову.

— Что-то вы грустный сегодня, следователь Киров, — заметила Полина. — Неужели улики, доказывающие мою невиновность, нашли? — и слегка усмехнулась.

Никак не отреагировав на ее слова, Роман спросил:

— Скажите, Речникова, вы в искусстве разбираетесь?

— Не больше вашего, надо полагать.

— Взгляните на это, — передал он Полине картину, которую нашли в ее машине.

— «Праздник». Картина, которую Лев Данилович показывал.

— Вы уверены?

Девушка в ответ лишь пожала плечами.

Изначально Киров не собирался отдавать картину на экспертизу, не было причин сомневаться в ее подлинности. Но теперь получалось, что без специалистов ему не обойтись. Если Полина выкрала из дома Льва Даниловича подделку, то получалось, что сам владелец «Праздника» заранее подменил оригинал копией. Но зачем?

— Чтобы ее нашли. А он в это время...

— Кого нашли? В какое время? — не расслышала его бормотания Полина.

— Я вам сейчас кое-что покажу, — многозначительно взглянул на нее Роман.

Развернув к Речниковой монитор своего компьютера, он включил запись с камеры видеонаблюдения. На записи было отчетливо видно, как девушка в шубе идет вдоль дома, смахивает снег с подоконника, открывает окно. Через несколько минут она вновь показывается в окне, спрыгивает на землю, просовывает руку в щель между створкой и рамой, поправляя книгу. Идет в обратном направлении...

— Я полагаю, больше вы не будете отпираться, что это вы украли «Праздник». И для вас будет лучше, если сейчас дадите показания относительно роли владельца картины в краже.

Полина скрестила на груди руки и откинулась на спинку стула:

— Какие показания? Я ничего не крада! И ничего рассказать не могу!

— То есть вы отказываетесь сотрудничать со следствием.

— Да.

— Есть там кто? — крикнул следователь. Дверь в кабинет открылась, и на пороге появился полицейский. — Уведите!

Когда Полину увели, Роман вздохнул и, развернув экран монитора к себе, уставился на остановленный кадр.

«А что, если это, в самом деле, не Речникова? Что, если Лев Данилович еще кого-то нанял? И этот кто-то и выкрал картину, пока Полина и другие гости любовались фейерверком?» — подумал он и вновь запустил запись. И вновь девушка шла вдоль дома. Вновь останавливалась и сметала снег с подоконника...

— Стоп! — скомандовал себе Киров. Внимательно приглядевшись к изображению, он нахмурился, а потом вдруг громко рассмеялся.

Через пару минут Роман уже спускался по лестнице к выходу, возле которого его ждала служебная машина и двое полицейских.

Дверь следователю открыла Анастасия Александровна.

— Добрый день, — несколько растерянно проговорила она.

— Добрый. Можно войти?

Женщина сделала шаг в сторону, пропуская в прихожую следователя и сопровождавших его полицейских.

— Супруг ваш дома?

— В кабинете. Я позову...

— Нет-нет, лучше мы сами к нему пройдем.

Лев Данилович визиту следователя скорее обрадовался, чем огорчился. Но и на его лице читалось удивление. Закрыв ноутбук, мужчина встал из-за стола и подошел к Роману с протянутой для рукопожатия рукой.

— Что-нибудь выяснили? Нашли «Праздник»? — с надеждой спросил он.

— Давайте присядем, и я вам все объясню, — предложил Киров. — И вы, Анастасия Александровна, присаживайтесь. Вам тоже будет интересно послушать.

Хозяева устроились на диване в библиотечной зоне, Роман расположился на стуле напротив них. Полицейские остались стоять возле двери кабинета.

— Картины я пока не нашел, — признался он. — Но я знаю, кто и как совершил преступление. И у меня есть улики, подтверждающие мои догадки. Так что потерпите еще полчаса, Лев Данилович, скоро «Праздник» вернется к вам.

— Я предпочел бы не ждать ни секунды, но выбора у меня, я полагаю, нет.

— Именно так.

— Так кто украл картину? Полина?

— Нет, — покачал головой Роман.

— Как же так? Разве ее вина не очевидна? — удивилась Анастасия Александровна.

— Давайте я начну с самого начала. С того момента, Лев Данилович, когда вы обнаружили, что ваша компания нуждается в срочном финансовом вливании. Вы были в панике. Вам очень не хотелось терять свое детище и свое положение. И тогда вам в голову пришла интересная мысль о небольшом мошенничестве. Для осуществления вашего плана и была нанята Полина Речникова. Ее руками вы решили «украсть» самую ценную картину из вашей коллекции и получить страховку. Вы, разумеется, могли продать картину, но сил расстаться с «Праздником» так и не нашли. Я все верно говорю?

Лев Данилович заерзал на месте, пыхтя и громко фыркая. Несколько раз он переводил взгляд со своей жены на следователя и обратно.

— Да, все именно так, — наконец признался он. — Но я не крал картины! Тридцатого числа мне позвонил мой деловой партнер и предложил контракт, который решал все мои финансовые проблемы! И я тут же все отменил.

— Я знаю, — кивнул Роман. — С вашим партнером мы пока не смогли связаться, но я уверен, что он подтвердит ваши слова. Что же касается Речниковой...

— Если она совершила эту кражу, то по собственной инициативе! — продолжал настаивать на своей невинности Лев Данилович.

— Вы перечислили ей деньги.

— Да. Это был аванс. А потом я оставил ей эти копейки в качестве платы за молчание.

— А приглашение на вечеринку?

— Когда я нанимал ее, то вынудил изменить планы на новогоднюю ночь. Я подумал, что будет честно предложить ей что-то взамен, после того как наши деловые отношения закончились. Она не отказалась и приехала.

— Для того чтобы украсть картину, — добавила Анастасия Александровна.

— Она не крала «Праздник», — улыбнувшись, отрицательно покачал головой Роман. — И никто другой из ваших гостей картину не крал. Я подозреваю, что она вообще не покидала пределов этого дома.

— То есть как? Ведь на записи четко видно, что какая-то девушка проникает в кабинет через окно во время фейерверка.

— Видите ли, Лев Данилович, запись не стоит принимать в расчет при выяснении обстоятельств кражи, потому что запись — такая же фальшивка, как и картина, которую нашли в автомобиле Полины Речниковой. И нужна она была лишь для того, чтобы скрыть истину: ни до, ни после, ни во время фейерверка никто не залезал в окно вашего кабинета.

— Что вы хотите этим сказать? — опешили хозяева.

Следователь встал и подошел к окну. Дернул за ручку, демонстрируя надежность фиксации створки в закрытом положении.

— Чтобы кто-то мог открыть это окно снаружи, его предварительно надо было открыть изнутри. Речникова не могла этого сделать. Да, она была в кабинете, но кроме нее было так мало людей, что вы сразу бы заметили, отойди она к окну и возьмись за ручку. И отпечатков ее пальцев на раме не нашли. А во время вечеринки вы ее в перчатках, надо полагать, не видели?

— Нет, не видел.

— Можно, конечно, предположить, что у Речниковой был сообщник, который открыл ей окно. Но для этого у него должен был быть ключ от вашего кабинета.

— Исключено! Ключ все время находился у меня в кармане пиджака... — Тут Лев Данилович замолчал и, выругавшись, стукнул себя ладонью по лбу: — До того, как я положил его в карман, он в столе у меня был. Он всегда лежит в верхнем ящике. Да его любой мог взять, незаметно проникнув в кабинет!

— Сделать копию и открыть дверь после того, как вы закрыли ее на ключ, — согласно кивнул следователь. — Но в таком случае, зачем преступнику напарница, которая выкрадет «Праздник» через окно и будет очень хорошо видна на записях с камер?

— Незачем, — согласился Лев Данилович.

— Вот именно. Преступник вошел в кабинет через дверь. Снял картину, открыл окно, смахнул снег с подоконника снаружи и часть его разбросал на полу. После чего спокойно вышел и закрыл вновь дверь на ключ.

Роман вернулся к стулу перед диваном, но садиться на него не стал.

— Я думаю, преступник с самого начала знал, что планируется кража картины, и решил поучаствовать в этом. Поэтому заранее заказал копию, чтобы подменить «Праздник», перед тем как Речникова украдет его. Он рассчитывал продать полотно до того, как вы обнаружите, что из вашего кабинета украдена копия. Но вы отменили сделку. И преступнику тоже пришлось менять планы. Картину он выкрал сам. А с помощью копии попытался отвести от себя подозрения, подкинув ее Речниковой.

— Но кто же проделал все это? — облизал пересохшие губы Лев Данилович.

— Тот, кого вы видели на записи.

— Вы же сказали, что запись — фальшивка?

— Только в плане даты и времени. Она была сделана не в новогоднюю ночь, а днем или двумя днями ранее. Но преступник на этой записи самый настоящий.

— И кто же он? Черт возьми, не тяните!

Следователь посмотрел на супругу Льва Даниловича и спокойным тоном произнес:

— Вы, Анастасия Александровна.

— Это шутка? — удивленно подняла она брови.

— Бред! Зачем моей жене красть мою же картину?!

— Когда у вашего мужа возникли проблемы с бизнесом, — пожал плечами Роман, — вы, Анастасия Александровна, посоветовали ему продать «Праздник». Он отказался. Тогда вы натолкнули его на мысль о фиктивной краже. Но потом решили, что и вам самой деньги не помешают. Вы сделали копию картины, дубликат ключа и поддельную запись. В новогоднюю ночь вы излишне много суетились...

— Я волновалась! Переживала за то, чтобы все прошло идеально.

— Благодаря этой суете вы смогли незаметно поменять местами ваши с Речниковой шубы, чтобы ее внешний вид соответствовал тому, который был у вас на записи.

Анастасия Александровна не нашлась, что возразить на это. Зато Лев Данилович не стал молчать:

— Да как же она могла подменить видео? Мы не умеем пользоваться этой аппаратурой!

— Вы, Лев Данилович, не умеете. А ваша супруга — тетька человека, который устанавливал ее. Анастасии Александровне ничего не стоило узнать у племянника, что и как.

Несколько минут в кабинете царила тишина, потом Анастасия Александровна произнесла:

— Как вы догадались, что видео фальшивое?

Лев Данилович ахнул, схватился за сердце, прохрипел имя супруги. Анастасия Александровна не двинулась с места, так что пришлось одному из полицейских оказывать помощь хозяину дома.

— Вас подвел снег: в новогоднюю ночь его выпало слишком много. Гораздо больше, чем во время предыдущего снегопада. В глаза не бросается, но если присмотреться к записи внимательнее, то все же заметно, что на подоконнике его совсем немного.

— М-да. Не повезло. Но, согласитесь, шикарный был план, — вздохнула Анастасия Александровна.

— Да, шикарный, — согласно кивнул Роман.

— Но зачем, Настенька? — прохрипел Лев Данилович.

— Чтобы сделать то, что давно следовало. Чтобы продать этот «Праздник». Двести тысяч долларов! Да на эти деньги можно было не один год жить в свое удовольствие в какой-нибудь тропической стране. Под пальмами на берегу океана... И никогда не слышать про бизнес! И не справлять Новый год в этих сугробах!

Не видя смысла сопротивляться, Анастасия Александровна сообщила, что «Праздник» она прячет в гардеробной среди своих вещей. Арестовать женщину следователь Киров не стал: владелец картины заявил, что не держит зла на жену, что в произошедшем есть и его вина, потому заявление о краже он заберет.

Льву Даниловичу вызвали «скорую». Дождавшись ее приезда, Киров покинул дом по Сосновой улице. Морозный воздух сразу защипал щеки, ветер вцепился в пряди волос, выбивающиеся из-под шапки. На ресницы упала пара пушистых снежинок. □

Иван Тереверзин

В вечернем небе хмарь густая,
но сердце не томит печаль.
Как будто правда, дорогая,
мне ничего уже не жаль.

А разве жизнь не получилась?
Да в том-то дело, что сполна!
И, значит, счастье, как приснилась,
так и сбылось по воле сна.

И страсть, сжигающая душу,
чтоб еще слаще быть любви,
въявь управляла мной на суше
и в грозовой морской дали.

В итоге написалась повесть
длиною в много-много лет,
где в каждом слове с правдой совесть,
где в каждом образе лишь свет.

Но совершенного на зависть
тупым врагам не перечеть!
Моя любовь, я не о славе,
я о тебе, чье солнце — честь.

Ты пошла, так иди! Я, извини, не против!
Нельзя упрямо, как в ступе воду толочь,
говоря впустую, наверно, уже раз в сотый,
что пора себялюбье навек превозмочь.

Потому, наверно, сердцу почти не больно,
что наше время заканчивается тоской...
И все же душою, я вольно или невольно,
но улетаю в небо с просительною мольбой.

Умирает последней надежда — сказано верно.
И изменять это я бы совсем не хотел,
чтоб в своем одиночестве ни о чем скверно
не судил, не думал, не горевал, не жалел.

Прости, прости, что я посмел
коснуться губ твоих горящих.
Как будто соколом взлетел
на небо чувств животворящих.

Неужто вправду полюбил,
пускай и в шаге от крушенья,
ведь не вернуть ни чистых сил,
ни золотого вдохновенья?!

Как гром бы зло ни грохотал,
на сей вопрос враз не ответить!
И вновь лечу то выше скал,
то ниже придорожных ветел.

Но дам я, дам отчет себе:
в любви мне только и осталось
сгореть дотла назло судьбе,
хранящую счастливо старость.

Так кроны тополей сомкнулись,
что ни жара, ни грохот улиц
здесь не тревожат гордый дух,
с которым выйдешь из прорух.
Дыша всей грудью вдохновенно,
вновь думаешь о сокровенном,
ну например, что в бездне лет
идешь за вечным словом вслед,
претерпевая, словно смерть,
всей подлой жизни круговерть.
Но в миг, когда его в природе
к великой радости находишь,
то, как ты слову не внимаешь,
вдруг в полной мере понимаешь
что хоть оно вновь дарит свет,
но в строчку не ложится, нет,
как в кладку треснутый кирпич.
А день прошел и птичий клич
о том вещает вновь и вновь
ну как про звонкую любовь.
Вдохнешь да перестроишь мысль,
и обретешь простую жизнь,
где вновь с надеждою в глазах
внимаешь чудо-пенью птах,
коль не сложил свою строку,
чужой будь счастлив на веку.

Ты бросила меня на произвол судьбы,
а я ребенок с обликом невинным,
что с мамой в лес ходил когда-то по грибы,
по кислицу, бруснику и малину.

Жестокая? Да нет! Уставшая душой
от выходов моих, но ведь дана мне свыше!
И как я без тебя останусь, Боже мой,
такой любимой навсегда,
ты слышишь?!

Они встречаются, глядят в глаза с надеждой,
да только между ними и тобой
стоит любовь стеною, как и прежде,
и ты лишь в силах сокрушить ее, друг мой.

Но заново я стену буду строить,
поскольку больше нечем жить душе.
Прости, прости! И ждать меня не стоит,
как павшего на горьком рубеже.

Ну и сказал, как напрочь оглоушил
в невыносимо яростной борьбе,
но ты меня обиженно не слушай,
мне в этот миг вновь грустно по тебе.

Никогда так не было тревожно,
горестно, печально, тяжело!
Где найти такой мне подорожник,
чтобы хоть немного отлегло.

Одуванчик облетит, не скажет,
промолчат ромашки на лугу.
Ветер в поле из колосьев свяжет
с тихим пеньем радугу-дугу.

Пролетит над нею стая уток...
Осень, осень, душу отпусти
в серебром горящий первопуток —
красною рябиной прорасти.

ЗАГРАНИЧНОЕ

Погода нынче прохудилась —
то воют без конца ветра,
то дождь нахлестывает с силой,
как будто умирать пора.

Зову тебя: «Приди, явись!»
Хочу тебя душой и телом.
Но мне не знать любви ни в жизнь,
как я желаю, до предела.

Что будет дальше, не скажу.
Грядущее покрыто мраком.
Почти наощупь нахожу
звезду из царства Зодиака.

Мне в ее свете не тепло,
но все-таки не одиноко,
когда навзрыд терзает зло
пускай и напрочь издалека.

В судьбе, где снова отцветает май,
и грусти дождь идет без перерыва,
я в крик тебе не говорю: прощай!
ведь это было бы несправедливо.

Но позабыв о будущем, я впредь,
увы, живу лишь по своим лекалам.
Наверно, лучше было б умереть,
когда душа вконец себя теряла.

Теперь я к одиночеству вдвоем
не то, чтобы привык неотвратимо,
но каждый час не думаю о нем
ни горестно, ни стыло, ни ранимо.

А ты, гляжу, и вовсе без проблем,
живешь себе, как вольная косатка.
Ну словно и не треснула совсем
всех чувств твоих сиреневая кладка.

Наивно, но однако не грешно
вот так и жить упрямо по согласью,
поскольку Богом каждому дано
по своему устроить свое счастье.

Александр Микулин

Он — боец невидимого фронта. Вернее, его деяния видны, они восхищают почтенную публику, но сам герой всегда в тени. Его профессия — рисковее некуда! Кто же он? Шпион? Нет, он каскадер и постановщик трюков. Стаж в кино — 40 лет. Именитые режиссеры называют его «легендарный Саша Микулин».

**«Всеми «безобразиями»
руководил я!»**

— *Александр Александрович, вы и сейчас, в свои восемьдесят, в такой форме, что вполне могли бы исполнить какой-нибудь трюк...*

— Нет, все крутые виражи в прошлом. Сегодня я предпочитаю ездить на стареньких «Жигулях», «шестерке», кстати, хорошая машина. Но был период,

когда практически все фильмы в СССР снимались с моим участием — всеми «безобразиями» руководил я и, конечно, сам выполнял сложные трюки, связанные с техникой. Один из главных фильмов в моей биографии — «Берегись автомобиля». Я тогда, в свои 30 лет, был похож на Смоктуновского — особенно, когда мне сделали его прическу. Рязанов с удовольствием включил в фильм сцену автомобильной погони, которую я придумал и назвал «романтической». Помните, она идет под замечательную музыку композитора Петрова? И за рулем вместо Смоктуновского во время этой сцены — я. Хотя тут пришлось поспорить с Эльдаром Александровичем, он хотел, чтобы все сделал актер. Но Иннокентий Михайлович совсем не умел водить машину. Кстати, я его этому искусству обучил, он потом получил права, так что учил по-настоящему.

— В одном интервью Карен Шахназаров рассказал, как работал с вами на съемках фильмов для ГАИ, вспоминал вашу личность. Что это за фильмы такие?

— В восьмидесятые годы была такая практика — снимать фильмы для ГАИ. Тогда водителей-нарушителей обязывали прийти в воскресенье в ГАИ, выслушать лекцию о правилах дорожного движения и посмотреть фильмы о том, что может случиться, если эти правила нарушать. Люди очень все это не любили, но куда деваться, не придешь — не по-

лучишь назад права, хочешь по-другому проводить свой выходной день — не нарушай. Каждый фильм шел 10 минут, но там была квинтэссенция трюков, поэтому съемки были одними из тяжелейших, а считались чем-то пустяковым, что можно сделать по-быстрому. На самом деле работа была непростая. Скажем, сюжет: два мальчика-близнеца, один — хороший, дорогу переходит по пешеходной дорожке, другой — плохой, перебегает дорогу, где придется. Я, водитель, еле уворачиваюсь, чтобы хулигана не задавить. Сняли 2–3 дубля, подзывает меня режиссер (Алексей Симонов или Карен Шахназаров, точно не помню): «Александр, вы не боитесь, что мальчишка попадет под ваши колеса?» Я: «А что волноваться, у вас же второй есть, точно такой же!» Режиссер посмотрел на меня, как на сумасшедшего, и тут же: «На сегодня съемку заканчиваем!» Всерьез воспринял. Вот такой я шутник — довел режиссера!

— На месте режиссера я бы тоже испугалась — техника есть техника, но вы, как я поняла, были уверены в том, что все пройдет хорошо. И знаю, что действительно у Александра Микулина не было на съемках ни одного ЧП. Откуда такая уверенность? Это мастерство?

— Это, конечно, опыт, математический расчет и всегда — голова на плечах. Но, тем не менее, в работе над каждым фильмом случались мо-

менты, которые предвидеть невозможно. Вот вспоминаю съемки картины «Жизнь и смерть Фердинанда Люса». Там по сюжету переворачивалась машина. Снимали в Ялте. Была определена площадка, на которой я должен перевернуться, а метров через семь — обрыв. Рядом с обрывом — одно единственное дерево, которое не удержит машину, то есть все надо было сделать четко, чтобы в этот обрыв не угодить. А для того, чтобы машина перевернулась, в землю закапывался кусок рельса — он торчал всего сантиметров на восемь, поэтому в кадре его было не видно. Я должен был юзом развернуться и задним колесом попасть на этот рельс, и тогда машина быстро переворачивалась, практически на месте. Я вынул ручку дверную, вынул ручку стеклоподъемника, чтобы не удариться при перевороте, оставил лишь поролоновый подлокотник. Но удар был настоль-

ко сильный, что у меня об этот мягкий подлокотник сломались два ребра. И сразу дыхания нет — потому что в поддых... Вот такие случались мелкие «неожиданности», которые невозможно предвидеть. Но в целом — все можно предусмотреть.

— А забавные моменты на съемках случались?

— Сколько угодно. Но с трюками они не были связаны. Скажем, снимали «Щит и меч». Я на этой картине работал уже не как каскадер и постановщик трюков, а консультантом, по скажем так, быту наших разведчиков за рубежом. Было несколько фильмов, в которых я выступал именно в таком качестве — это «Визит вежливости», «Щит и меч», «Дело Бориса Савинкова»... Так вот, иду я как-то по коридору студии, навстречу бежит взмыленный директор картины Сергей Борисович Марин. Я: «Сергей Борисович!» Он: «Прости, Саша, го-

рю, некогда!» — «А что такое?» — «Да Басов придумал эпизод, для которого нужна виселица!» Это когда фашисты вешают советского агента курсанта Фаза, его играл Валентин Смирнитский. «И в чем проблема?» — спрашиваю. «Да никто не знает, как виселицу делать!» Я: «Сергей Борисович, вы обратились как раз по адресу. Я же специалист, всю жизнь виселицы делаю». Я, конечно, шутил, но он не понял. «Что, правда?!» — «Да, дайте мне двух постановщиков, и через 20 минут будет у вас стоять правильно сделанная виселица». И сделали. Понимаете, проще виселицы ничего нет. На пустом месте была паника.

— Раз вы консультировали по «зарубежной жизни», значит, вы ее знаток? Ездили за границу по делам кино?

— Я не раз бывал на зарубежных кинофестивалях. И подолгу жил в США. Но не по делам кино. И сделал вывод, что русская нация — гениальная. У любого нашего бомжа мозги работают лучше, чем у американского сенатора. Во всяком случае, духовно он точно богаче. Бруклин — отдельная история, там наши бывшие соотечественники живут своим мирком. Но американцы — ой, какие жалкие люди! Вот правильно о них говорил Задорнов. Ни юмора, ни широты ума — ничего у них нет. А какая там еда — это что-то ужасное! Они даже в самолетах на местных линиях сиденья сделали шире почти вдвое — для своих толстяков. У них теперь это проблема государственного масштаба.

— Кстати, о гениальных русских. Ваш отец — выдающийся

конструктор поршневых и радио-активных двигателей, академик, четырежды лауреат Сталинской премии, Герой социалистического труда Александр Микулин. Наверное, он хотел, чтобы вы пошли по его стопам и стали инженером?

— У меня и дед по отцовской линии был инженером, а бабушка — родная сестра «отца русской авиации» Николая Егоровича Жуковского. Мой отец провел детство в его усадьбе, воспитывался под влиянием дяди и поэтому рано проявил интерес к конструированию. Конечно, он вначале хотел приобщить меня к двигателям, я в 1953 году даже начал работать на его заводе слесарем-сборщиком. Я был еще не совершеннолетний и не имел трудовой книжки. А вообще мой трудовой путь начался с «должности» кочегара-истопника в Институте стали. Потом работал слесарем на ЗИЛе и параллельно учился в МАДИ. Но кино в результате пересилило.

— Кто-то повлиял?

— Наверное, мама. Отец у меня был «по технике», а мама — «по культуре». Вот я такой и получился — культура вместе с техникой. Мама по образованию актриса, последние 20 лет жизни преподавала во ВГИКе актерское и режиссерское мастерство. И я бегал на «Мосфильм», участвовал в массовках. А поскольку был спортсменом, велогонщиком, отлично ездил на мотоцикле и авто-

мобиле, меня заметили и пригласили как каскадера на съемки фильма «Все сначала». Фильм был об автомобильных гонках, и я дублировал одного актера-автогонщика. Это был 1962 год. С этого все и началось.

— Кто вас учил водить? Отец?

— У отца в распоряжении был собственный Pontiac, подарок Сталина. Редкая в то время автомашинка. А вообще папа стоял у истоков создания первой советской гражданской машины под названием НАМИ-01. Еще у него была «Победа». В юности я ее «угонял», когда папа находился в служебных командировках. Мне очень нравилась быстрая езда, и я чувствовал себя своим в этой невероятной стихии. Но научился водить я самостоятельно, когда ездил с папой или шофером, наблюдал, каким образом они нажимают на педали, какие производят телодвижения. Вот так и освоил. Думаю, это было у меня изначально в крови.

— Вашему отцу удалось уберечься в годы репрессий. Как думаете, что его спасло?

— В одном из разговоров я спросил его: «Столько народу было арестовано в сталинские годы, как ты избежал этой печальной участи?» Он ответил: «Сынок, меня охраняло то, что я никогда не рассказывал, что видел, у кого бывал и что слышал». А бывал он у очень многих видных людей, включая Сталина, с которым у него был прямой телефон. Навер-

ное, поэтому он не оставил никаких воспоминаний. К сожалению. Кстати, и другие великие конструкторы, которые не сидели — Климов и Швецов, тоже не оставили воспоминаний. Но надо сказать, что когда в Академии наук собирали собрание, чтобы, скажем, осудить Сахарова, отец неожиданно «заболевал», и ни одного письма с требованием осу-

дить «неугодных» за всю свою долгую жизнь он не подписал.

— Но вернемся к кинематографу. Вы ведь окончили Высшие режиссерские курсы, хотели стать режиссером. Почему не стали?

— Потому что из фильма, который был уже запущен по моему сцена-

рию (это была, скажем так, художественная реклама машины «Нива»), партийное руководство нашей студии решило убрать самые эффектные кадры. Была сцена с застольем в грузинской деревне, так мне было велено заменить ее собранием колхозников, ну и так далее. Я тогда сказал Николаю Трофимовичу Сизову, директору «Мосфильма», что пойду с жалобой в ЦК. Он: «А давай!» Посмеялся — мол, куда он собрался? Начинаящий режиссер, водила какой-то! Но через день, клянусь, я был на приеме у Черненко. Константин Устинович спрашивает: «В чем проблема-то?» Я все рассказал — и ушел с миром. Подъезжаю к «Мосфильму», а там у входа меня уже Сизов встречает и генерал какой-то милицейский. Николай Трофимович: «Александр Александрович, ну что же вы так сразу — к высшему руко-

водству?!» Засуетились. Но потом все-таки замотали мою картину. Она так и не вышла. Из-за меня, из-за характера. Это от отца — у него был сложный характер — он не шел никогда ни на какие компромиссы, и у меня такой же. В результате я послал все к черту и даже за дипломом не пришел. Мне его, кстати, недавно, в канун моего 80-летия, торжественно вручили — как самому старому студенту Высших режиссерских курсов.

— Но учебу вспоминаете с теплотой?

— Учеба на курсах была замечательная! Нам читали лекции Паола Волкова, Леонид Трауберг, Юрий Лотман — такие люди! И я много чего там поднабрался. Даже стал писать, о чем раньше и не помышлял. Например, кроме сценария фильма про «Ниву», я написал 9-минутную курсо-

вую работу под названием «Разговор» и снял ее. В этой короткометражке только один актер — Толя Солоницын. Мы с ним были в замечательных отношениях. Как он там играет! При этом Толя уже больной снимался. Он через 3 месяца скончался... В фильме человек произносит монолог, по ходу дела выпивая, закусывая, закуривая, и последний кадр — по лесной дороге уезжает трактор. В Госкино один идиот-чиновник возмутился: «Как же он пьяный садится за руль?!» А я предполагал, что на экзамене кто-то про это спросит, поэтому ответ подготовил. «А вы видели, что он садится за руль? Мало ли кто там поехал!» И все, тот замолчал. За курсовую мне тогда поставили «отлично».

Я этот фильм снял и случайно коробку с пленкой сохранил. Через 20 лет звонит мне Маша Чугунова, ближайший помощник Тарковского. «Саша, — говорит, — я слышала (а фильм этот никто не видел, кроме как на курсах), что ты снимал Толю Солоницына (любимого артиста Тарковского). Очень тебя прошу — найди этот фильм. Мы бы показали его на вечере Тарковского». Я пообещал поискать. Нашел. Было это, наверное, лет десять назад. Аудитория на вечерах Тарковского понятно какая — искушенная. Однако очень долго аплодировали. Потом «Разговор» взял какой-то приз на фестивале Тарковского. Кончилось тем, что я подарил этот фильм жене Андрея Ларисе, сказал — делайте

с ним что хотите. И на всех практически вечерах, посвященных Тарковскому, крутят «Разговор». Я очень этим горжусь. Хотя, признаюсь, что творчество Андрея не понимаю. Я его хорошо знал. Работал с ним на «Сталкере». По моему мнению, все его фильмы построены на символах, понятных только ему, а те люди, которые говорят, что им все у Тарковского понятно, просто украшают свое восприятие.

— По-моему, фильмы Тарковского сродни поэзии — сложной, такой, например, как поэзия Бродского...

— Бродский — гений, конечно. Читать я его не могу, но слушаю с удовольствием. Помню, мы в Вильнюсе снимались с Михаилом Козаковым в каком-то фильме. У меня в то время «форд» был, и мы поехали из Вильнюса в Москву. Он на заднем сиденье, впереди — я за рулем и моя жена. И Козаков беспрерывно все эти шесть часов (и нескончаемо шел дождь) читал стихи. Замечательно читал. И Бродского тоже.

— Недавно я беседовала с Германом Климовым, братом и соавтором Элема Климова, он дал мне почитать их общие сценарии, которые не осуществились. Так обидно, что это кино не было снято! Поэтому понимаю вашу обиду за неснятые фильмы.

— Оба брата Климовы — замечательные люди. А какой была Лариса

Шепитько, жена Элема! Я помню, когда она погибла, страшное было дело — шесть гробов на «Мосфильме» стояло. Ужас! Водитель машины, в которой ехала съемочная группа, то ли уснул, то ли не справился с управлением, в горку пошел на обгон, и они лоб в лоб столкнулись с грузовиком. Все погибли. Я запомнил, как во время прощания я их, лежащих в гробах, перекрестил. Потом один мой знакомый ко мне подошел: «Ну, ты смелый!» Это за крестное знамение. Вот такие были времена...

— Может быть, вам воспользоваться полученным дипломом и вернуться в кино в качестве режиссера?

— Сейчас я уже не смогу снять фильм. Хотя хочу и есть возможность — по своему сценарию. Но — вдруг здоровье подведет? Я уже далеко не молод. Практически все мои близкие друзья ушли. Мне очень тяжело без них, совсем не с кем поговорить. Хотя меня окружают люди — но они совершенно другие. И я чужой для нынешних молодых. Поэтому и кино, если бы я его снял, было бы «старомодным». Но жизнь продолжается. Хочу вот переиздать книгу отца «Активное долголетие», он ее написал уже в преклонном возрасте, а прожил 90 лет. А еще фильм обо мне собираются снимать. Так что есть еще важные дела! □

Беседовала **Марина Бойкова**

Эдуард Мордвинов

Помню, мама!

На земле о тебе осталось две памяти: одна молчаливая — могильный холмик с надгробной пирамидкой, и другая, живая и негасимая, — память в сердцах твоих детей.

Я помню тебя не такой, какой ты стала на исходе лет — усохшей, осевшей в росте, с пучком седых волос под гребенкой, с беспричинной обидчивостью и с извинительными самооправданиями: «Што уж я теперь-то? Ни к чему не годная. Сама себе в обузу. Укатали, видать, Егорку крутые горки».

Я вспоминаю тебя, мама, другой, когда ты была в силе: сноровистой и неутомимой в работе, скорой и быстрой в движениях, с неунывающим и жизнерадостным характером.

Детство наше пришлось на военные годы, когда ничего вкуснее и слаще кусочка хлеба не было, а еда досыта казалась почти невозможным счастьем. Тогда мы, жители сельского райцентра, ждали как спасения прихода весны с вытаявшими прошлогодними колосками на колхозных полях, с черемшой в отогретых весенним солнышком лесах и, повеселевшие, говорили: «Слава богу, до весны дожили. Теперь не пропадем». И в самом деле — за колосками и черемшой подступало лето с лесным борщевиком и земляникой на лесных полянах, а там подходила и картошка. Мама подмечала те картофельные кусты, которые первыми начинали цвести и которые уже в конце июля, в сенокосную пору, можно было подкапывать: бережно разгрести под ними землю, выбирать клубни покрупнее, а сами кусты оставлять до полного созревания.

Главными спасителями нашими тогда были, конечно, огороды и коровушки, а основными заботами — уход за огородами и заготовка сена на зиму. Опорой во всех этих делах были наши матери.

Наверное, в немалой степени помогли нам тогда выжить природные качества нашего народа: неубывная, врожденная вера в человеческую до-

броту, доверчивость и отзывчивая готовность поделиться с ближним последним кусочком хлеба, почти детская, восторженная влюбленность в родную природу.

Теперь, через многие-многие годы, вспоминая военное лихолетье, я непременно вспоминаю и те светлые мгновения, которые мне довелось пережить вместе с мамой, дивясь и радуясь чистому разливу алой зари, веселому и пугающему неистовству летней грозы, притихшему в осенней позолоте лесу. Радуюсь и восхищаясь ими, мама невольно будила и во мне такие же чувства. С благодарностью я кланяюсь тебе, мама, за эти нечаянные уроки познания прекрасного.

Давнее-давнее апрельское утро военной поры. Мы, ребяташки, еще лежим в постели, мама уже вовсю хлопочет по хозяйству. Вот она входит со двора с подойником и весело сообщает: «Скворчки прилетели! Она как напевают! Подите-ка, посмотрите». Я, наскоро одевшись, выбегаю на крыльцо. Кругом еще лежит апрельский снег, уже осевший и поголубевший. На скворечнике заливается в счастливом волнении скворец. В эмоциональном экстазе он чуть распустил крылья и, поворачиваясь из стороны в сторону, льет и льет свои чудесные трели — с прищелкиванием и замысловатыми переборами. Непроизвольно его радость передается и мне.

Снег уже сошел, но утренники еще с подморозками. Мы с мамой идем в поля за прошлогодними колосками.

Утро только-только занимается. Алая полоска восхода растет, разливается все выше и шире и скоро охватывает весь край неба. На его фоне таинственной стеной чернеет еще дремлющий дальний лес. Вот первые лучи солнца коснулись вершины старой придорожной ели, а внизу, в приземной лохматости ее ветвей, хранится сумрак и покой.

— Смотри-ка, зорюшка-то какая разлилась. Должно, к ведру, — говорит с радостью мама. — Может, нам в такую-то погоду седня повезет.

Обласканные теплым и ясным утром, мы шагаем быстрее. На одном из дальних полей наткнулись на нетронутое овсяное остожье. Убрали сверху солому, разгребли мякину и принялись веять охвостье, но оно, еще не просохшее и волглое, веялось плохо. Тогда мы выбрали по соседству взгорок, расчистили его и рассыпали по нему охвостье на просушку.

Поднявшееся солнце начало припекать, и скоро над землей заструились вверх невидимые волны нагретого воздуха. Расплывчато задрожали в них очертания прошлогодней огорожи свезенного зимой стога,

дальних, еще не распустившихся берез и высохшего дудняка по краям поля.

Обогретье солнцем, мы задремали на соломенных подстилках. Вдруг в этой покойной тишине будто кто-то тронул, заперебирал в небесах дрожащие струны. «Кур-лы-ы-ы!» — протяжно пронеслось над полем.

— Ой, господи! Кажется, журавушки! — воскликнула, поднявшись, мама. — Вернулись, родимые. Вот радость-то! Теперь, поди, холодов-то не будет.

Скоро показались и сами прилетные гости. Они тянулись махающей вереницей над краем поля и, снижаясь, скрылись за соседним лесом.

— Вот так же, может, скоро вернутся и наши соколики, — вздохнула мама, имея в виду мужчин нашей родни, ушедших на фронт. А было их тринадцать душ. Четверо из них навсегда остались лежать в далеких, неведомых нам краях.

Домой в этот день мы возвращались с удачной ношей за плечами: навяли ведра три с половиной хорошего овса. На пути мы встретились с тетей Катей, маминой сестрой, и ее сыном Колей, моим одноклассником. Они вышли на дорогу с почти пустыми мешками, уставшие, грязные и сырые до пояса.

— Зря мы седня умотались. На оборыши угодили, — горестно сказала тетя Катя. — Ноженьки гудят, как чугунные.

Мы присели передохнуть на высохшую осину, лежавшую на обочине дороги.

— Ох, житуха ты наша окаянная! — досадовала тетя Катя. — Когда же ты кончишься?!

Мама взяла ее мешок, лежащий рядом, и отсыпала в него половину из своего мешка.

— Ты чо придумала, дева! — запротестовала тетя Катя. — Ходила-ходила, мучилась, а теперь раздаешь. Не возьму!

— Бери, бери, сестрица. Не тебе даю, а ребятишкам. В другой раз и ты поделишься.

Глаза тети Кати влажнеют. Она умолкает, а потом переводит разговор на мужа, дядю Якова, и старшего сына Мишу. Они оба на фронте.

— Какой сон-то я ноне видела. Будто идет мой Яша по полю в белой рубахе, а один-то рукав у него красный. Я кричу, зову его. Он торопится, а все на месте. К чему бы это?

— Ранен он, — успокаивает ее мама. — Красный рукав — это к ране. А што в белой рубахе — так к лазарету. Там он. Вот вылечится и возвратится домой. Попомнишь мое слово.

— И о Мише душа изболелась, — продолжает тетя. — Уж третий месяц весточки нету.

— Там, на войне-то, поди, всякие заторки бывают. Ты погоди. Придет письмо, придет...

Когда гроза застаёт меня где-нибудь в лесу или поле, я вспоминаю чудной эпизод из своего детства. В тот жаркий день сильно парило. Гроза собралась быстро и захватила меня в ближайшем лесу, в малиннике. Я заторопился домой. Первый громовой удар потряс притихшую землю, оглушил меня и чуть не сбросил с прясла, когда я перелезал в свой огород. И тут же с нарастающим шумом хлынул ливень. В миг он залил меня густыми струями дождя. В сени я вбежал, мокрехонек с ног до головы. Там меня встретила мама с веселым почему-то смешком:

— Вот он как тебя! Будешь знать! Будешь знать! Иди скорее переодевайся!

Сама же не уходила, а испуганно и радостно охала и ахала.

— Ну, уж и разошелся! Ну, уж и полощет! — восклицала она. — Ишь как грохочет да сверкает, оборони, господи!

Эта странная радость ее была мне понятна: любая погода воспринималась у нас как бы по-родственному, была как бы своей, неотъемлемой частью нашего сельского быта.

В те далекие военные годы главная забота у нас была о еде. С нее начинался каждый новый день, особенно у матерей. И поневоле отодвигались на потом, на когда-нибудь материнские ласки и душевные излияния. Мы привыкли к той сдержанности и строгости, в атмосфере которых росли. Но неистребима материнская любовь к детям, как неистребима извечная способность земли к весеннему пробуждению и лелеянию вброшенных или осыпавшихся в нее семян и зерен.

Невысказанные в те суровые годы любовь и ласка к нам, детям, всегда хранились в материнском сердце, как таится невидимый жар в печной загнетке. И неминуемо проявились они через много-много лет, когда мы уже сами стали отцами и матерями. Особенно остро ощутил я это в последний год жизни мамы. Почти каждый вечер поджидала она меня с работы на скамеечке у крыльца. А однажды, примерно за месяц до скоропостижной кончины, когда я после ужина прилег на диване с газетой, она подошла ко мне и как-то виновато и извинительно, будто боясь, что я откажу, попросила:

— Можно, я около тебя посижу?

Я согласно кивнул. Она под села у меня в изголовье. Я продолжал читать, и вдруг дрожащая, теплая ладонь ее легла мне на лоб и начала бережно и осторожно гладить. Я отложил газету и взглянул на маму. Она вздрогнула и так ласково и просительно смотрела на меня, что мне стало не по себе. Наверное, боялась, что я вдруг удивлюсь этой неожиданной ласке и отведу ее ладонь. В ее взгляде и в теплой дрожащей руке было столько любви и даже будто виноватости, что я закрыл глаза и замер.

— Жалко мне тебя, жалко. Вот скоро помру, и уж никого у тебя роднее не будет. Ты береги-ка себя.

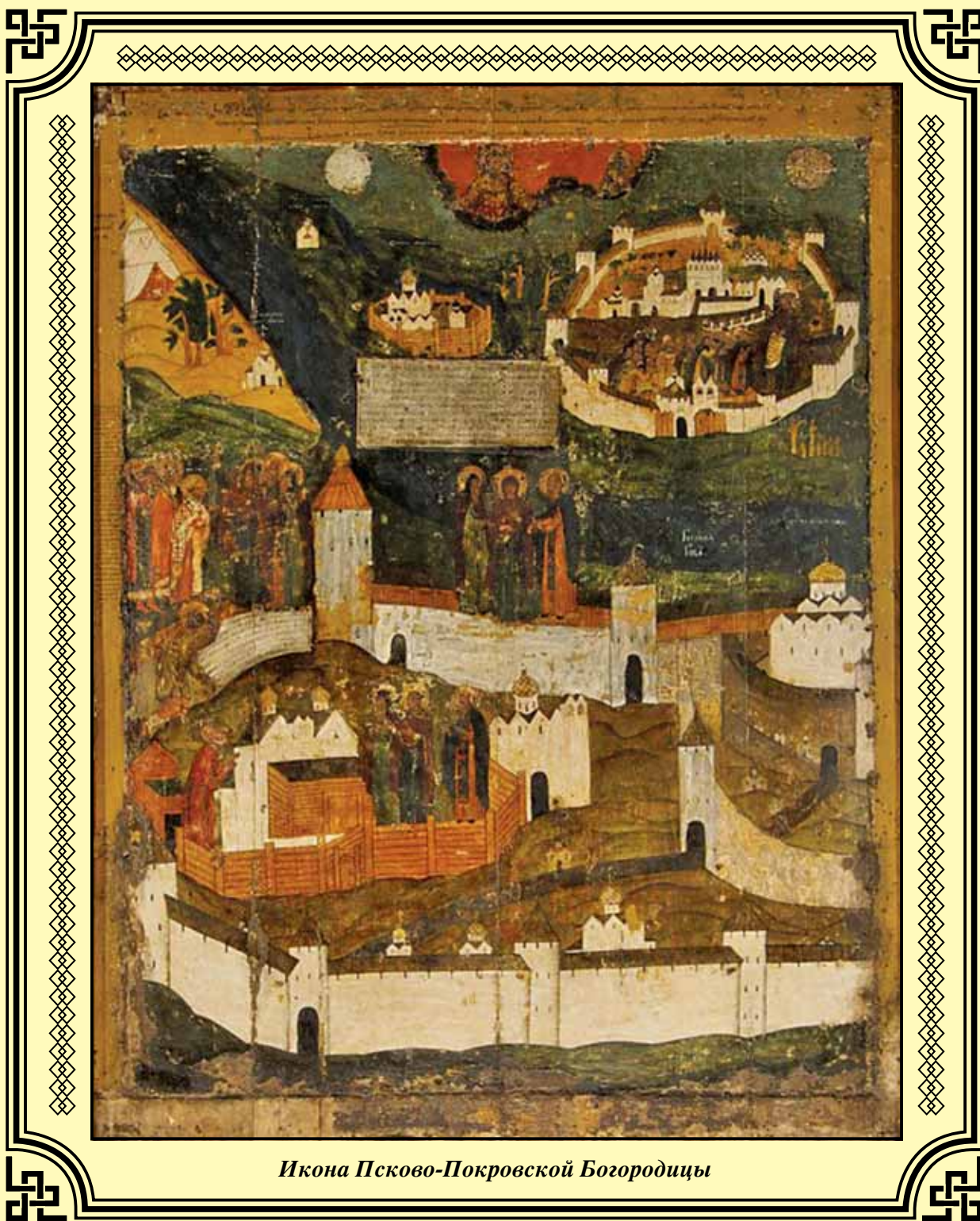
Она, видимо, предчувствовала скорую кончину и торопилась сказать о своей материнской любви. Может быть, в ответ ждала того же, но я промолчал. И теперь с чувством не проходящей вины вспоминаю тот вечер и переживаю за свою тогдашнюю недогадливость и сдержанность.

Словно перестуки вагонных колес скорого поезда улетают в прошлое прожитые годы, унося с собой в безвозвратную давность родных, друзей и близких, а ветры времен заметают их следы пылью забвения, стирают в памяти их лица. И только иногда вдруг, по какой-нибудь случайности, вспомнятся они, тронут душу неопределенной виной перед ними и потом снова забудутся. И только память о маме живет во мне негасимым, греющим огоньком и будет жить до самого последнего моего часа. □

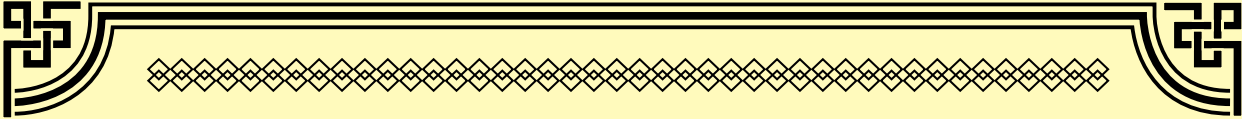
Ирина Опимах

Псковский Покров

Судьба иконы и судьба города

Икона Псково-Покровской Богородицы

Каждого гостя замечательного русского города Пскова обязательно ведут в Кремль, показывают неприступные когда-то стены, дозорные башни, а потом — главный собор города, Свято-Троицкий. И там, в соборе, обязательно рассказывают про одну небольшую икону — она установлена на подрамнике перед иконостасом, слева от алтаря. На иконе изображена Богоматерь, вокруг нее стоят киевские, псковские и новгородские святые, но уникальное в этой иконе другое — впервые на ней показан сам Псков: мы видим и Троицкий собор, и другие храмы города, и крепостные стены, башни, и реку Великую, и монастыри... Поэтому эта икона, посвященная Богородице, — ценнейший источник для изучения архитектуры и устройства одного из главных городов в истории России. Ее написал неизвестный псковский мастер (а то, что этот человек был настоящим художником, причем новатором, смело отходившим от канонов, несомненно). Она сыграла огромную роль в истории города, помогла одолеть грозного врага, а спустя века была на многие годы утеряна, но, к счастью, обретаена вновь.

Отношения между Россией и Польшей всегда были непростые, а в конце 16 века они резко обострились. Польский король Стефан Баторий со своей могучей армией взял без особого труда несколько русских городов и вознамерился идти к Москве. Только вот на пути его стоял Псков. Стефан был уверен, что и этот город он возьмет легко. В августе 1581 года его мощная 100-тысячная (по другим источникам — 50-тысячная) армия расположилась у стен Пскова. Оказалось, что Псков совсем не похож на те не-

большие города, которые Баторий уже подчинил себе. «Господи, какой большой город! Точно Париж. Помогите нам, Боже, с ним справиться! ... Город чрезвычайно большой, какого нет во всей Польше, весь обнесен стеной, за ней красуются церкви, все каменные, домов за стенами не видно», — писал секретарь Батория ксендз Пиотровский.

Псковичи предвидели нападение армии Батория и тщательно готовились к обороне. Солдат в Пскове было немного, всего 7 тысяч, поэтому в дело включилось все взрослое

население города. Причем не только мужчины, но и женщины. Летописец рассказывал, как послушные жены и матери превратились в настоящих воинов, взяв в руки оружие, какое было в домах и какое им было под силу. А те, кто не мог сражаться, носили защитникам города камни и воду. Даже дети участвовали в общем деле — помогали взрослым строить укрепления, приносили им еду...

Обороной руководил князь Иван Шуйский, опытный и знающий военачальник. «За Псков-град и Русскую землю биться всем до смерти», — поклялись псковичи.

Баторий говорил, что возьмет Псков за один день, однако оказалось, что он ошибся. Пять месяцев длилась осада, пять месяцев пытались поляки взять Псков, но это им так и не удалось. Жители, проявив чудеса героизма, отстояли свой город.

Победа псковичей сорвала планы Батория. И хотя он долго не желал признаться в провале своих воинственных планов, ему все же пришлось пойти на мирные переговоры. В январе 1582 года представители России и Речи Посполитой подписали мирный договор — перемирие на 5 лет. Баторию пришлось вернуть

России захваченные им русские города. «Псков или Шуйский спасли Россию от величайшей опасности, и память сей важной заслуги не изгладится в нашей истории, доколе мы не утратим любви к отечеству и своего имени», — писал Н.М. Карамзин.

Во время обороны Пскова самые драматические события произошли у Покровского монастыря. Здесь полякам удалось пробить отверстие (пролом) в крепостной стене и ворваться в город. Ситуация была сложная, но уже через несколько часов героические псковичи выбили врага, закрыли пролом и защитили город.

А накануне штурма старцу Покровского монастыря Дорофею явилась Богоматерь. Она шла, поддерживаемая святыми Антонием и Корнилием, от Печерского монастыря, мимо Мирожского, и остановилась у Покровской башни Покровской обители. Святые Антоний и Корнелий обратили к ней мольбы: «Спаси, Богородица, Псков от неприятеля». И она дала четкие указания — куда поставить пушки, какого пушкаря выбрать. Все так и сделали. На следующий день, утром, Баторий приказал наступать, и поляки, проломив стену, проникли в город. Однако тут им навстречу вышла Богородица, окруженная святыми. Видение это устрасило поляков, и они с криками бежали из города — так об этих событиях рассказывается в «Сказании о старце Дорофее».

Как все обстояло на самом деле, и какую роль сыграла Богородица в

обороне Пскова — это неизвестно, однако сама легенда очень поэтична и символична. Когда народ защищает свою землю от захватчиков, даже Богородица встает на его сторону. И неудивительно, что эта история стала поводом для написания одной из самых интересных икон псковской школы — Псковского Покрова.

В 1601 году в память об этой героической странице в истории города псковичи учредили ежегодный Крестный ход на шестую неделю по Пасхе. Он начинался в Кремле, у стен Троицкого собора, и шел к Покровскому монастырю. Когда процессия подходила к нему, покровские монахи выносили икону Псково-Покровской Богоматери, ставшую символом города, символом мужества и стойкости его жителей...

Века Псков оставался непокоренным, но 9 июля 1941 года в город все-таки вошел враг. Уже в самом начале войны немцы называли Псков «ключом к парадным дверям Ленинграда». Кроме того, через старинный город шел путь в Прибалтику. Вот почему гитлеровцы так стремились им овладеть. И, к сожалению, несмотря на самоотверженность псковичей, немцам это удалось.

К тому времени в городе уже не было действующих монастырей и храмов — советская власть вполне успешно боролась с религиозным сознанием, — зато многие иконы сохранились. Понимая, что иконе Покровской Богоматери будет лучше и спокойнее жить в стенах музея,

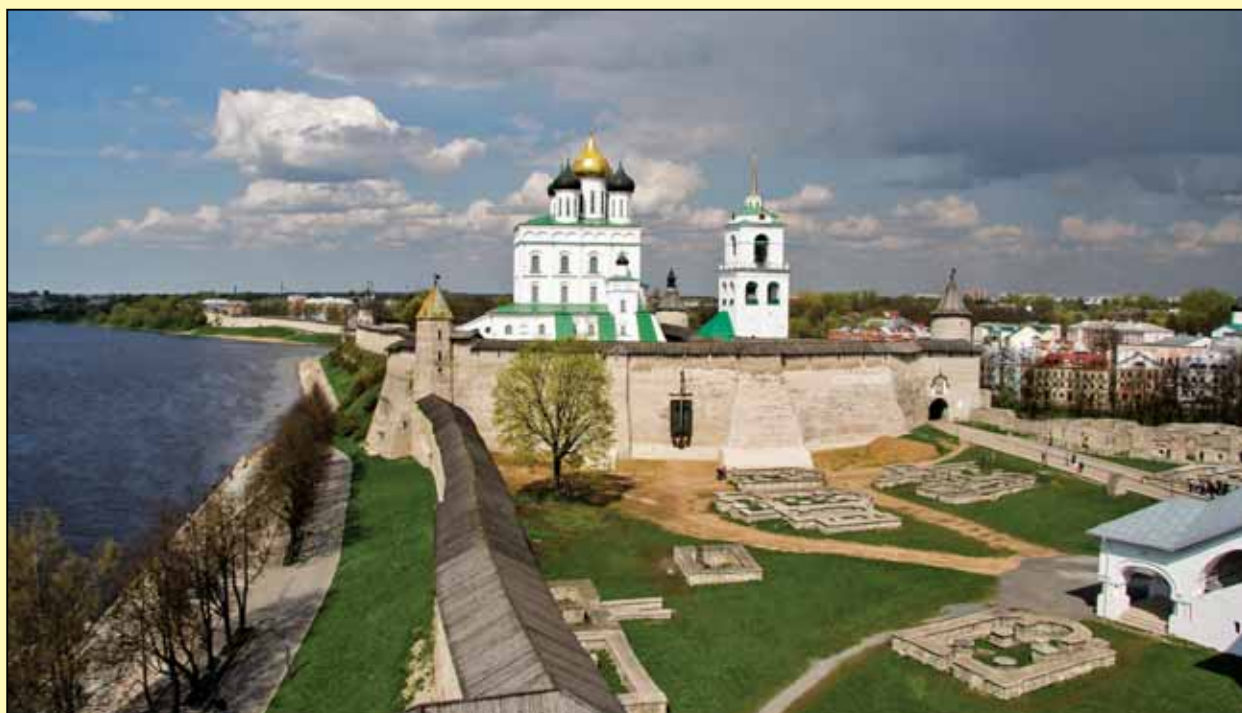
настоятель Покровского монастыря отец Троицкий еще до войны передал ее в Псковский городской музей. В годы оккупации немцы стали свозить в Псков ценности, захваченные в других российских городах — в Новгороде, Тихвине, Ленинграде. Псков, в силу своего расположения, использовался как перевалочный пункт, откуда произведения искусства вывозились в Германию. Они хранились в Поганкиных палатах, в Успенской церкви, которую немцы даже стали называть «Гольдене капелле», «Золотая палата» — столь дорогими были сокровища, которые там складировались. Понятное дело, порой иконы или другие творения старых русских мастеров становились военными трофеями того или другого немецкого ценителя прекрасного и достойным пре-

зентом к какому-нибудь семейному торжеству — дню рождения супруги или Рождеству...

Известно, что в апреле и мае 1944 года немцы отправили из Риги в Германию 5 вагонов с художественными ценностями. В этих вагонах ехали 650 русских икон 14–18 веков, награбленных немцами в Пскове, Новгороде, Тихвине и Гатчине. По-видимому, среди этих сокровищ была и икона Покровской Божьей матери.

Немцы правили в Пскове недолго. В июле 1944 года в результате Псковско-Островской операции Псков был очищен от гитлеровцев. Вечером 23 июля 1944 года Москва от имени Родины салютовала доблестным частям и соединениям, принесшим свободу древнему городу на реке Великой, двадцатью

артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий. А потом, через год, пришла и долгожданная Победа. Страна ликовала. А специалисты стали оценивать потери русской культуры. Урон был нанесен огромный. Очень многое погибло или было, как считали, утеряно навсегда. Не надеялись советские искусствоведы вновь увидеть и символ мужества псковичей — знаменитую икону Покровской Богоматери.

Но чудеса случаются!

В 1970 году в Мюнхене открылась выставка «Иконы 13–19 веков». К выставке был выпущен роскошный каталог. К счастью, он попал в руки Савелия Ямщикова, замечательного человека, выдающегося знатока старого русского искусства. И вот в этом каталоге Ямщиков увидел икону, которая называ-

лась «Псков и его окрестности». Конечно, это была та самая любимая икона псковичей, уже давно считавшаяся погибшей. Частное собрание — было указано в каталоге. Позже выяснилось, что муж (тогда уже умерший) нынешней владелицы, весьма престарелой дамы (ей было за 90), купил икону у высшего офицера Вермахта, который говорил, что она из Сербии, и что она защищала его в военные годы. Купили они икону за 2300 марок.

Конечно же, Ямщиков тут же рассказал о мюнхенской выставке и своей находке псковским властям. Написал письмо главному куратору выставки и редактору каталога Хайнцу Скробухе. Владелица иконы (она жила в Баварии, в деревне Берхтенсгаден) была согласна на равноценный обмен, но выменивать то, что было похищено? Переговоры зашли в ту-

пик, и икона тогда так и не вернулась на родину. (Кстати, Берхтенсгаден известен тем, что здесь находился замок Гитлера Орлиное Гнездо, где он любил бывать вместе с Евой Браун и наслаждаться роскошными видами Баварских Альп. После войны американцы стерли с лица земли этот замок, дабы ничто не напоминало о его бывшем владельце.)

А потом в Пскове появилась замечательная женщина, Наталья Михайловна Ткачева. Ленинградка, блестящий специалист по псковской школе иконописи, она собрала огромный материал по перемещенным ценностям. В Министерство культуры РФ был передан перечень особо ценных произведений искусства, вывезенных из Пскова в 1941–1944 годах. Первой в этом списке стояла икона Псково-Покровской Богородицы. И начались долгие переговоры — письма, телефонные звонки, встречи.

А вскоре стало известно, что немецкие власти выкупили икону у ее владелицы (за небольшие деньги, несколько тысяч марок), чтобы передать России — в качестве политического акта. И тогда Ткачева сделала все, чтобы икона не осталась в Москве, а была передана Пскову — это ведь псковская святыня, и должна вернуться в свой дом...

И вот 16 июня 2000 года во время визита В.В. Путина в Германию немецкие власти официально объявили о передаче иконы России. 31 августа посол Германии в России Эрнст Йорк фон Штудиц в присутствии офици-

альных лиц передал икону Патриарху Алексию II. В Пскове уже готовились к торжественной встрече иконы, составляли списки почетных гостей, организовывали торжественное шествие. Но...

Целый год Ткачева и другие псковичи ничего не знали о дальнейшей судьбе иконы. Ходили слухи, что ее собираются оставить в Москве, подарить музею московского храма Христа Спасителя. Московская патриархия, похоже, не торопилась отдавать икону и ничего не отвечала на запросы псковичей, а немцы требовали выполнения договоренностей — икона должна быть в Пскове! На родине. Об этой скандальной истории тогда писали все крупнейшие газеты Германии.

И все-таки правда восторжествовала — 7 сентября 2001 года архиепископ Псковский и Великолукский Евсевий сам лично привез икону в главный псковский храм — Свято-Троицкий собор Псковского кремля. С тех пор это замечательное творение старого псковского мастера, чье имя нам не известно, радует всех посетителей храма. Оно напоминает нам не только о славных страницах истории псковской земли, о храбрых ее защитниках, но и о героях сегодняшних дней, ученых, реставраторах, хранителях шедевров русского искусства, благодаря которым наша история и наша культура живут в наших сердцах и помогают нам оставаться людьми даже в самые трудные времена. □

Владимир Дмитрук

*«Тенор для меня —
это всегда энергия,
когда натянут
как тетива лука...»*

Владимир Дмитрук — талантливый певец, обладающий красивым, запоминающимся голосом. С 2017 года он служит в Московском музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко. Финалист телевизионного проекта «Большая опера» и других международных конкурсов оперных певцов. В своем родном театре Владимир занят во многих спектаклях, в которых исполняет партии: Водемон («Иоланта» П.И. Чайковского), Альфред («Травиата» Дж. Верди), Артур («Лючия ди Ламмермур» Г. Доницетти), Ленский («Евгений Онегин» П.И. Чайковского), Итальянский певец («Кавалер розы» Р. Штрауса), Анатолий Курагин («Война и мир» С. Прокофьева) и другие, а также партии тенора в «Реквиеме» В.А. Моцарта и «Реквиеме» Дж. Верди.

— Владимир, как начинался ваш творческий путь, наверное, вы мечтали стать певцом еще в детстве?

— Я родом из Белоруссии, из города Минска, в моей семье не было

ни певцов, ни артистов, папа — бизнесмен, мама — художник-модельер.

Бабушка по папиной линии пела в деревенском народном хоре, а дед моего отца обладал красивым, сильным голосом. Папа всегда покупал

кассеты с записями классической музыки, помню, как в шесть лет, лежа на ковре, я самозабвенно «дирижировал» под музыку Вивальди. Мне очень нравился этот композитор. На уроках пения, в школе, я пел немного иначе, чем мои сверстники, пытаюсь подражать пению оперного певца. Так что, можно сказать, кое-какие предпосылки еще с детства были...

По совету педагога по эстрадно-му кружку, где я занимался, будучи школьником, решил поступать в Молодечненское музыкальное училище имени М.К. Огинского, это в восьмидесяти километрах от Минска. С 1980 года руководит училищем его выпускник, талантливый музыкант — Григорий Семенович Сороко.

Учился я увлеченно, с интересом и в 2008 году, по окончании училища, поступил в Санкт-Петербургскую го-

сударственную консерваторию имени Римского-Корсакова (класс Дмитрия Карпова). До поступления в училище я даже нот не знал, абсолютно всему учился с нуля. На первом курсе училища пришло осознание того, что заниматься нужно очень серьезно, если ты понимаешь, что это твой путь, твое призвание. Посвящать себя своей профессии нужно всецело. Многие начинающие певцы думают, а что будет потом, если вдруг потеряю голос, но я отдавался на сто процентов, ничего не боясь. А когда меня об этом спрашивали, всегда отвечал — если что, буду кузнецом. Моя сестра Галина Дмитрук по образованию лингвист, но увлеклась интерьерной куклой, потому что ей это было ближе. Сегодня ее куклы находятся во многих частных коллекциях.

В 2012 году я получил гран-при на Романсиаде — это был мой первый приезд в Москву. Я тогда исполнял теноровые романсы Свиридова, а еще в Москве у меня было запланировано прослушивание у Пласидо Доминго.

— Наверное, вы очень волновались предстать перед маэстро Пласидо Доминго?

— Коленки от страха тряслись! В концертном зале храма Христа Спасителя, в небольшой комнате включили синтезатор, я поставил ноты на спинку стула и исполнял арию Герцога из оперы «Риголетто», а Пласидо Доминго сам мне аккомпанировал. Общение с маэстро дорогого стоит.

— И после успешного прослушивания в 2013-2014 годах вы были участником Молодежной оперной программы в Лос-Анджелесе, в 2015-м — солистом молодежной труппы театра «Андер-Вин». Это был полезный опыт?

— Безусловно! Это большой профессиональный, бесценный опыт. Спел несколько небольших партий и даже Артура в опере «Лючия ди Ламмермур».

В Лос-Анджелесе, в огромном, вмещающем три тысячи зрителей готическом храме Святого Брэндона, исполнил партию на английском языке в опере Бенджамина Бриттена «Блудный сын». Сложная музыка, эту партию учил полтора месяца. И в этой же церкви пел «Реквием» Моцарта.

Кстати, английский там, на месте, выучил, мне помогал американский преподаватель.

— В 2017 году вы участвовали в конкурсе «Большая опера» на канале «Культура». Сложно принимать участие в телевизионном проекте, и нужно ли вам это было?

— Нужно. Каждое испытание, любая встряска только на пользу. Снимали на «Мосфильме», помню, как утром в десять часов там репетировали, а вечером, после спектакля «Обручение в монастыре» — в этот день была моя премьера в музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко — мчался к «Мосфильму», и где-то в половине двенадцатого вечера мы записывали дуэт. Не расслабишься на этом конкурсе — это настоящее испытание. Чтобы сохранить свой голос с утра и до позднего вечера, надо обладать рядом профессиональных навыков, только так.

По правилам, ты приезжаешь на «Мосфильм» и можешь целый день провести в ожидании своего выхода, мне везло — то первым, то третьим проходил. Невозможно быть профессиональным артистом и жить постоянно в комфортных условиях. Форс-мажоры постоянно присутствуют в жизни певцов.

— Сколько времени нужно на подготовку, чтобы качественно исполнить дуэт?

— Десять дней, не меньше, чтобы это было профессионально сделано. Я вообще люблю все делать качественно, чем везде — по чуть-чуть. Это мой принцип.

— Вы — лирический тенор, а какой спецификой обладает тенор, на ваш взгляд?

— Тенор для меня — это всегда энергия, ты натянут как тетива лука, я не пою меланхолических партий, я пою лирические арии, требующие всецелой концентрации. Моя любимая опера — «Любовный напиток» Гаэтано Доницетти. Мне настолько нравится сама партия, что я растворяюсь в ней на сто процентов! Вспоминаю свои детские годы, как жил в деревне, как влюблялся, как меня дурачили, мой герой, парнишка Неморино, — это я! Абсолютно!

— В вашем театре недавно прошла премьера балета «Дон-Кихот» в хореографии Рудольфа Нуреева, вы видели эту постановку?

— Трижды! Поскольку я работаю в театре, то смотрел все прогоны и не мог оторваться. Мне нравится смотреть вблизи. Прекрасные артисты, каждый по-своему интересен, неповторим, у каждого своя эмоция. Какие же самоотверженные люди — артисты балета, я искренне ими восхищаюсь. Какой контроль своего тела! Для меня балетный спектакль — это хрестоматия сценического движения, сценического мастерства.

Каждое движение выверено до миллиметра.

— А как вы сами поддерживаете физическую форму?

— Занимаюсь активно спортом, веду здоровый образ жизни, только так. Перед нашим с вами интервью уже успел побывать в спортзале. Здоровый фитнес — это хорошо, мышцы «звучат». У оперных артистов многие мышцы рабочие, например, колоратурное сопрано имеет крепкий накачанный пресс — мышцы задействованы во время пения. Пение помогает нам быть в форме. Вообще, опера и спорт идут рядом в смысле выносливости.

— Существуют ли какие-нибудь ограничения для оперного певца?

— Все очень индивидуально. Я пью теплый чай перед спектаклем, когда пою партию Ленского в «Евгении Онегине», — здесь нужна некая расслабленность. А когда исполняю партию Неморино в «Любовном напитке», мне нужен кураж, румянец на щеках, веселый посыл, могу и ледяной воды выпить.

— Как вы относитесь к критике?

— Сам я не люблю никого критиковать, уже давно так для себя решил. На сцене я открыт и для доброго, и для негативного посыла. Многие артисты расстраиваются, когда читают плохую статью, рецензию о се-

бе. Я считаю, что нужно прислушаться к тому, что о тебе написали. Кому-то ты нравишься, а кому-то твой голос противен, и это нормально. Самое главное — я должен верить в то, что я делаю. Когда ты погружаешься в роль — это особенное состояние. Ты в негоходишь и как бы наблюдаешь за собой со стороны. Если у меня мурашки бегут по телу во время пения, значит, получилось погрузиться в себя во время исполнения.

Театр — это жизнь. Мы приходим в театр, чтобы ощутить эмоции, и вме-

сте с героями переживаем состояние первой любви, вспоминая себя в юности. Состояние, когда нас впервые бросили или предали... Проживаем вместе с артистом целую жизнь. Зрители, приходите в театр. Кто захочет обругать — ругайте. Артист, выходящий на сцену, должен принимать на себя все: и плевки, и помидоры, и восторг, и разочарование... Зритель должен приходиться в театр с открытым сердцем, как и в церковь... □

Беседовала **Елена Воробьева**

Денис Логинов

КОРОЛЕВА, которая «вышла замуж» за Англию

Эта женщина на английском троне — персонаж настолько же реальный, насколько мифический. Чем больше времени проходит с окончания царствования «королевы-девственницы», тем неправдоподобнее

становится ее образ. «Золотой век» королевы Елизаветы возник в трудах историков и литераторов «в пику» ее незадачливым наследникам — династии Стюартов и династии Ганноверов.

Лишь недавно британские историки стали робко задаваться вопросом, насколько восхваления и прославление Елизаветы соответствуют действительности. Выводы вызвали больше пессимизма, чем даже ожидалось: Елизавета действительно была выдающейся монархиней, но ее правление отнюдь не было «золотым веком», а сама она обладала всеми присущими обыкновенным людям качествами.

А что же было на самом деле?

На самом деле, на английском троне волею судьбы оказался Генрих VIII, который и не мечтал стать королем, будучи третьим ребенком Генриха VII и Елизаветы Йоркской. Его готовили к принятию духовного сана, за его воспитанием следила его бабушка леди Маргарет Бофор. Под ее руководством Генрих посещал до шести (!) месс в день и писал сочинения на богословские темы. Наследником, принцем Уэльским, был его старший брат Артур, которого и готовили к управлению государством со всевозможной тщательностью. Блестящий брак, заключенный с испанской инфантой Екатериной Арагонской, дочерью королевы Изабеллы Кастильской, сулил дальнейшее процветание и династии Тюдоров, и Англии.

Венчание Артура и Екатерины состоялось 14 ноября 1501 года. Артур написал Изабелле и Фердинанду о том, как он счастлив, и заверял,

что будет Екатерине «верным и любящим мужем во все дни своей жизни».

Увы, этих дней оказалось не слишком много. Через считанные месяцы после свадьбы Артур тяжело заболел тем, что тогда называли в Англии «потницей» (разновидностью вирусного гриппа), и через несколько дней скончался. Сразу после его смерти Екатерина призналась, что они с Артуром так и не стали супругами в полной мере.

Это позволило ее свекру-королю, не желавшему расставаться с богатым приданым испанки, решить женить своего младшего двенадцатилетнего сына на вдове старшего сына, которой было восемнадцать. Но только через семь лет было получено разрешение на этот брак от Папы Римского, а венчание Генриха и Екатерины состоялось в 1509 году, после вступления Генриха VIII на престол в возрасте 17 лет.

*Елизавета
в юности*

Справа:
*Отец —
король
Генрих VIII*

Первые годы брака проходили спокойно и мирно, но пятеро детей либо рождались мертвыми, либо умирали в младенчестве. Единственным выжившим ребенком стала принцесса Мария. Ее же официально объявили и наследницей престола. Больше детей у королевы не было, и король, страстно желавший иметь сына, стал задумываться об аннулировании брака. Толчком к началу бракоразводного процесса послужило рождение официально признанного внебрачного сына от леди Элизабет Блаунт. Несмотря на свое происхождение, он долгое время считался вероятным наследником английского престола, но Генри вне-

запно скончался от скоротечной чахотки.

Король же к тому времени страстно влюбился во фрейлину своей супруги леди Анну Болейн, и развод с королевой стал его навязчивой идеей. Анна девять лет прожила при дворе Маргариты Австрийской в Брабанте, где с легкостью овладела французским языком, секретами придворной светской и политической жизни и искусством интриги, без чего, как и без знания языка куртуазной любви, невозможно было стать настоящей придворной. При этом ее наставница принцесса Маргарита строго блюла нравственность своих юных фрейлин.

Целомудрие и недоступность — отличные способы для женщины добиться своей цели, гораздо более действенные, чем распущенность. Усвоила Анна и другие уроки своей наставницы — короли не женятся по любви, а женщинам не стоит слишком глубоко пускать в свое сердце любовь к мужчинам. Именно тогда Анна решила, что ее девизом станет «все или ничего», и поставила перед собой почти невыполнимую цель — стать королевой Англии. Не дождавшись предложений серьезнее, чем статус «единственной любовницы», «услужение», она удалилась в поместье родителей. В это время король уже пытался найти способ развестись с Екатериной, которая, утратив к 40 годам свою прелесть и нежный нрав, так и не сумела родить

Ври восшествии на трон сводной сестры Марии, убежденной католички, жизнь Елизаветы повисла на волоске. И все-таки случилось непредвиденное — судьба улыбнулась ей, в полной мере унаследовавшей гибкий и волевой характер матери. Народ, обезкровленный жестоким правлением Марии Тюдор, призвал принцессу на престол

ему наследника, и Генрих давно перестал навещать ее спальню.

Тогда же он придумал неоспоримый, с его точки зрения, аргумент в пользу развода — Папа Римский совершил недопустимую ошибку, позволив ему жениться на вдове своего брата Артура — сказано же в Би-

блии: у человека, женившегося на жене своего брата, не будет наследников. Значит, теперь он должен жениться как в первый раз, по-настоящему.

В ответ на предложение о браке Анна призналась в ответной любви и прислала королю подарок: игру-

*Первая жена Генриха VIII —
Екатерина Арагонская
(мать Марии Тюдор)*

шечный корабль с вырезанной на носу женщиной и бриллиантом. Корабль — символ защиты, бриллиант — сердце, наполненное такими же твердыми намерениями, как и драгоценный камень.

Так и не дождавшись разрешения из Рима на расторжение брака с Екатериной Арагонской, Генрих объявил о выходе английской церкви из-под власти Папы и объявил себя главой новой англиканской церкви. Это, помимо всего прочего, позволило ему не только освободиться от брачных уз, но и присвоить себе имущество и деньги множества разоренных католических монастырей и храмов.

*Вторая жена Генриха VIII —
Анна Болейн
(мать Елизаветы Тюдор)*

Так в Англии началось движение Реформации. Со временем в южной части острова протестанты победили, на севере же сохранилось католичество, так как его исповедовали проживавшие там знатнейшие и богатейшие семейства королевства, которые не желали подчиняться произволу и насилию со стороны короля.

Королеву Екатерину после поспешного и несправедливого суда над ней объявили «вдовствующей принцессой Уэльской» и отправили в ссылку, точнее, в заточение в один из дальних замков. Принцесса Мария была объявлена незаконнорожденной и сослана в другой замок без права видеться с матерью до тех

Третья жена Генриха VIII — Джейн Сеймур (мать Эдуарда VI)

пор, пока та не подпишет официального отречения.

Сам же Генрих этого дожидаться не стал и в январе 1533 года обвенчался с Анной Болейн, которая через полгода была коронована, а в сентябре того же года благополучно разрешилась от бремени... крепкой и здоровой девочкой. Скрепя сердце, король объявил новорожденную, окрещенную Елизаветой, законной наследницей престола и стал ждать, когда королева выполнит свое обещание и подарит ему сына.

Увы, вторая беременность закончилась выкидышем, а когда король узнал, что должен был родиться мальчик, гневу и разочарованию

его не было предела, и он предпочел вернуться к испытанной уже модели — раз Бог не желает наградить его наследными принцами и в этом браке, значит, нужно признать его недействительным и взять новую жену.

Анну обвинили в супружеской измене и обезглавили в Тауэре в мае 1536 года. Принцесса Елизавета была объявлена незаконнорожденной и лишена прав на престол.

В том же году в ссылке, так и не признав развода, скончалась Екатерина Арагонская. А королевские юристы постарались, чтобы король получил то, что хотел — теперь на пути к новой женитьбе и появлению наследников не стояли ни Елизавета, ни Мария. Генрих, в случае, если новая супруга не родит желанного принца, имел право сам в специальном указе перед смертью назвать своего преемника.

Через одиннадцать дней после казни Анны Болейн король повел к венцу юную Джейн Сеймур. Та добросовестно произвела на свет долгожданного сына и... скончалась. Но у Англии наконец-то появился законный наследник престола мужского пола — принц Эдуард. На радостях король разрешил появляться при дворе дочерям и снял с них клеймо незаконнорожденных — ведь теперь это не имело никакого значения.

Впрочем, Генрих еще не раз женился и менял свое решение о наследниках: Елизавете то даровали права на трон, то отбирали их. При

царствовании сводного брата Эдуарда протестантке Елизавете жилось относительно спокойно, но при восшествии на трон сводной сестры Марии, убежденной католички, жизнь ее снова повисла на волоске.

И все-таки в 1558 случилось непредвиденное — судьба улыбнулась Елизавете, внешне похожей на отца и в полной мере унаследовавшей гибкий и волевой характер матери. На престол принцессу призвал народ, почти обескровленный предшествующим жестоким правлением Марии Тюдор.

Молодой королеве исполнилось 25 лет. Она была красива — красотой молодости и свежести, самоуверенна, умна, достаточно хорошо образована. Но тревожная юность и ранняя молодость, когда каждый день в ее жизни мог оказаться последним, когда она почти непрерывно мысленно видела перед со-

бой плаху, не прошли даром. Она превратилась в мнительную, недоверчивую женщину и подозревала в злых умыслах практически всех окружающих, маскируя все это величавым спокойствием и показным участием.

Елизавета стала королевой и неограниченной властительницей Великобритании. Тотчас же ее окружила толпа восторженных поклонников, среди которых был и Филипп II Испанский, ухаживавший за ней еще раньше. Елизавета ненавидела его, как фанатичного католика, но ничем не выдавала своих чувств, а когда взошла на престол, решительно заявила, что намерена остаться королевой-девственницей.

Основным слабым местом Елизаветы при вступлении на престол была ее полная невежественность в государственных делах, поэтому ей, как и ее предшественникам, пришлось опираться на Тайный государ-

Слева:

*Мария Тюдор
и Эдуард VI*

*Портрет
Елизаветы
в день
коронации*

ственный совет, состоящий из наиболее влиятельных, политически сильных людей королевства. И все же совсем немного времени спустя после ее смерти на фоне бездарного правления Стюартов (королей Иакова I и двух Карлов) ее царствование казалось «золотым веком», а сама она — идеалом мудрой правительницы, образцом всех монарших добродетелей.

Первым лицом в Тайном совете Елизаветы стал Уильям Сесил, лорд Берли. Талантливейший, фантастически работоспособный, он занимался государственными делами более десяти лет и был одной из весомых фигур в предыдущем царствовании, так что пост Государственного секретаря лорд занял, отнюдь не будучи новичком в политике. Многие — если не все — в государстве зависе-

*Фаворит Елизаветы —
Роберт Дадли, граф Лестер*

нужно докладывать королеве на высочайшей аудиенции. Поэтому королева была вынуждена довольствоваться только той информацией, с которой ее считали целесообразным ознакомить. Сесил не ограничивался только отбором информации — в его власти было и подать ее так, как угодно в соответствии с намечаемым политическим курсом, выработанным на Совете, как правило, без участия королевы, поскольку Елизавета крайне редко присутствовала на его заседаниях.

Историк К. Хейг писал: «Целью Елизаветы в качестве королевы было быть королевой; ее использова-

Слабым местом Елизаветы была ее полная невежественность в государственных делах, поэтому ей пришлось опираться на Тайный совет, состоящий из наиболее влиятельных, политически сильных людей королевства. Но при всем этом, на фоне бездарного правления Стюартов после ее смерти, период царствования Елизаветы казался «золотым веком», а сама она — идеалом мудрой правительницы

ло именно от него, а не от пресловутой «королевской воли». Вся иностранная корреспонденция королевы проходила исключительно через руки Государственного секретаря. Сотни агентов короны, разосланные по всему миру, присылали ему свои отчеты. Послы иностранных дворов предпочитали предварительно поговорить с Сесилом, который давал подробные инструкции, что и как

ние королевской власти не было средством к достижению высших целей, это само по себе было целью. ...Может быть, королева Елизавета и служила Богу, но уж никак не своему народу».

Была еще одна цель, руководившая едва ли не каждым поступком Елизаветы, — это сохранение собственной жизни. Все 45 лет царствования находились желающие оспо-

ритель у королевы ее права на власть. Елизавета навсегда свыклась с сознанием, что всего лишь шаг отделяет трон от эшафота, поэтому всю свою жизнь опасалась сделать этот неверный шаг и предпочитала вообще уходить от решения серьезных проблем. Совершенно не королевская, но до мозга костей женская тактика и стратегия.

Упорное нежелание Елизаветы выходить замуж — еще одна тайна. К ней постоянно сватались иностранные принцы, герцоги и даже короли, но во всех многочисленных брачных проектах, которые затевались Елизаветой и ее приближенными, обязательным условием брачного договора был отказ мужа от правления. Англии был нужен наследник, а не король. Сватовство иностранных принцев держало в постоянном напряжении противоборствующие страны, ибо замужество Елизаветы способно было нарушить политическое равновесие в Европе и создать совершенно иной расклад сил. И если советники искали для своей королевы не соправителя, а лишь отца будущего наследника престола, то сама она, похоже, вовсе не стремилась стать замужней женщиной и матерью.

«Для славы Божьей, для блага государства, я решила нерушимо хранить обет девственности, — говорила она. — Мой супруг — Англия, дети — мои подданные. Возможно, я изберу себе в супруги человека достойнейшего, но до тех

Фаворит Уолтер Рейли

пор желаю, чтобы на моей гробнице начертали: "Жила и умерла королевою и девственницей"».

На это туманное обещание «избрать достойнейшего» купились очень многие и, прежде всего, многолетний признанный фаворит королевы Роберт Дадли, граф Лестер. Тем более что законная супруга графа как раз в это время умирала от рака груди, и Елизавета чуть ли не всерьез задумалась о вступлении в брак с прекрасным графом. Остановило ее только категорическое заявление Государственного секретаря Уильяма Сесила, что он откажется от своей должности в случае подобного брака королевы.

Сесил был единственным мужчиной, без которого Елизавета не могла жить в прямом смысле этого слова, поскольку, как уже говорилось, фактически именно он правил Англи-

ей. Но Лестер по-прежнему оставался единственным в своем роде для королевы, хотя время от времени и у него появлялись соперники.

Однажды среди народа, приветствовавшего королеву, внимание Елизаветы привлек молодой красавец в великолепном костюме. На нем был плащ из ярко-алого бархата и того же цвета шапочка, к которой были прикреплены золотая цепь и драгоценная кокарда. Башмаки, украшенные серебряными пряжками, кинжал у пояса и перчатки с отворотами довершали туалет, смотревшийся очень эффектно. В давке плащ наполовину спал, и молодому человеку пришлось держать его обеими руками. Когда Елизавета приблизилась, юноша выступил вперед с выражением почтительного любопытства и скромного восторга, отчего его лицо стало еще более красивым. Вдруг он сорвал с себя плащ и ковром расстелил перед королевой. При этом он сильно покраснел и извинился за свою дерзость. Легкий румянец выступил на щеках Елизаветы, и она, милостиво наклонив голову, грациозно прошла по плащу.

Красавцем оказался Уолтер Рейли. С этого часа королева не оставляла его своими милостями, всегда помня о рыцарском поступке, покровительствовала его отважным предприятиям. Будучи очень богатым, Рейли снарядил экспедицию, чтобы основать в Америке собственную колонию, названную им «Вир-

джиния» в честь королевы-девушки.

По возвращении Елизавета стала относиться к нему с еще большим доверием и назначала его на ответственные посты. Граф Лестер возненавидел Уолтера Рейли. С той минуты, как последний стал приближенным королевы, все мысли его были заняты тем, как бы сместить соперника.

Елизавета любила повторять, что она «замужем за Англией», на самом же деле так называемые «брачные игры» при дворе превратились стараниями королевы чуть ли не в основное ее оружие. Народ решительно не понимал свою монархиню и ее вычурные и надуманные идеалы. В глазах простых людей королева была не только королевой, но и женщиной, причем женщиной, абсолютно не постижимой с точки зрения здравого смысла: отказывающейся выходить замуж и рожать детей, поэтому о Елизавете ходило множество самых разных слухов. Определенное зерно истины в этих сплетнях и слухах было: соперничество приближенных за «особую благосклонность» королевы создавало нездоровую, нервную атмосферу всеобщей ненависти и чудовищных склок. Все интриговали и подсиживали друг друга. А поскольку практически с каждым более или менее значительным придворным у королевы были «личные отношения», конфликты, стычки и вражда при дворе не прекращались ни на день. Это приводило к тому, что при дворе постоянно вспы-

хивали мелкие и крупные заговоры, что, собственно, и составляло историю царствования Елизаветы. Она очень боялась потерять свою призрачную «абсолютную власть», но этот страх королева сумела обернуть в свою пользу. Не собираясь выходить замуж, она перманентно находилась в состоянии «обручения» с тем или иным претендентом на ее ру-

ку. Рекорд поставил французский герцог Алансонский, который сватался к Елизавете в течение десяти(!) лет. И все эти годы английская королева умудрялась не дать окончательного ответа, не отталкивая от себя герцога.

Нежелание королевы выходить замуж имело еще одну вескую причину: страх за собственную жизнь.

*Уильям
Сесил*

Вопреки национальным интересам, Елизавете вовсе не нужен был наследник. Отсутствие его было основной — и лучшей! — личной гарантией, патентом на власть.

Но это было также и главной проблемой для государства. Королева после тридцати пяти лет часто болела, иной раз очень тяжело, и ее подданные немедленно впадали в панику. Одновременно с паническими настроениями начинали множиться группы и фракции, занимавшиеся дележкой будущей власти. Увы... Елизавета выздоравливала, загово-

ры раскрывались, головы летели десятками, а королева вновь кокетничала с очередным фаворитом. И так до бесконечности.

Она прекрасно понимала, что стоит ей чуть ослабить вожжи — и мужчины мгновенно забывали о своей неземной любви и думали только о собственном возвышении, хуже того — предавали свою «горячо любимую королеву». Когда Елизавета тяжело заболела оспой, ее тогдашний фаворит, граф Роберт Лестер, с откровенным нетерпением ждал ее смерти, и даже собрал несколько

тысяч вооруженных сторонников, готовых признать его королем. В самом начале 1560-х годов, когда его надежды жениться на Елизавете начали угасать, он заключил тайный союз с... испанским королем Филиппом II: если последний поддержит его брак с королевой, Лестер обязуется отстаивать испанские интересы в Англии и править страной в соответствии именно с этими интересами. Разумеется, королеве стали из-

говоры раскрывались десятками, виновные кончали жизнь на плахе.

Однако Елизавета не могла вечно испытывать судьбу. Понимая, что война с Испанией неизбежна, и трижды публично объявляя об ее начале, королева, тем не менее, трижды передумывала и, наконец, и вовсе запретила обсуждать этот вопрос в Совете. По-своему обыкновению, она уповала на то, что проблема как-нибудь сама собой «рассосется».

к концу царствования Елизаветы страна отнюдь не процветала. Война с Испанией опустошила казну, и королеве пришлось даже заложить фамильные драгоценности из королевской сокровищницы. Количество бедняков, умирающих прямо на улице, стремительно росло, по всей стране множились хлебные бунты и мятежи против чиновников, в деревнях люди кормились дохлыми собаками и кошками и — проклинали королеву. Даже придворные не считали нужным скрывать, что ожидают ее кончины...

вестны его дерзкие планы, и Лестер не был сурово наказан лишь потому, что все еще находился в фаворе. Однако после этого инцидента он мог забыть о возможности брака с Елизаветой. Она больше не доверяла «милому Роберту», впрочем, его самолюбие так и не позволило ему признать эту очевидность.

В 1584 году Тайный совет в Лондоне организовал группу бдительности «Неразрывная Ассоциация», в задачу которой входила личная охрана Елизаветы. И время показало, что все это не было перестраховкой. За-

Однако... не рассосалась.

Напряжение в отношениях Англии и Испании достигло апогея к 1580-м годам. К урону от пиратских набегов на испанские торговые суда добавилось вмешательство Англии в войну Испании с Нидерландами. Нидерланды боролись за национальную независимость, положение усугублялось непримиримой враждой между католиками-испанцами и протестантами-голландцами. В течение многих лет протестантская Англия финансово помогала Нидерландам. Английский главнокомандующий граф

Роберт Лестер принял от голландцев титул Верховного губернатора Объединенных Провинций Нидерландов. Это привело Филиппа Испанского в неопишущую ярость. Стало очевидно, что прямого военного столкновения между «сверхдержавами» не миновать.

В Испании началось спешное строительство новых военных кораблей. К 1588 году все приготовления были закончены. 130 испанских судов, «Непобедимая армада», были готовы к победному походу против англичан. Но, увы, через несколько часов после отплытия из Лиссабона начались проблемы. Сначала сильный встречный ветер долго не позволял отдалиться от берега, затем ветер переменился и начал сносить суда к югу — то есть в прямо противоположном от необходимого на-

правлении. «Армада» еле ползла к берегам Англии, а где-то в середине пути она попала в страшный шторм, повредивший едва ли не половину кораблей.

В Англии обо всем этом пока ничего не знали, там царила самая настоящая паника. Было ясно, как день, что, если испанцы высадятся на берег, битва будет короткой, а над Лондоном взвоется испанский флаг.

Наконец изрядно потрепанная и поредевшая «Армада» показалась в заливе Ла-Манш. Но испанцы не высаживались на берег, так как ждали подкрепления из Нидерландов. Неожиданно — второй раз за поход! — поднялся небывалый ураган, море бушевало в августе так, как бывает только зимой. Тяжелые, неповоротливые испанские корабли один за другим шли ко дну. Английская артиллерия просто добивала остатки вражеского флота с берега.

Как тут не поверить в Божий промысел? Тем более что помощь из Нидерландов так и не пришла.

Корабли стали медленно отступать, чтобы набраться сил для нового удара. И тут разразился третий по счету грандиозный шторм. Суеверные католики, испанцы объясняли череду свалившихся на них неудач происками сатаны. Никакие приказы не могли заставить рядовых матросов продолжать военную кампанию. Остатки «Армады» потянулись назад, к берегам Испании.

А в Англии еще долго, чуть ли не два месяца, не знали об «одержан-

Слева:

*Фаворит —
Роберт
Девере,
граф Эссекс*

ной победе», и в ней царило смятение. Наконец стало ясно, что «победа одержана» и враг отступил. Но победа оказалась пирровой, потому что абсолютно ничего не решила. Война с Испанией отнюдь не закончилась, Филипп снаряжал против Англии новые «Армады», об участии которых почти ничего не известно.

Неизвестно также, чем бы обернулось для Англии это изнуряющее

многолетнее противоборство, если бы не смерть в 1598 году Филиппа II. Его преемник, Филипп III, был слаб и сентиментален, меньше всего ему хотелось тратить жизнь и деньги на войну с Англией. Хотя сама Англия переживала отнюдь не лучшие времена в своей истории.

К концу царствования Елизаветы страна отнюдь не процветала. В Ирландии бушевало восстание, и дей-

ствия английской армии не принесли никаких результатов. Война с Испанией опустошила казну. Военный налог увеличивался несколько раз, но это не спасало положения. Королеве даже пришлось заложить фамильные драгоценности из королевской сокровищницы.

В королевстве была чудовищная инфляция: деньги уже почти ничего не стоили. Количество бедняков, умирающих прямо на улице, стремительно росло, по всей стране множились хлебные бунты и мятежи против королевских чиновников. В деревнях кормились дохлыми собаками и кошками и — проклинали королеву.

Парламент проявлял все большее стремление к независимости, а лондонские горожане уже не встречали Елизавету с ликованием. Былая популярность миновала, чему немало способствовало так называемое «дело Эссекса», который был последним фаворитом королевы, ее «лебединою песней». Ни один из прежних любимцев Елизаветы не удостоивался стольких знаков внимания, как этот молодой (на 33 года моложе королевы) красавец, абсолютно, кстати, бездарный во всех отношениях. Эссексу было позволено слишком много (и одновременно ничего!): он волочился за придворными дамами, плодил незаконных детей, постоянно ругался и мирился с Елизаветой, не стесняясь при всех поворачиваться к ней спиной в ответ на ее публичные оплеухи и послания к черту.

Над незадачливым графом потешались. («Весь Лондон смеется над ее шутом!») Уступая многочисленным просьбам, Елизавета согласилась послать Эссекса на усмирение мятежа в Ирландии, но это кончилось крахом — Эссекс потерпел полное поражение. Не сумев обуздать мятежников, он без разрешения вернулся в Лондон, оставив весь север острова до самого Дублина абсолютно незащищенным перед мятежниками.

Такой проступок нельзя было оставлять безнаказанным. Эссексу грозил суд Звездной палаты, однако он не стал дожидаться правосудия, а, одержимый непомерной горды-

ней, примкнул в 1601 году к заговору против Елизаветы, мало того, оказался в первых рядах мятежников, которые намеревались силой добиться отречения королевы и воцарения Якова Шотландского.

Заговор был обречен, как и все остальные эссексовские начинания: он не был ни дипломатом, ни политиком, ни царедворцем, ни заговорщиком. Итог известен: 25 февраля 1601 года молодой человек сложил голову на эшафоте и был горько оплакан своей царственной подругой.

Понимание того, что власть ее, по сути, кончилась, убивало Елизавету.

Как и то, что она никем не любима, и ее подданные с нетерпением, которое даже не считают нужным скрывать, ожидают ее кончины. Один за другим, с письмами, богатыми подарками из Лондона отправлялись к Якову Шотландскому (ближайшему королевскому кровному родственнику и... сыну казненной Марии Стюарт) елизаветинские придворные, заранее надеясь завоевать расположение будущего короля.

Наблюдая за этой суетой, Елизавете только и оставалось, что повторять: «*Mortua sed non sepulta...*» — («Мертва, но не погребена»). Воисти-

Слева:

**Яков V
Шотландский**

**Смерть
Елизаветы**

ну, это было жалкое доживание и жалкий конец 45-летнего царствования. Государственные дела решались уже даже без ее формального участия. Так, например, за спиной Елизаветы Государственный секретарь Роберт Сесил (сын покойного Уильяма) заключил сделку с главой ирландских мятежников, о которой Елизавета так и не узнала и до конца своих дней считала, что с Дублином идет война.

Все чаще королеву заставляли плачущей. Впрочем, вряд ли это кого-нибудь удивляло — было от чего заплакать: преемника, кем бы он ни был, ожидало нелегкое наследство...

Вопреки утвердившимся мнениям, Елизавета не была мудрым и сильным государственным деятелем, проводившим разумную политическую линию согласно интересам своей страны. У нее не существовало хоть сколько-нибудь стройной концепции государственной власти. Принимая то или иное решение, она отказывалась руководствоваться не только национальными интересами, но иногда и здравым смыслом, ибо, будучи королевой, всегда оставалась крайне неуравновешенной истеричной женщиной с многочисленными личными причудами.

Ее многолетнее царствование продержалось во многом благодаря мужеству, упорству и талантам государственного секретаря Уильяма Сесила, которому королева скорее мешала, чем помогала проводить четкую осмысленную политику, вытекающую из национальных интере-

сов Англии. Как только Сесила не стало, мгновенно исчезла и вся видимая мощь Елизаветинской державы.

24 марта 1603 года Елизавета Тюдор умерла, назначив своим преемником Якова, сына Марии Стюарт. Это означало практически соединение Англии и Шотландии под властью одного государя, которому предстояло выводить страну из тяжелейшего экономического кризиса и разбираться с многочисленными неоконченными войнами. Династия Тюдоров прекратила свое существование. На историческую сцену вышла династия Стюартов, в лице первого ее представителя — короля Якова I. Он был одним из самых образованных людей своего времени, знал не только латынь, но и древнегреческий язык, слагал стихи по-шотландски и по-латыни, написал книгу наставлений своему сыну, трактаты о демонологии и о вреде табака. На годы его правления приходится начало образования английской колониальной системы. Его время ознаменовано также продолжением ренессансного расцвета культуры, начавшегося при Елизавете, при нем творили Шекспир, Бен Джонсон, Уильям Драммонд и Джон Донн. Иаков присвоил труппе Шекспира статус королевской. Фрэнсис Бэкон занимал в его правительстве пост лорд-канцлера Англии. Король поощрял исследования алхимиков и новые работы в сфере медицины и естествознания.

Но это уже — совершенно другая тема, другой век, другая династия... □

И ЖИЗНЬ, И СЛЕЗЫ, И ЛЮБОВЬ

Мы с братом жили с родителями и бабушкой на Северо-Восточной окраине тогдашней Москвы, между Сокольниками и ВДНХ, на Мазутке. Так называлась вся эта территория из-за пылящего здесь асфальтового завода. Копоть от его трубы прочно лежала с весны на листьях всех деревьев в округе и на стенах деревянных двухэтажных домов, которыми и была застроена вся Мазутка. Около завода, примостившегося рядом с огромной лужей черного блестящего битума и дорогой с трамвайными путями, вымощенными красно-серым булыжником, протекала грязная речка Копытовка. Она пересекала трамвайные пути внизу по трубе, а за ними опять текла открыто, впадая в такую же грязную Язу. Между нашим домом и Копытовкой пряталось в лопухах Тритоновое болото, сквозь которое вела тропинка к состоящему из двух небольших труб мостику через речку. А за мостиком красовался большой красный дом с несколькими магазинами, что было очень удобно. Ребята из этого дома ходили в школу с нами на нашем берегу, так что трубы через речку были до блеска отполированы ребячьими ботинками.

Мы с моей подружкой Леночкой были на два класса старше моего брата Бориса и еще ездили на занятия в музыкальную школу на Проспект Мира. Борис музыкой не занимался, зато очень любил рисовать. Рисовал он акварельными красками всегда что-то яркое, но не всегда понятное. К примеру: на фоне розово-алых или зелено-желтых небес резко выделялись черные или фиолетовые контуры каких-то планет с кратерами, ракет с иллюминаторами, или силуэты страшных огромных пауков или жуков двигались по развороченной, разрушенной Земле, круша дома, храмы и плотины электростанций. Еще

он любил рисовать средневековые замки: островерхие башни с флюгерами, зубчатые стены из крупных камней. А внизу был обязательно непроходимый лес с колючим кустарником и маленький горбатый человечек.

Это явно был Крошка Цахес Гофмана. Но почему везде?

И вдруг я стала замечать, что рисунки брата поменяли тематику и цвет. На альбомных листках стали появляться фантастические цветы в зеленых джунглях. Но джунгли были светлые, а в изобилии цветов преобладали голубые, розовые, сиреневые оттенки. И что интересно: если рисунки с замками и устрашающей живностью валялись по всей квартире и часто оказывались в помойке вместе с мусором, то цветочные джунгли, работу над которыми я наблюдала, разучивая очередную пьесу на пианино, сразу куда-то исчезали.

— Машенька, Масик! — однажды сказал бабушка за ужином, когда Бориса не было. — Боречка в нее влюблен! — Это было сказано таким тоном, будто Боречка чуть ли не завтра собирался жениться и привести жену в дом. Бабушка у нас была старенькая и немного с чудачествами. Но энергии в ней было много. Даже чересчур. — Я все узнала! — продолжала она. — Очень милая девочка с вьющимися волосами в косичках. Она недавно пришла в их класс. Борик ей дарит свои рисунки!

— Фамилия у нее интересная! — заметила мама, отправляя в рот кусок котлеты.

— Ну, уж какая есть! Придется мириться!

— С чем? Господи, мама! Мальчик в пятом классе! Стоит ли обращать внимание на детские влюбленности? Успокойся и забудь!

Борис о бабушкином любопытстве не догадывался. А она между тем развила бурную деятельность. Через пару дней с сияющим лицом доложила всем нам, что приготовила Боречке сюрприз. Какой? — Секрет! А маме шепнула, что пригласила Машеньку в гости на чашку чая. Мама в ответ только плечами пожала.

Ничего не подозревающий Борис после школы решил пойти к кому-то из ребят за книжкой Эдгара По. Идти надо было в «красный» дом — огромный красивый многоэтажный домище. Домой он заходить не стал, так и пошел с портфелем в руке, для удобства надетым на мешок со сменной обувью. Ранцев тогда еще не было, вообще, и школьные портфели были точно такие же, как и у взрослых — с ручкой из нескольких слоев толстой кожи и замком — защелкой. Идти надо было по дороге через Копытовку, пересекая трамвайные пути. Взяв книжку, он решил дорогу домой сократить и пойти по трубам немного выше по течению, но зато ближе к дому. И надо же было такому случиться, что ручка портфеля оборвалась именно тогда, когда Борис шел по этим трубам! Тяжелый портфель с учебниками юркнул в воду, тихо булькнув на прощанье, а братец, потеряв равновесие, плюхнулся в вонючую грязь вслед за ним. Глубина речки была мальчишке по колено, но бы-

строе течение и илистое дно навсегда унесли его портфель вместе с возможностью спокойно делать домашние задания по своим учебникам. Учебники в школах тогда не выдавали бесплатно в библиотеках. Их родители покупали в начале лета в специальных магазинах строго по списку из школы. В книжных магазинах они тоже не продавались. Осознав, в какое положение попал, Борис выполз на четвереньках из речки и не нашел ничего лучшего, как заорать. Заорать во все легкие и во всю силу своего недюжинного голоса.

Между тем, Машенька, нажав на кнопку недавно проведенного папой звонка, уже разговаривала с бабушкой. Удивленная долгим отсутствием внука, та предложила девочке подождать Боря во дворе на лавочке и спустилась сама вслед за ней. И тут они обе услышали странный звук со стороны Тритонового болота.

—Ы-ы-ы-а-а-а! Ы-ы-ы—э-э-э!

Приглядевшись, в начинающихся сумерках можно было разглядеть фигуру, похожую на пингвина с растопыренными лапами, на одной из которых болтался на веревке мешок. А на голове у этого «пингвина» была школьная форменная фуражка, съехавшая на затылок.

Борис вошел во двор, продолжая орать благим матом. Увидев бабушку и Машеньку, сразу закрыл рот.

Бабушка замерла на месте, не зная, что сказать. А Машенька, широко распахнув карие глаза с загнутыми вверх ресницами, удивленно спросила:

— Боря! Ты что? Купался в болоте?!

— Ду-у-ура-а-а-а! — Решив, что с Машенькой уже все навсегда потеряно, взвыл Борис с еще большей силой, одновременно пытаюсь понять, рассердится бабушка или пожалеет. — Я в Ко-пы-тов-ку упа-а-а-ал!

— Сам ты дурак! — вспыхнула Машенька. И, уже выбегая со двора, прокричала: — Идиотик несчастный!

Всю эту сцену я наблюдала из окна и поспешила быстренько сбежать к подружке Леночке в соседний подъезд, чтобы мне не досталось мыть полы за истекающим грязью братом.

Родители Борьку все-таки пожалели. Мало того, он целую неделю в школу не ходил, так как у него не было учебников. Их за неделю удалось собрать по знакомым. И он все это время читал Эдгара По, потому что книжку не в портфель положил, а сунул в рубашку за ремень.

А джунглей с красивыми цветами он уже не рисовал...

Поженились Борис и Машенька лет через пять. Просто ушли жить к ее бабушке, когда родители уехали работать за границу. Борис стал художником. К прежним персонажам его картин прибавились змеи, крысы и свиньи. Его приняли в Союз художников, выделили мастерскую за кинотеатром «Космос».

В ней он и повесился, когда Машенька объявила ему, что уходит от него, потому что полюбила другого... □

Как Прокопий Устюжский отогнал каменную тучу от города

В «Житии Прокопия Устюжского» есть сведения об удивительном событии, произошедшем 25 июня/2 июля 1290 года у деревни Котовалово, что близ Великого Устюга. В переводе на современный русский язык текст древнего сказания выглядит так:

«В полдень нашло внезапно на город Устюг темное облако и стало темно, как ночью. Потом явились и встали на все четыре стороны тучи великие, из них беспрестанно исходили молнии огненные, и гром сильный и страшный был над городом Устюгом, так что не слышно, что друг другу говорили. Из-за долгого и прилежного с рыданием моления святого Прокопия и всего народа к Богу и Пречистой Богородице изменился воздух, и тучи страшные со вспышками и громами отошли в пустынные места, отстоящие от города на 20 поприщ (около 30 км), и там выпали дождем большие горящие камни, сжегшие многие леса и дебри, теми же многими и бесчисленными камнями деревья вырывало с корнем, а другие переламывало пополам, но из людей и скотины никого не убило заступничеством Пресвятой Богородицы и молитвами святого Прокопия».

(Ряд современных исследователей полагают, что в те далекие времена близ старинного русского северного города на Сухоне прошел мощный метеоритный дождь. К счастью Великий Устюг тогда не пострадал.)

Арзамасский монстр

«Лета 1719 июня 4 дня.

Была в уезде буря великая, и смерч и град, и многие скоты и всякая живность погибли... И упал с неба змий, Божьим гневом опаленный, и смердел отвратно. И, помня Указ Божьей милостью Государя нашего Всероссийского Петра Алексеевича от лета 1718 о Куншткаморе и сбору для ея диковин разных, монструзов и уродов всяких, каменьев небесных и разных чудес, змия сего бросили в бочку с крепким двойным вином.

В длину сей монструз от пасти до конца хвоста, спаленного в десять аршин и пять вершков, и зубья в пасти той, яко у щуки, но, более

того, и кривые, а спереди еще более в два вершка, а крылья, яко у нетопыря кожанные, и одно крыло от хребта змиева длиной аж в девять аршин и десять вершков, а хвост зело длинен, уж в четыре аршина и пять вершков, лапы голые, с когтями, яко у орла и более, и лапы на крыльях четырехперстные с когтями ж, а глаза блеклы, но весьма свирепы».

Из донесения земского начальника Василия Штыкова в вышестоящие инстанции.

Остается только добавить, что упомянутый Василием Штыковым в донесении «монструз» — с гладкими кожаными (без оперения!) крыльями, размеры которого в переводе на привычную нам метрическую систему составляли: в длину около 7 м 33 см (из них длина хвоста порядка около 3 м), самые большие зубы 9 см, а размах крыльев порядка 13,6 м, — очень подходит под формы и размеры летающих ящеров из доисторической эпохи. Согласно общепринятой версии, именно такие существа жили на нашей планете в юрский и меловой периоды и полностью вымерли с остальными динозаврами около 65 миллионов лет назад.

Светящийся монах

Академик Семен Исаакович Вольфкович (1896–1980) был маститым, серьезным ученым и одним из первых советских химиков, проводивших опыты с фосфором. Однако в городской столичный фольклор он вошел благодаря удивительной особенности фосфора. Тогда при изучении свойств этого химического элемента еще не принимали необходимые меры предосторожности, в результате чего газообразный фосфор во время научных исследований незаметно, но неизбежно оседал на одежде химика. И когда Вольфкович возвращался домой по темным московским улицам, его одежда излучала голубое свечение, а из-под ботинок высекались искры! В итоге посмотреть столь необычное и удивительное зрелище каждый раз собиралась толпа зевак, принимавших ученого то ли за призрак, то ли за существо из потустороннего мира. Вот так по Москве и распространились слухи о «светящемся монахе».

Евгения Гордиенко

Принцесса Турандот

из Мансуровского
переулка

О том, как причудливо тасуется колода, мы знаем из общеизвестного произведения. И о том, что кровь порой проявляется весьма интересным образом, знаем оттуда же. Мог ли предположить граф Николай Петрович Шереметев, женившийся на крепостной актрисе Прасковье Жемчуговой, что его далекий потомок и полный тезка, родившийся в 1903 году, тоже выберет себе в жены актрису, к счастью, уже не крепостную...

Но и к выбору Николая Петровича из двадцатого века у его родни возникли вопросы. Цецилия Львовна Мансурова, помимо того, что была актрисой, была старше своего возлюбленного на несколько лет, да еще — о, ужас! — еврейкой. Ее настоящая фамилия — Воллерштейн.

Ради Мансуровой Шереметев не покинул Россию вместе со своей семьей, а остался и, чтобы быть поближе к любимой, поступил в оркестр Вахтанговского театра, став там, пожалуй, единственным графом-скрипачом.

Но стоит подробнее и с самого начала рассказать о той, ради кого он пошел на такие жертвы.

Родилась Цецилия Львовна Воллерштейн в 1897 году в Москве. Семья с восторгом относилась к таланту дочери, но только пока она декламировала стихи и пела песенки дома, а в качестве профессии актерство не воспринималось. И юной Циле пришлось по окончании школы в угоду семье окончить юридический факультет Киевского университета.

Кто знал Мансурову впоследствии, покатывались со смеху, узнав о ее юридическом образовании. Трудно было представить что-либо более не совместимое, чем озорная, взрывная, порой несобранная, суматошная Цецилия Львовна и юридическая практика.

Она сама это понимала. И твердо верила в то, что должна стать ак-

*Ц.Л. Мансурова в роли
принцессы
Турандот*

трисой. Поэтому по окончании университета поступила в Вахтанговскую студию. Сам основатель Евгений Вахтангов отобрал ее, и она вписалась в этот творческий коллектив мгновенно и навсегда.

Даже псевдоним себе выбрала, отсылающий к студии, располагавшейся в Мансуровском переулке, что между Пречистенкой и Остоженкой.

Она постоянно училась, и это дало результат — ее исполнение роли принцессы Турандот в одноименном спектакле до сих пор считается образцовым. Коварная, жестокая, капризная, при этом лукавая, нежная и манкая, принцесса Мансуровой покорила зрителя женственностью и изысканностью.

На репетицию именно этого спектакля и пришел однажды юный Николай Шереметев в 1919 году. Ему было тогда всего 16! Но он увидел

Мансурову и влюбился. Как выяснилось — на всю жизнь. Она была замужем, но кого это волновало в то время, да еще и перед лицом такой всепоглощающей — с обеих сторон — любви? Мансурова через некоторое время ушла от мужа и вышла замуж за молодого графа. Конечно, графом он числился уже только номинально, но Шереметева в последующие годы очень любили первого выпускать к зарубежным гостям Вахтанговского театра. Изящный, безукоризненно воспитанный, знавший пять языков, Николай Петрович являл собой ту Россию, которая, казалось, была утрачена навсегда.

Он никогда ни слова не сказал ни за, ни против советской власти, однако его регулярно арестовывали. И тогда во главе с Мансуровой на его защиту вставал весь театр. В ход шли знакомства, связи, билеты, приглашения... И уже через несколько дней Николай Петрович пиroteвал на банкете по случаю своего возвращения.

Но вернемся к Цецилии Львовне. Создавая своих героинь, она всегда стремилась найти нечто определяющее, некое начало, иногда отталкиваясь от совершеннейших мелочей. Так, известен случай, произошедший во время гастролей. Ехали далеко — аж во Владивосток. Вагон останавливался в населенных пунктах, играли спектакли и ехали дальше. Начались эти гастроли, как правило, с небольшого митинга прямо на вокзале. Звучали дежурные речи, но

когда выходила Мансурова, публика замирала, поскольку она невероятно темпераментно говорила о театре: «Мы для вас приехали, мы готовились всю дорогу, очень волновались, мы счастливы видеть вас». Эффект был невероятный. Местные жители, весьма далекие от театра, влюблялись и в Мансурову, и в театр...

В репертуаре этих гастролей была пьеса Иосифа Прута про Бакинское подполье. Актриса, игравшая мать подпольщика-большевика, заболела, и нужно было срочно вводить на эту

роль другую актрису. Попросили Мансурову, которая до этого никогда не играла возрастные роли. Прямо в вагоне она учила текст, ничего не запоминала и очень нервничала. В тексте была совершенно проходная фраза: «А ночевать ты пойдешь ко мне». И когда актриса наткнулась на эту фразу, у нее заблестели глаза, она сказала: «О, вот теперь я знаю, как играть». И кокетливо, с иронией произнесла: «А-а-а-а, ночевать ты пойдешь ко мне». Все засмеялись, потому что сыграла она это не от лица

Слева:

*Николай
Петрович
Шереметев*

матери, которая прячет своего сына, а от лица мансуровских героинь, которые игриво предлагают кому-то у нее переночевать. Своей интонацией она сделала роль совсем иной...

Отдельного упоминания заслуживает дуэт, который Цецилия Львовна создала на сцене Вахтанговского театра с Рубеном Симоновым. В 1936 году Москва была покорена восхитительной, божественной Беатриче в пьесе «Много шума из ничего». В героине клокотал вулканический темперамент сицилианки, покорившей сердце завязтого женоненавистника Бенедикта, которого играл Симонов.

Всегда легкая, изящная, золотистая, «красотка кабаре», как шутливо называли ее в театре, она очень трудно переходила к возрастным ролям. Когда в 1954 году режиссер Александра Ремизова решила возобновить спектакль по пьесе Гауптмана «Перед заходом солнца», она столкнулась с проблемой — как сказать Мансуровой, которая до войны играла юную Инкен Петерс, что роль будет исполнять другая актриса? Ремизова долго готовилась к разговору с Цецилией Львовной, но та все равно восприняла это очень болезненно. Ей и в голову не могло прийти, что дело в возрасте. Она думала, что в труппе к ней плохо относятся, и это чьи-то козни. Разумеется, это было не так — ее все обожали.

Но была среди ролей Мансуровой одна возрастная роль, которую любила и она сама, и зрители. Это роль Филумены Мартурано в одноимен-

ной пьесе Эдуардо де Филиппо, поставленной Симоновым в 1956 году. Несмотря на то, что после этой работы были у Мансуровой и другие, эта ее роль сохранила в памяти современников ощущение «лебединой песни» актрисы.

Как и во всех своих работах, Цецилия Львовна имела свое толкование этой роли. Она сыграла не бытовой случай из жизни, но социальную драму. Филумена Мансуровой готова пойти на любые унижения и унижения, на любые «мелкие неправды» ради достижения своей главной цели: дети должны быть счастливы. В нечеловеческой одержимости, в напористой страстности, в повышенной аффектации своей героини актриса как бы подводила итог своим творческим исканиям, утверждая право театра быть выше обычных земных будней. Увидев московский спектакль, автор пьесы отдал предпочтение вахтанговской трактовке.

О детях Мансурова могла судить лишь теоретически — своих у них с Николаем Петровичем не было. Мужа она трагически лишилась в годы войны, но пал он вовсе не на полях сражений. В 1944 году Шереметев погиб на охоте от случайного выстрела. Виновного так и не нашли.

Замуж Мансурова больше не вышла, да и больших романов за ней не было замечено. На вопросы о личной жизни она отшучивалась и лишь раз сказала: «Разве это возможно? Николая Петровича не вернуть, а больше мне никто не нужен».

Цецилия Львовна охотно делилась своим мастерством с молодыми актерами в Высшем театральном училище имени Щукина, где она долгие годы, будучи профессором, преподавала актерское мастерство. Но даже студенты, как и многие артисты театра, называли ее Циюшей — у нее словно и не было старости. До преклонных лет изящная и подвижная, она оставалась той самой Турандот — с хитрецей в глазах и бесконечным обаянием.

Она легко пускала в свой дом — ее квартира на улице Щукина славилась своим шумом даже с учетом того, что дом был театральным, и ложились там поздно. Елена Камбурова вспоминала, что когда приехала поступать в училище в Москву, ее обвинили в том, что она подражает Мансуровой. А Цецилию Львовну она и в глаза никогда не видела, не то что подражать... Будущей певице кто-то из студентов дал адрес Мансуровой и посоветовал ей показаться. Камбурова вспоминала: «...я пришла к ее дому и встретила актрису, выходящую из подъезда. Что-то я прочитала ей прямо на улице, что-то, когда вошла в квартиру. Мансурова сразу расположилась ко мне и рекомендовала меня в Щукинское училище... Встреча с ней дала мне запас мужества...»

Несмотря на то, что Мансурова не снималась в кино, на улицах ее узнавали регулярно. Дело было в том, что жила она неподалеку от театра, а по Арбату ходили в основном всегда театралы.

Театральная актриса, она снялась лишь в одном фильме «Дорогой мой человек». Мансурова любила повторять, что кино не может заменить живого общения со зрителем, зрительских эмоций, какие дает спектакль.

Несмотря на всеобщее признание, звание народной артистки Цецилия Львовна получила лишь за пять лет до смерти.

Умерла Цецилия Львовна Мансурова 22 января 1976 года в возрасте 79 лет. Прощались с ней, конечно, в театре. Все были подавлены, потому что с ее уходом оборвалась одна из последних нитей, связывавших театр с его основателем... □

Юрий Осипов

Алексей Михайлович РЕМИЗОВ

«Живая сокровищница русской речи»

Один из наиболее ярких стилистов в русской литературе, прозаик, художник, каллиграф, с малолетства великий фантазер и выдумщик, экспериментатор чистой воды, Алексей Ремизов черпал вдохновение в культуре и быте «допетровской» Руси и был в своем творчестве, если так можно выразиться, архаичным модернистом.

Его всегда и воспринимали по-разному. Одни видели в книгах Ремизова лишь прямолинейную имитацию и эстетизацию русской старины. Другие, как, например, выдающийся художник-«мирискусник» М. Добужинский, считали, что на поверку природа дарования этого своеобразного писателя — игровая, продиктованная самим стилем жизни и особенностями общественного поведения Алексея Михайловича.

Так, обои в его квартире были собственноручно хозяином расписаны потешными кикиморами, а гостям выдавались грамоты об их членстве в придуманной писателем «Великой и вольной обезьяньей палате». Да и вся атмосфера дома напоминала какое-то колдовское гнездо. Это, впрочем, не помешало столь пронизательному философу И. Ильину видеть в Ремизове умного, даровитого и весьма образованного художника слова, со своим особым восприятием мира, но любившего прикидываться «юродивым от культуры».

В его предельно разноплановых книгах центральное место занимают сны, циклы снов, которые предлагают читателю органичный художественный сплав культурных традиций и современных реалий.

На чужбине, где прошла большая часть жизни писателя, он предпринял масштабный опыт реконструкции целостной картины народного духа, опираясь на предания, с их стихийными православными верованиями, зачастую далекими от официальных церковных канонов.

Стилистическая изощренность бессюжетной прозы А. Ремизова неоднократно вызывала острые споры о плодотворности либо искусственности избранных им художественных решений. Однако при всем том ремизовская стилистика оказала существенное влияние на ряд самобытных писателей «орнаменталистов» 20-х годов — М. Пришвина, Л. Леонова, Вяч. Шишкова и других. Творчество Ремизова высоко ценили Блок, Белый, Мережковский. Оно и сегодня сохраняет свою притягательность для писателей и читателей.

Алексей Михайлович Ремизов родился 24 июня 1877 года в Замоскворечье, в семье купца 2-й гильдии, державшего крупную галантерею. С детства был большим фантазером. В семь лет со слов няни написал рассказ о пожаре в деревне. Тогда же решил стать писателем.

Позднее работа с чужим словом трансформировалась у него в особую авторскую манеру — творчество «по материалу».

В 1895 году будущий писатель по воле отца окончил Московское Александровское коммерческое училище и поступил на физико-матема-

тический факультет Московского университета. В «Автобиографии» 1912 года он писал: «Я... ратник ополчения 2-го разряда, почетный гражданин... Моя мать, урожденная Найденова, из знаменитой купеческой семьи Найденовых. Предки мои по отцу Ремизовы — тульские, из города Венева». Семейной родословной Алексей Михайлович гордился и хорошо усвоил патриархальные, старообрядческие традиции своего разветвленного рода.

Бунтовать против властей — в роду этом было абсолютно не в чести. Тем большее негодование вызвал у семьи ошибочный, как потом выяснилось, арест Алексея в бытность студентом за сопротивление полиции во время студенческой демонстрации. Шестилетнюю ссылку Ремизов отбывал на Русском Севере — в Вологде, Усть-Сысольске, где близко сошелся с Вс. Мейерхольдом, который стал его другом на всю жизнь. Два совершенно разных человека, полные противоположности и по взглядам, и по устремлениям, а вот, что называется, нашли друг друга...

Великий новатор театра, Мейерхольд впоследствии вспоминал, что Ремизов вовлек его в ссылке во вдумчивое изучение Маркса, привлек к участию в деятельности рабочих кружков и даже — к составлению устава рабочей кассы. В Вологде оригинальный литератор-искровец Ф. Щеколдин, чье древне-православное вероисповедание не

помешало ему быть одно время сподвижником Ленина, взял Ремизова под свое крыло и свел его с такими видными ссыльными социалистами, как А. Луначарский, Н. Бердяев, А. Богданов...

В северную столицу молодой писатель вернулся накануне Первой русской революции 1905 года и сразу же окунулся в активную литературную деятельность: одна за другой публикуются его необычные сказки и легенды (знаменитая «Посолонь», «Докука и балагурье», «Николины притчи»). А затем приходит черед романа «Пруд», повестей «Часы» и «Пятая язва», драматургических вещей в духе средневековых мистерий.

Кристалльно-прозрачная, яркая, простая книга сказок Ремизова во все не уводила читателя от жизни. Целью автора было показать, что царство «святой Руси» поистине внутри нас во всем богатстве и поэтической прелести народного мифотворчества. К «Посолони» Ремизов предпослал своеобразный стихотворный пролог, в котором обосновал право на погружение в мир сказок и сновидений, право на идеализацию национального сказочного фольклора. Он звал за собой читателя в волшебную страну, где «злую судьбу не прокаркнет птица-вещунья», где «мимо на ступе промчится косматая ведьма» и где «мимо за медом-малиной Мишка пройдет косолапый».

В это «прекрасное далеко» сказок и былин русская культура на корот-

кое время Серебряного века как раз и устремилась с особым рвением. Достаточно вспомнить чудесные иллюстрации ровесника Ремизова — выдающегося художника И. Билибина к сборнику русских сказок. В билибинских иллюстрациях читатели по-новому увидели пушкинского «Золотого петушка» и «Мертвую царевну». А рядом с этим книжным ансамблем появился сказочный «Ярь» (1906) С. Городецкого и его музыкальная версия — балеты И. Стравинского «Жар-птица» (1910) и «Весна священная» (1913).

Ну и, наконец, историческая, в духе национального фольклора, живопись В. Васнецова, Н. Рериха, заново «открытый» мир русской иконы повлияли не только на словесную, музыкальную и изобразительную культуру тех лет, но сказались даже в архитектуре «русского модерна» (здание Исторического музея и Казанский вокзал в Москве, стилизованный под старинные палаты в 1913 году Нижегородский банк с росписями того же Билибина).

В 1908 году театр Комиссаржевской поставил ремизовскую пьесу

Терпению издерганного писателя наступил предел летом 1921-го года. Последние деятели культуры, которые не могли мириться с советской властью, разными путями покидали Россию. Ремизов тоже получил разрешение выехать на лечение в Германию, хорошо понимая, что обратно не вернется уже никогда

Эти балеты, имевшие грандиозный успех, представили Парижу на знаменитых Русских сезонах основатели культового объединения «Мир искусства» антрепренер С. Дягилев и художник-идеолог А. Бенуа. То были не просто поэтические, изобразительные либо музыкальные реконструкции «преданий старины глубокой», но интенсивные раздумья о судьбах России, попытки постижения «загадочной» русской души, родственной далям родной земли.

«Бесовское действо». О писателе заговорили, он стал, выражаясь современным языком, моден, его пытались «приписать» к символизму (хотя сам он себя символистом не позиционировал), а в более широком плане — к модернизму, ярким представителем которого на русской почве Ремизов бесспорно являлся.

Умение причудливым образом сказовым языком преобразовать окружающую действительность и придавать фантазмагорические черты реальным персонажам становится

«фирменным стилем» Ремизова-писателя. Так, в романе «Иверень» пережитые автором годы вологодской ссылки всплывают в главах под выразительными названиями «Розовые лягушки» и «Северные Афины». Задуманный же друг Ремизова, один из создателей РСДРП Щеколдин, превращается в полумистического героя рассказа «Семь бесов».

«Мы все рождаемся в мире, чтобы нас ласкала царица Мымра, но всех нас пожирает зловонная змея Скарапея», — таков печальный вывод большинства ремизовских книг. Он остался в Петрограде в дни Октябрьского переворота и в последующие годы военного коммунизма, хоть и настроен был резко антибольшевистски, будучи близок к кругам эсеров. И все же предел терпению издерганного писателя наступил летом 21-го. Последние деятели культуры, которые не в силах были мириться с советской властью, разными путями покидали Россию. Ремизов получил разрешение выехать на лечение в Германию, хорошо понимая, что обратно уже не вернется никогда.

Его горестный эмигрантский путь, как и у большинства соотечественников, лежал через Берлин, наводненный в те годы русскими. Затем, по причине обострившегося экономического кризиса, он переехал в Париж и там провел последний, длительный период жизни. Надо заметить, еще и достаточно плодотворный в творческом отношении пери-

од. Там увидели свет интереснейшие мемуарные циклы Ремизова «Взвихренная Русь» и «Подстриженными глазами» (одно название чего стоит!) — о его петербургском житье-бытье и революции.

«Разве могу забыть я воскресный монастырский колокол, густой, тяжелым серебром катящийся поверх красных Захаровских труб и необозримых Всесвятских огородов с раскрытыми зелеными парниками, легко и гулко проникающий в распахнутые окна детской, раздвигая, как ивовые прутья, крепкие дубовые решетки, — предосторожность и преграду лунатикам».

Однако печататься ему с каждым годом становилось все труднее. Активное участие принимал Алексей Михайлович в издании эмигрантского журнала «Версты» (1926–1928, Париж), в котором помещал время от времени также свои небольшие произведения. А вот с 1931 года публикации книг Ремизова полностью прекратились. Друзья и поклонники мэтра специально основали в 1953 году небольшое издательство «Оплешник», позволившее старому, нуждающемуся писателю выпускать свои книги. До этого он, случалось, готовил их в нескольких экземплярах рукописным способом, сам сшивал и иллюстрировал (сегодня они являются уникальными раритетами).

К слову сказать, Ремизов был еще и талантливым художником. Он рисовал всегда, на любом клочке бумаги. Каждое письмо или даже малень-

кую записку неизменно сопровождал оригинальным рисунком. В 1933 году в Праге состоялась выставка рисунков писателя. Причем работами Ремизова-художника восхищались

М. Шагал, В. Кандинский, П. Пикассо. В годы войны Алексей Михайлович вел так называемый «графический дневник», отразивший волновавшие его события и запечатлев-

ший портреты ряда современников. В 1985-м году был издан каталог выставки рисунков и рукописных книг Ремизова из собрания Т. Уитни. Выставка проходила в одном из американских музеев.

Точно так же он никогда, до последнего дня жизни не оставлял художественного творчества. «Ремизов как писатель не укладывается ни в какие традиционно-литературные формы, — отмечал крупный эмигрантский писатель и публицист И. Ильин. — ...потому что он создает всегда и во всем новые, свои формы, а эти новые литературные формы требуют новых «категорий», и что еще гораздо важнее, — требуют от читателя и от критика как бы новых душевных «органов» созерцания и постижения... Для Ремизова

жить — значит, мучиться сердцем, страдая — мечтать, мечтая — улыбаться, улыбаясь — писать... Он мыслит сердцем и любит помыслом...»

Время показало, что тихоголосый, печальный Ремизов оказался куда как прозорлив в своих литературных тревогах и мольбах, в своей неиссякаемой вере в единственный — и плохой, и хороший — русский народ.

«И вот Господь неумолимо \ Мою Россию отстранит». У ремизовского «Слова о гибели русской земли» в русле традиционного литературного контекста «плача» — бессюжетной, лирической, орнаментальной (то есть узорной, с повторами) прозы — не совсем традиционный, просветленный, можно сказать, оптимистичный финал. Подобная напевная проза появлялась у русских авторов средневековья и Нового времени накануне и в момент глобальных катастроф. Потому словесные фрески Ремизова напоминают сцены Страшного суда.

При этом он напрочь отвергает бесплодные мечтания вернуть все «на круги своя». Автор страдает, однако не ищет для себя призрачных утешений, как некоторые из его собратьев по перу. И в «плачах», и в воспоминаниях, посвященных октябрьским событиям, на авансцену истории выступает уличная толпа и ее представитель — «человек с ружьем», провозвестник грядущего кровопролития, грабежей и гибели культуры.

«Взвихренная Русь» (1927) стоит в одном ряду с замечательными лите-

ратурными документами революционной эпопеи, такими, как «Двенадцать» А. Блока, «Несвоевременные мысли» М. Горького, «Сумасшедший корабль» О. Форш, «Лица» Е. Замятина, цикл статей А. Белого на тему «Революция и культура».

Незадолго до отъезда в эмиграцию Ремизов обратился с «Прощальным словом к русскому народу». Там и в книге «Шумы города» (1921) писатель выражает растущее отчаяние и боль от «бессмысленного и беспощадного» разрушительства, от безрассудного человеческого ожесточения, которое он называл «дубоножием».

Тут же, как по заказу, подоспело нелепое обвинение этого столь далекого от политики «археолога языка» в заговоре. В феврале 19-го он вместе с Блоком, Замятиным, художником К. Петровым-Водкиным, пушкинистом А. Венгеровым был арестован. Правда, через несколько дней, после настойчивых хлопот Горького и Луначарского, их всех отпустили...

Беда не приходит одна. Умирает в Москве мать Ремизова. В голодном и холодном Сергиевом Посаде скончался его близкий друг философ В. Розанов, выпустивший с ним совместный сборник писем (1923). В 21-м, захлебнувшись немим криком, ушел из жизни Блок. В том же году был расстрелян 35-летний Гумилев, «колдовской ребенок», поэт-рыцарь, певец дальних странствий.

И еще один, самый тяжелый удар нанесла тогда жизнь Ремизову и

его супруге, красавице-палеографу Серафиме Павловне Довгелло.

Они познакомились еще в вологодской ссылке. Причем самым необычным образом.

Однажды на традиционной вечерней посиделке «политических» у кого-то из гостей пропали карманные часы. Юная Серафима, надежда партии эсеров, заподозрила в краже Ремизова, поскольку тот был нелюдим и всегда держался особняком. К тому же за ним тянулся шлейф сомнительных недоразумений. И приговорили-то его к ссылке ни за что (просто пошел поглазеть на студенческую демонстрацию). И из Перми он почему-то был доставлен в Вологду не с партией «политических», которым полагались в пути некоторые поблажки, а скованным в парные кандалы с четырнадцатилетней проституткой, осужденной за убийство. От возражений же Ремизова попросту отмахнулись.

Ну а потом часы нашлись. И окруженная поклонниками прелестная Серафима, во искупление вины, неожиданно согласилась стать женой влюбленного в нее Алексея Михайловича. Они обвенчались в 1903 году.

Товарищей по партии этот брак возмутил: «их» Довгелло предпочла связать себя семейными узами, да еще с каким-то «чудиком», вместо того чтобы идти в революцию и участвовать в терактах (их в ту эпоху называли «акциями прямого действия»). Ведь даже легендарный террорист Б. Савинков, незадолго до свадьбы

*С женой —
Серафимой
Довгелло*

Серафимы с Ремизовым освободившийся из мест заключения и прибывший в Петербург, звал ее с собой «на борьбу». Она колебалась. Решили, что, если Серафима все же согласится, то пошлет Савинкову телеграмму со словами: «Скот продан». А если нет — ее ответ будет: «Скот не продан». Прознав про этот разговор, возмущенный Ремизов сам отправился на телеграф и дал телеграмму следующего содержания: «Скот не продается».

Ремизов прошел с женой по жизни рука об руку. Серафима Павловна без колебаний последовала за му-

жем на чужбину. А вот их единственный ребенок, любимая дочь Наташа, которую они в детстве отдали на воспитание в село Берестовец, живописное украинское имение родителей Серафимы, чтобы уберечь девочку от тлетворного влияния столичной богемы, отказалась уезжать из Советской России. Ни ее, ни родившегося позднее в СССР внука Бориса им увидеть уже было не суждено. Серафима Павловна умерла в 1943-м. На основе рассказов жены Ремизов написал две проникновенные книги об ее судьбе. Первая книга — «Оля» — вышла еще в 1927 году, вторая — «В солнечном блеске» — увидела свет спустя 9 лет после кончины С. Ремизовой-Довгелло.

Несмотря на плодотворный литературный труд, годы эмиграции были для писателя годами постоянной тоски по России. «Возвращение памяти» на родную землю определило вектор его творческих поисков, стало временем создания основных книг Ремизова, построенных на автобиографическом материале. Он погружается в заповедные глубины собственного «я» и богатство воспоминаний превращает в неисчерпаемый источник вдохновения. Причем память он понимал не только как реальные воспоминания своего прошлого, но и как некую «прапамять» о своих перевоплощениях в иных обликах на протяжении веков.

В этом смысл всей подвижнической деятельности Ремизова в па-

рижский период жизни. Начиная с «Взвихренной Руси», романов «Учитель музыки» (1949), «В розовом блеске» (1952) и книги «Огонь вещей» (1954), писатель упорно ищет, говоря словами И. Анненского, «такие же «я», без счета и названия» и неустанно вяжет «узлы и закруты памяти», которые в знак протеста против понятия «среднего глаза» вынес эпатажным названием

Непреходяще значение книги «Огонь вещей». В ней речь идет о вещих снах. Надо заметить, что до Ремизова в русской литературе никто о них так подробно и красочно не писал. У Ремизова сны — своеобразные микрочастицы исторической хроники, портретов, самого сюжета. Причем это — особые сны, сны «смутного времени». Мало того, писатель пристально исследует приро-

Бытие-бытием, однако эмигрантская жизнь очень угнетала Алексея Михайловича. Единственным утешением ему служила мысль о России, о том, что она когда-нибудь обязательно станет приютом для его книг. Все эти годы на чужбине писатель как бы строил мост — от отчаяния к надежде, от бездомности — к Дому, к России. Опорой этого моста служил родной русский язык, на котором он писал свою удивительную прозу

книги — «Подстриженными глазами» (1951). Такая сверхзадача определила несомненный успех воссоздания картин старомосковской жизни.

«Первое слово, которое мне запало с моим ласкательным именем, было "счастье"... меня никогда не тяготило одарять моим счастьем... С годами обращенный в крота, но вынужденный жить не под землей, в своей стихии, а во враждебной, под солнцем, я чувствую себя таким бедным и беспомощным — чем я могу одарить или измученную душу как и чем обнадежу?»

ду провидческих сновидений в творчестве своих великих предшественников, Пушкина, Тургенева, Гоголя. Например, сновидец Гоголь для Ремизова является могучим освободителем скрытых, но связанных именно с генетической памятью глубинных человеческих страстей.

Невольно вспоминаются таинственные тютчевские строки: «Как океан объемлет шар земной, \ Земная жизнь кругом объята снами...» Погружение в сон дает лирическому герою шанс постичь тайны мироздания, заглянуть в сокровенные уголки собственной души, поверх реаль-

ности и законов разума. Так, и в булгаковском романе «Мастер и Маргарита» ночь при загадочном свете луны превращается в «момент истины», когда наступает черед откровений и торжествует ремизовское утверждение, что «сон и мечта одного порядка».

«Улыбка человека просвет оттуда. Это то, что есть в человеке от "клочков и обрывков" другого мира. Был у Толстого дар разглядеть этот свет... У Гоголя не в улыбке — Гоголь весь в смехе... И этот Гоголевский смех, он тоже оттуда — inferнальный этот смех из первого круга его сновидений. Только этот смех слышал Гоголь».

Думается, сегодня подобные открытия Ремизова в книге «Огонь вещей» чрезвычайно актуальны, поскольку вслед за шедеврами Булгакова и А. Платонова противостоят описательности и бескрылости подавляющей части произведений нашей художественной прозы. Ремизовские откровения опровергают также расхожие стереотипы масскульта и бросают вызов абсурдистской литературе, проповедующей полную бессмысленность бытия.

Бытие-бытием, однако эмигрантская безбытность очень угнетала Алексея Михайловича. Единственным утешением ему служила мысль о России, о том, что она когда-нибудь обязательно будет приютом для его книг. И писатель с удвоенной энергией «ваял» для потомков образы

выдающихся современников — Шляпина, Дягилева, Горького, «пляшущего демона» Лифаря. Книгу под таким названием, посвященную замечательному русскому танцовщику С. Лифарю, он написал в 1949 году.

Наиболее же близок Ремизову по духу и языку был неистовый протопоп Аввакум, вдохновитель Раскола, и его необыкновенное Житие, «написанное им самим в назидание потомкам». Парижская квартира писателя на улице Буало, в престижном ныне 6-м округе французской столицы, долгие годы служила творческой лабораторией этого уникального мастера русского Слова, открывавшего в аввакумовых языковых пластах XVII века созвучия своим лингвистическим поискам.

Туда, на улицу Буало, тянулись, как к пристанищу ветхозаветного пророка, все те, кто дорожил богатствами «великого и могучего» русского языка. Тянулись к Ремизову, который обличал своим творчеством узость кругозора, неизбежно постигавшую многих литераторов в эмиграции, выявляя попутно скудность их лексики и фантазии.

Все годы на чужбине писатель как бы строил мост — от отчаяния к надежде, из бездомности к Дому, к России. Опорой этого моста служил родной язык. За него он тревожился и хотел быть понятым там, дома, на заповедном, головокружительно оригинальном русском языке.

ке, которым писал свою удивительную прозу.

В конце жизни Алексей Михайлович получил советское гражданство, но приехать на родину не успел. Он умер в своей парижской квартире 26 ноября 1957 года и был похоронен на элитарном кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Ныне, обозревая все истоки и устья отечественной литературы, мы видим в Ремизове самобытного художника-гуманиста, чародея языковой стихии, стремившегося сбросить человека в человеке, сохранить его внутренний мир и поставить культуру во главу человеческого существования. □

СВАДЬБЫ

НЕ БУДЕТ

Урна разинула пасть и будто просила: «Выброси!»

Надя уже занесла букет над черным зевом — но в последний момент отдернула руку. Цветы — охапка астр и в середине зачем-то одинокая белая роза — благодарно прижались к ее груди.

«Подарю лучше в метро кому-нибудь», — решила Митрофанова.

Но — будто назло — за всю дорогу ни единого располагающего лица. Пассажиры, от мала до велика, отгородились от мира наушниками, уткнули лица в гаджеты. Никого радовать не захотелось.

Выбравшись из подземки, она заглянула в любимый магазинчик у дома.

— Привет, Надюша. За пироженками? — улыбнулась знакомая продавщица. — Эклеры рекомендую. Безе исключительное.

Надя мужественно отвернулась от витрины и протянула через прилавок букет:

— Это вам.

— Ой! — смутилась женщина. И вдруг решительно заявила: — Не возьму!

— Почему? — опешила Митрофанова.

— Лучше домой отнеси. Пусть твой божок позлится, — лукаво улыбнулась продавщица.

— Мой — кто?

Журнальный вариант.

— Ну, ты заходишь с ним иногда. Такой пуп земли, вечно нос в небо. Ничего себе, приложила Димочку. Хотя обычно Полуянов нравился женщинам средних лет. Надина начальница его просто боготворила.

— Глупости вы говорите! — возмущенно воскликнула Надя.

— Ничего не глупости, уже детишек пора в школу водить, а твой хахаль все тебя манежит.

— Слушайте, не лезьте в чужую жизнь! Мы сами разберемся.

Никаких пирожных Надя покупать не стала, пулей вылетела из магазина. Но слова продавщицы упали на благодатную почву. Больше никуда пристроить букет она не пыталась. Принесла домой, бережно подрезала стебли, художественно расположила цветы в старомодной хрустальной вазе. Пусть букет собран и неумело, мужской рукой, — настроение он все равно ей поднял.

В историко-архивной библиотеке, где работала Митрофанова, читателей сильного пола — добрая половина. Причем не полубезумные поэты, а публика весьма уважаемая. Особенно в Надином зале, куда без степени (как минимум!) кандидата наук вообще не пускали.

Митрофанову джентльмены вниманием не обходили, любили с ней поболтать, сыпать комплиментами, правда, в основном пожилые, если не сказать древние. Но сегодняшний букет был от молодого человека. Да какого!

В зал всемирной истории повадился ходить известный блогер Артем Кудряшов. По статусу ему, конечно, положено сидеть со студентами, но начальница иногда пускала в «ученый» зал и не остепененных — если приносили из вуза письмо с печатью. Артем вместо документа принес огромную коробку конфет, сдобрил презент ослепительной улыбкой, обрушил на даму, падкую на лесть, водопад комплиментов. А едва обустроился и огляделся, сразу принялся осаждать Надежду.

Она в буфет — парень хвостом за нею. Выходит после первой смены — караулит у двери. Искушает: «В католическом соборе — тут в двух кварталах! — потрясающий органнй концерт. Начинается через двадцать минут. Идем?»

«Библиотечные черви», в большинстве своем, очкарики, худощавые, спину горбят. А на Артема посмотришь — глаз отдыхает. Спортивен, белозуб. Книжки заказывает захватывающие — о преступности в девятнадцатом веке. И блог у него интересный. Митрофанова подписалась — стала двадцать тысяч какой-то.

И пусть ее сердце отдано Диме, Артему она всегда улыбалась. К тому же Полуянов вечно занят — работой и собой. Романтические ужины у них давно только дома, без свечей, еще и готовь, а потом убирай. На ее день

рождения вообще не постеснялся уехать в командировку. Автопробег по России — уверял, что важно чрезвычайно, отказаться никак нельзя.

Именно в день торжества заехал в такую глушь, где даже сотовой связи не имелось. Цветы с курьером, правда, прислал. И еще телеграмму: что поздравляет, и в старой шкатулке на шкафу спрятан подарок. Надя почему-то решила: найдет там кольцо или, может, билеты в Париж. Когда увидела десять тысяч — сразу стало скучно.

Зато Артем на следующее утро явился в библиотеку с изящным букетом и с мягким укором произнес:

— Ты почему мне не сказала, что у тебя день рождения был!

— Подумаешь, событие, — поморщилась Надя.

— Лучший день в году, — улыбнулся он. — Ну, ничего. Второй день свадьбы иногда бывает даже ярче первого.

— Чего-чего?

— Это я к слову. Сегодня тебя похищаю. На весь вечер.

И она позволила себя украсть. Программу Артем придумал эффектную: сначала сходили на квест, а потом в ресторан, где царил полная темнота, и ужинать пришлось вслепую. Митрофанова ужасалась, восторгалась, иногда визжала и очень боялась, что блогер начнет к ней приставать. Однако тот лишь проводил до дому и старомодно чмокнул в щеку на пороге подъезда.

А сегодня — вообще безо всякого повода — Артем снова явился с цветами. Когда пили чай с булочками в библиотечном кафе, уверенно взял ее руку в свою.

— Ты чего? — попыталась она вырваться.

Но он только сильнее сжал ее ладошку одной рукой, а второй выложил на стол два билета в Театр Фоменко на спектакль «Сон в летнюю ночь».

— Как ты достал? — ахнула Надя.

— Архаично. В день начала продаж в кассы поехал. В следующий вторник идем в театр. Отговорки не принимаются.

Надя отказываться и не собиралась. Димке можно наплесть про девичник, или что на работе новые книги принимали допоздна. Но к букету он может придраться.

Однако Полуянов, когда пришел, лишь покосился на вазу в гостиной — и сразу двинулся в кухню:

— Слона бы съел!

Обычно она сразу бросалась кормить любимого, но сегодня вдруг шлея под хвост попала:

— А здороваться кто будет? Пушкин?

— Привет! У тебя, ужина, что ли, нет? — изумленно взглянул на нее Дима.

Надя быстренько сунула мясо в микроволновку, в морозилке отыскала мороженный шпинат, выложила на сковородку. С маслицем, с приправами — очень даже сойдет. Но Полуянов, принявшись, решительно заявил:

— Траву не буду. Есть какие-нибудь грибы, огурцы соленые?

— Я тебя в субботу за грибами звала — сам не пошел, — отрезала Надя.

— Что ты вредная такая сегодня? — хмыкнул Полуянов.

Она вовсе не собиралась ссориться. Но с языка вдруг само собой сорвалось:

— Да потому, что надоело: «Дай. Подай. Я». Король нашелся. Ты обо мне когда-нибудь заботиться пробовал?

— Конечно! — возмутился Дима. — Я тебе в воскресенье кофе в постель принес.

— А цветы ты когда мне дарил? Не на Восьмое марта, а просто так, без повода?

— Ага, — кивнул Полуянов и отложил вилку. — Я, значит, как интеллигентный человек, увидел, но промолчал. Однако ты хочешь сцену ревности. Ладно, давай устроим. Мне не сложно. Итак, кто сей? Очередной старичок? Академик, профессор? С квартирой в Столешниковом переулке?

— Зря издеваешься, — ледяным тоном процедила Надя. — Я тебе сто раз говорила: старички меня не интересуют. И вообще...

— Газ выключи, — примирительно произнес Полуянов, — шпинат твой горит. Так и быть, клади. Съем. Ты завтра в какую смену?

— Во вторую.

— Переносись. В «Современник» пойдем.

Вот это да! Два приглашения в театр за один день!

— Какой спектакль? — с интересом спросила она.

— Не спектакль, — поморщился Дима. — Мне премию будут вручать.

— За что?

— За талант мой непреходящий. «Самый правдивый... нет — искренний журналист». Как-то так.

— Димочка! Поздравляю! — кинулась она ему на шею.

Едва закончили ужинать, Надя подбежала к шкафу — делать ревизию. Дима, стоя на пороге спальни, предупредил:

— Платье в пол не надевай. Форма одежды обычная, многие с работы пойдут.

Но Надя все равно постаралась выглядеть максимально стильно и элегантно.

Однако едва вошла в «Современник», поняла: зря она наряжалась, словно на прием в Букингемский дворец. Ее юбка средней длины и доро-

гущий приталенный пиджачок абсолютно потерялись в буйстве стилей, красок и бижутерии.

Журфаковцы явились в кислотных майках и немыслимых рваных джинсах, светские хроникерши — кто в мехах, кто в платье под леопарда. Девушки из «Молодежных вестей» дружно обрядились в мини, телевизионная тусовка блистала светской небрежностью, к которой Надя стремилась, но никак не могла достичь.

Да еще Диму постоянно обнимали, целовали, поздравляли, отводили в сторонку, а Митрофановой оставалось только перемигиваться в одиночестве с ноги на ногу и растерянно улыбаться.

— С ума сойти! И Надюшка здесь! Ты с кем? — вдруг раздался за ее спиной радостный возглас.

Она повернулась и захлопала глазами: Артем! Да при всем параде: костюм, белая рубашка, малиновый галстук-бабочка.

— Я... я со своим знакомым пришла, — пробормотала Надя.

— И где твой спутник?

— С коллегами общается.

— Тогда я имею все права тебя похитить.

Артем властно взял ее за руку, повел за собой, толкнул неприметную дверку. За ней оказался буфет. Здесь тоже были накрыты столы — только народу почти никого, и официант с шампанским к ним сам бросился.

— Вип-зона, — прокомментировал блогер.

Быстро набрал тарталеток с красной икрой, семгой, лососем, креветками. Усадил Надю на диванчик, поднял свой бокал, взглянул в глаза:

— Ну — за тебя?

Они молча выпили. К соседнему дивану небрежной походкой продефилировала медийная персона — то ли певец, то ли шоумен, лицо, определенно, знакомое. По Наде мазнул равнодушным взглядом, ее спутнику кивнул:

— Привет, мистер Арт!

— Мистер кто? — удивилась Надя.

— Арт, искусство! Кто-то ляпнул, когда стрим делали, так и прицепилось, — отмахнулся Артем. — Не забивай себе голову.

— Ты какой-то очень загадочный... — пробормотала она, но больше сказать ничего не успела, так как в сумочке вдруг зазвонил мобильник

— Где ты ходишь? — послышался в трубке недовольный голос Полуянова. — Я давно в зале, первый ряд, середина. Устал уже твое место отбивать.

— Сейчас приду, — вздохнула Надя, виновато взглянула на Артема: — Прости, меня ждут, — и помчалась в зал.

Ориентируясь на Димкину, как всегда, встрепанную шевелюру, она пошла к нему и вдруг обнаружила, что с обеих сторон от Полуянова восседают наглые, тонконогие девицы. Увидели Митрофанову, дружно насупились. Та, что справа, положила руку Диме на колено. Левая умоляюще прижала тощие лапки к груди:

— Димочка! Ты ведь меня не выгонишь?

Полуянов отвел лежавшую на его колене руку и примирительно произнес:

— Лялочка, все наши в седьмом ряду. Иди к ним. Оттуда и видимость лучше.

Хамка Лялочка неохотно поднялась и зловеще процедила:

— Ладно, Полуянов, ты ко мне еще приползешь.

Надя тут же плюхнулась в отвоеванное кресло. И в этот момент на сцене появились ведущие — импозантный бородач с канала «Культура» и какая-то неизвестная девушка, к счастью с весьма приятным голосом.

— Приветствуем вас на вручении «Золотых молний»! — торжественно провозгласил бородач.

— Самой престижной премии, которой удостоиваются только избранные, — подхватила его напарница. — Итак, наша первая молния улетает к мудрейшему, обаятельному и вечно молодому Владимиру... — Она назвала фамилию, и зал загрохотал аплодисментами.

Надя с восторгом наблюдала, как известный артист вполне себе бодрой походкой торопится к сцене. Бородач кинулся помочь ему подняться, но тот отвел руку:

— Спасибо, миленький. Я пока сам, без клюки.

Надя вместе со всеми яростно зааплодировала и шепнула Полуянову:

— Ты в хорошей компании.

Однако следующим вызвали отнюдь не его. Едва патриарх покинул сцену, ведущая проникновенно прошелестела в микрофон:

— Открою вам секрет. Раньше я отдыхала с легкими романами. Читала их везде — в самолетах, метро, очередях. Но в этом году мир для меня изменился. Я открыла для себя новый вид чтения. Удивительный. Остроумный. Неповторимый. Он называется — блог. Исключительный, искрометный, почти наркотический жанр. И лучший в нем — Артем Кудряшов!

— Елки-палки! — ахнула Надя.

Артем, стремительно двигаясь к сцене, дружески помахал ей.

— Ты его знаешь? — удивился Дима.

— Ну... да. Он в мой читальный зал ходит, — кивнула Митрофанова и густо покраснела.

Блогер с элегантным поклоном принял «Золотую молнию» и букет.

— Что вас вдохновляет на ваши посты? — обратилась к нему ведущая.
— Дождь. Снег. Скорость. Спорт. Хорошие книги. — Он на долю секунды задумался и добавил: — А еще улыбка самой удивительной в мире девушки.

— Как ее зовут? — ревниво поинтересовалась ведущая.

— Ее зовут Надя. И она... Она, оказывается, тоже здесь! — воскликнул Артем и лихо спрыгнул со сцены — прямо к ногам Митрофановой.

Надя перепугано закрыла ладошкой рот, а он, нисколько не смущаясь, встал на одно колено и вручил ей букет.

По залу прошелестел гул, из седьмого ряда, где сидела группа из «Молодежных вестей», загоготали.

Митрофанова скосила глаза на Димочку — пожалуй, впервые в жизни она его видела растерянным.

И отлично. Пусть поволнуется!

Когда свет софитов переместился обратно на сцену, Полуянов хмыкнул:

— И этот хлыщ ходит в библиотеку?

— Да. Почти каждый день.

— А ты его, значит, вдохновляешь.

Он выглядел неприкрыто уязвленным, и Наде стало как-то не по себе.

— Я вообще не знала, что он тут будет. И... и не вдохновляла его никогда, — пробормотала она.

— Все, Надька, проехали! — поморщился Полуянов, и дальше они сидели в полном молчании.

Димина очередь подошла только на втором часу. Зал неприкрыто устал, и аплодисменты журналисту достались куда жиже, чем пожилому актеру и молодому блогеру.

Когда Полуянов взял из рук ведущей «Золотую молнию», из ряда «Молодежных вестей» выкрикнули:

— Дима! А кто тебя вдохновляет? — и по залу пронесся хохот.

Но журналист не смутился. Перехватил микрофон и весело произнес:

— А то вы не знаете! И, раз уж такой случай, хочу спросить на всю страну: Надя, пойдем завтра подавать заявление в загс?

Митрофанова сидела вся красная. Телекамеры снова нацелились на нее. Народ оборачивался, глазел на Надю.

Ведущая забрала у Димы микрофон и подвела итог:

— Да, действительно: незачем читать романы и смотреть «мыльные оперы», коль скоро они разворачиваются прямо на наших глазах.

А девица, что сидела рядом с Димой, гневно обернулась к Наде и прошипела:

— Редкостная ты... профурсетка.

На следующее утро Полуянова вызвал главный редактор.

В приемной подле милой и нестареющей секретарши Марины Максовны восседала Нелли Косоурова — она вела в «Молодежных вестях» светскую хронику и вчера тоже присутствовала на вручении «Золотых молний». Дима редко замечал, во что одеты девицы, но сейчас даже его ошеломил ярко-рыжий лисий жилет с завязками-лапками, алые кожаные штаны и бордовая помада, под стать буйству красок.

— Ну что, голубок? Силки захлопнулись? — Нелли устремила в его сторону ястребиный нос и указующий перст с крашеным черным лаком ногтем.

Весть о грядущей женитьбе «золотого пера» с самого утра широко обсуждалась в редакции. Однако искреннего поздравления Полуянов пока не услышал ни одного.

— Тридцать седьмая, — холодно проговорил он.

— Чего? — захлопала совиными глазами хроникерша.

— Тридцать седьмая глупая шутка. Причем не лучшая.

— Как вообще можно шутить на такие темы, — вздохнула Марина Максовна. — Я вот, Димочка, за тебя просто очень рада.

— Продешевил ты, Полуянов, — хмыкнула Нелли. — Мог бы на любой фотомодели жениться, а выбрал себе какую-то толстушку-простушку. Что вечерами-то делать будете? Огурцы вместе солить?

Полуянов не любил ссор с коллегами. Но сейчас — когда нервы уже были на взводе — не удержался:

— По-моему, это ты, Нелли, продешевила.

— Не понимаю, о чем ты. — Цвет лица хроникерши стал таким же оранжевым, как и ее лисий жилет.

— О твоей статье про певицу Юнону. Не стыдно прославлять бездарность всего-то за бесплатный уик-энд в Сочи! А журналисту из «XXX-пресс» целых двести тысяч, говорят, заплатили.

Марина Максовна тактично отвернулась. Нелли прожгла Полуянова ненавидящим взглядом.

— Не знаете, зачем я главному? — обратился он к секретарше.

— По-моему, он заставит тебя писать отчет, — по-матерински улыбнулась та.

— Какой?

— Ну, я ведь и отдел писем теперь. Как раз вчера шефу докладывала: читатели очень просят рубрику «Испытано на себе» возродить. А ты — очень вовремя! — женишься. Сможешь поделиться интересным опытом.

— Ни за что! — охнул Дима. Если главный действительно поручит ему описывать свои злоключения — он немедленно уволится.

— Полуянова зови! — гаркнул шеф, проигнорировав селектор. Голос у него зычный — толстые стены и двойные двери не преграда.

— Ну, поздравляю! — Главный удостоил Полуянова высшей чести: не просто приподнялся в кресле, но вышел из-за стола, пожал руку. И дальше — не кивнул, чтоб садился на место для подчиненных, а повел в уголок кабинета, где стояли два мягких кресла. Провалился в одно из них, положил ногу на ногу и продолжил: — Скажи, это все та же Надя, что в библиотеке работает?

— Да.

— Такая... пухленькая, милая. Еще глаза у нее, как ромашки.

— Э... не понял ваш образ.

— За тобой оборачиваются. Как цветок за солнцем. А какое образование у нее?

— Высшее.

— Физически подготовлена?

— На фитнес ходит.

Дима все больше не понимал, куда клонит редактор. А когда тот спросил: «Хотите вместе поехать в кругосветное путешествие?» — он совсем опешил.

Главный извлек из внутреннего кармана лист бумаги, с выражением зачитал:

— Поездка состоится на лайнере уровня пяти звезд. Предоставляется каюта-сьют с балконом и джакузи на седьмой палубе. Восемь перелетов бизнес-классом. Пятьдесят семь стран, семьдесят пять городов. Все включено, плюс на карманные расходы — десять тысяч. Долларов.

— Любой нормальный человек просто обязан спросить: «Что нужно сделать?» — улыбнулся Полуянов.

— Твое вчерашнее признание вовсю по телевизору крутили. А сегодня мне с утра электронное письмо пришло: телеканал «Просто the best» запускает шоу для пар. Приз победителям — кругосветное путешествие. Сейчас идет кастинг. Но вас с Надей готовы взять сразу.

— «Просто the best»? Никогда о таком канале не слышал.

— А сейчас их до черта развелось, — фыркнул шеф. Снова уткнулся в бумажку и пробубнил: — Кабельный. Молодой, динамичный. Аудитория уже сейчас больше пятидесяти миллионов. Пятьсот два города, шестьдесят регионов страны. У них там главный спонсор к высоким сферам приближен, поэтому деньги есть. Сериалы свои снимают, теперь на выездное шоу замахнулись.

— И в чем его суть?

— Условное название — «Свадьба навывлет».

— Оптимистично...

— Участники — десять пар, только что подавших заявления в загс. Задача шоу — выяснить, что побудило жениха и невесту пойти к алтарю, и проверить, насколько крепким будет их брак.

— Психологи будут оценивать совместимость? Тоска, рейтинг — ноль!

— Не только. Тут написано: «Также будущих супругов будут ставить в экзистенциальные обстоятельства, проверять, насколько оба готовы поддержать друг друга в сложной ситуации».

— Надьку бросят в бассейн с крокодилами и станут смотреть, нырну ли я за ней?

— Это не «Фактор страха», и никаких угрожающих жизни конкурсов не будет. К тому же все участники обеспечиваются за счет телекомпании страховкой на крупную сумму.

— Зачем страховать, если ничего угрожающего?

— Дима, ты придираешься, как на базаре, — поморщился главный. — Не хочешь — не надо. Письмо не тебе — мне прислали. А у нас в редакции парочек полно. Кину сегодня клич на планерке — народ драться будет.

— Но я так понял, участвовать предложили именно нам с Надей?

— Каналу от нашей газеты нужна статья. Никакой цензуры — пиши, что хочешь, только вставляй «Просто the best» да «Свадьба навывлет». А кому такую синекуру отдать — решать буду я. Материал каналу нужен большой, с продолжением в нескольких номерах. Понимаешь, к чему я веду?

— Нет.

— Жених — самое бестолковое существо в мире, — не удержался от тридцать восьмой за сегодняшний день шутки главный редактор. И раздельно, словно обращаясь к младенцу, произнес: — Канал заинтересован, чтобы статей в центральной прессе вышло как можно больше. Поэтому отсеют вас точно не первыми.

— А по какой схеме там выгоняют?

— Жюри нет. Зрители эсэмэски будут слать. За кого меньше всего голосов — тем говорят «до свидания». По итогам недели.

— Разве канал может на это влиять?

— Ой, Дима, не строй из себя наивного мальчика! Будешь хорошие статьи делать — никто тебя пальцем не тронет. Пусть народ хоть миллиард эсэмэсок против пришлет. Все, уговаривать больше не буду. Мне это ни с какой стороны не выгодно. Съёмки — больше двух месяцев. Потом, если победишь, еще и в кругосветку усвистаешь.

— Ладно, — не стал больше спорить Дима. — Мы рискнем.

В конце концов, если Надья вдруг упрется, отказаться они всегда успеют.

Готовиться к свадьбе Надя начала немедленно и сразу утонула в потоке информации и рекламы. По пути на работу купила свадебный журнал — и застряла уже на платьях. Десятки ателье и частных портных, магазины, каталоги, прокат.

Двадцати минут в метро ей не хватило. Когда встала на свое рабочее место за стойкой, журнал прихватила с собой. Положила под толстенный том энциклопедии и жадно листала, пока никого из читателей нет.

Артем прокрался абсолютно неслышно. Подошел, облокотился на стойку локтями и грустно произнес:

— Я такой дурак!

— Почему? — зардевшись, спросила Надя.

— Сам спровоцировал... этого твоего.

— Ничего ты не спровоцировал! Мы с Димой уже много лет вместе. И предложение он мне давно сделал. А вчера его просто для всех озвучил.

— Жаль, что ты на роль кошки согласна, — вздохнул Артем.

— Кого?!

— Будешь мурлыкать, обеспечивать уют. Стоять перед мужем-звездой на задних лапках.

Она сначала хотела обидеться, но лишь усмехнулась:

— Кошки на задних лапах стоять не умеют. И вообще, Артем, прости — я тебе ничего и никогда не обещала.

— Не обещала. Но я видел, как тебе интересно со мной. Вот твой альфа-самец и почувствовал, что рыбка с крючка срывается. Неужели не понимаешь: Полуянов в тебе только домохозяйку видит. Ведомую. Обслуживающий персонал. Хотя ты — абсолютно самостоятельная единица. Умная, смелая, потрясающая! Мы бы с тобой не патриархат, а классную семью создали. Веселую. На взаимном уважении. И вообще, меня можно только сосисками кормить или китайской лапшой.

— Артем! На самом деле, потрясающий — это ты! Зачем тебе библиотекарша, домоседка?

— Позволь мне самому решать, — покачал он головой.

— Хорошо. Значит, так — не хочу я за тебя замуж. Давай останемся друзьями. Будем вместе ходить в буфет, в театр или на концерт.

— Но я-то на нечто большее надеялся, — смешно сморщил нос Артем.

— Мы с Полуяновым одной цепью скованы. Не разорвать.

— Я смогу любые кандалы расковать, — самонадеянно произнес молодой блогер. — Но пока давай сменим тему. Тебе понравилось быть звездой?

— Ага, — улыбнулась Митрофанова.

Сегодня, пока ехала в метро на работу, ее точно узнавали. Пассажиры (не все, конечно) шушукались, кое-кто пальцем показывал. Девицы поглядывали с завистью, сильный пол с интересом. А начальница и вовсе горько вздохнула:

— И почему на тебя, Митрофанова, вечно мужики западают?

Полюянов пришел с работы рано и очень задумчивый.

Надя поцеловала его, вдохнула любимый запах и сочувственно спросила:

— Тебя сегодня поздравляли или жалели?

— Марина Максовна сказала, что рада, — вздохнул Дима и прямо там, в коридоре, бухнул: — Митрофанова, ты в шоу на ТВ участвовать хочешь?

— Смотря в каком.

— То есть сразу не отказываешься? — В его голосе прозвучало удивление.

— Ну... я поняла, что телевидение — великая сила. На меня сегодня прямо оглядывались, прикинь? И это оказалось очень приятно.

— Да ладно, на меня вот никто не смотрел.

— Ты ведь на машине или просто не замечал. А меня узнавали, честно! Хотя лицо на экране только мелькнуло! Так что за шоу? Мы в главных ролях или статистами будем? Расскажи, что за шоу!

— На самом деле, это не какая-то там встреча в студии, а целый проект. Вроде «Голодных игр». Участвуют десять пар. И всех их — последовательно — убивают.

— Дима!

— В смысле, выкидывают.

— А чего делать-то надо?

— Я пытался навести справки. Но телеканал молодой. И шоу совсем новое, сценарий в строгом секрете. Знаю только основной смысл — проверить пары на прочность. Насколько будущие муж и жена готовы постоять за друг друга. Но будет, похоже, не скучно. Там продюсер — Клычко-Желяев. Слышала про такого?

— Это который в КВН участвовал? И пранкер?

— Ну, пранкером он раньше был. И между делом. А вообще, Клычко-Желяев много кто. Артист. Юморист. Режиссер. Очень приличную, кстати, короткометражку снял. А с год назад ему каналом доверили управлять.

— А еще симпатичный, по-моему, — вспомнила Митрофанова. — Не он, случайно, ведущим будет?

— Нет. Вести проект будет бывшая вице-мисс мира. И три соведущих — звездочки рангом помельче. На новое шоу, по слухам, у Клычко-Желяева огромный бюджет. Лучших сценаристов, редакторов, операторов отовсюду переманивает. Павильоны, декорации обещает специально под свое детище строить. Так что могут и избу поджечь. Пойдешь туда меня спасать?

— Конечно, — отозвалась Надя. — Чего бояться? Специальный костюм ведь дадут.

— Просто не узнаю скромной библиотекарши, — покачал головой Полуянов. — Зачем тебе это надо? В актрисы собралась?

— Нет. Димочка, как ты не понимаешь? Я ведь столько лет ждала, когда мы поженимся! В какие только истории вместе с тобой не влипала! И разве можно после всего банально выпускать голубей и бить посуду на пороге загса? А тут — хотя бы надолго запомнится. Особенно, если мы победим.

— Ну, не знаю. Соревноваться, у кого любовь крепче? Как-то несерьезно.

— Зато есть все шансы выиграть. По крайней мере, у меня, — улыбнулась Митрофанова. — Короче, что надо делать? Идти на кастинг?

— Ты и на это готова?

— Почему нет?

— На кастинг не надо, — вздохнул Дима. — Нас берут, потому что я работаю в «Молодежных вестях» и согласился вести репортаж со съемочной площадки. Но я был уверен, что ты откажешься.

Надю вдруг охватил страх. Наверное, Артем специально с ней познакомился. Потом спровоцировал Диму, и тот сделал ей предложение. Сразу же после этого их пригласили в шоу. И там случится что-то ужасное...

Но обсуждать ситуацию с Димкой она не стала, вместо этого твердо произнесла:

— Я согласна участвовать.

И даже про главный приз не спросила.

Двери в зал групповых тренировок стеклянные, и Артур с удовольствием наблюдал, как на финишной части («отжималочке») «умирали» остальные девчонки, и как легко выполняла упражнение его Кристи. Спинка идеально прямая, попа не провисает, амплитуда — до самой земли. Она вообще упорная, его девочка. И послушная. Иногда сам чувствовал, что перебарщивает, когда заставлял по морозу пробежать «десятку» или сделать на жарком пляже пятьсот упражнений на пресс. Но Кристика

никогда не укоряла. И не молила о пощаде. Всхлипывала, вытирала слезы — но послушно исполняла все, что он ей велит.

В итоге совместным усилием слепили почти идеал. Фигура, гибкость, сила, координация, ловкость, скорость — все параметры совершенны. Плюс точеное лицо и обаятельная улыбка. К тому же, хоть она и красотка, а многого не требовала. Купи ей костюмчик спортивный от Стеллы Маккартни (можно на распродаже), угости низкокалорийным салатиком — уже счастлива.

А больше всего радовалась тому, что ей не надо работать.

Артур тоже нигде не служил.

Но оба были постоянно заняты. То кастинги, то съемки в рекламе — купальники, плавки, дезодоранты. Их постоянно звали на конкурсы. «Мистер и мисс фитнес», «Идеальное тело». Призы иногда оказывались стоящими — годовой запас белковых коктейлей или поездка в Турцию, например. Абонементы в спортивные клубы им — ходячей рекламе здорового образа жизни — тоже доставались бесплатно.

Кристинка не скрывала, что ее абсолютно устраивает порхать вольной птичкой, бесконечно и бесплатно совершенствовать тело, ловить восхищенные взгляды. Откуда в семье берутся деньги — девушка не интересовалась. Когда Артуру приходилось на несколько дней уезжать, сцен ревности не устраивала и вопросов не задавала. Ибо из поездок он всегда привозил изрядную стопку купюр.

Но Артур давно хотел сменить профессию. Ибо его дело было слишком, чрезвычайно, чрезмерно рискованно. Счастье, что до сих пор цел. Но не идти же в таксисты или на завод?

Он постоянно мониторил сеть, искал применение легальным талантам — своим и Кристины. И когда, наконец, увидел объявление, сердце екнуло. Сразу понял: конкурс «Свадьба навывлет» — не просто шанс. Они в нем обязательно победят. А дальше — придут и слава, и деньги. И появится возможность больше не ставить на карту все ради хлеба насущного.

Белый ворон. В детстве так дразнили, а сейчас, когда волосы поседели и нос заострился — стал, на самом деле, похож.

Николай всегда плевал на то, что о нем говорят. Мама с раннего детства внушила: «Собака лает — караван идет». Коля и шел — куда считал нужным. Мальчишки прорывались в тогда еще полуподпольные секции карате, а он играл в шахматы. Одноклассники осваивали ролики со скейтбордами — Николай катался на пенсионерских беговых лыжах. Подростки яростно давили прыщи и бегали по свиданиям — а он ходил в консер-

ваторию с мамой. Искренне считал, что «Реквием» Моцарта даст ему куда больше, нежели чириканье какой-то девчонки.

Мама прожила до восьмидесяти восьми, и Коля всегда был при ней. Даже отдыхать вместе ездили. Почему нет, если оба любили архитектуру барокко, музей Прадо и термальные источники Италии?

Маменька — по-королевски прекрасная в своем эгоизме — жениться его не гнала, внуков не просила. Не скрывала: сын под боком ее устраивает. «Зачем тебе это ярмо? Пока жива, борщ я всегда сварю, а яичницу сварганить ты и сам умеешь». Вечера проводили интересно: сканворды, занимательные задачи, музыка, книги.

Когда мама умерла, пару месяцев казалось: он живет в пустоте. Тосковал, яростно колотил кулаком в стену, даже пил (хотя мама спиртное резко не одобряла). А потом как-то привык. Книги ведь остались. И музыка. И сканворды. И зима наступила. По выходным Николай натягивал допотопный, но любимый спортивный костюм, брал старенькие, проверенные временем лыжи и отправлялся в парк Кусково. Знал его вдоль-поперек. Изредка, когда светило солнце и настроение поднималось, выходил к людям — кружил вдоль бывшего имения графов Шереметевых. Но чаще на душе было мрачно — тогда катался по глухим, только им изъезженным лыжня-тропкам.

Там и встретил свою Василису. Морозным, ветреным днем. В ярко-розовой осенней курточке она загребала легкими кроссовками глубокий снег и в голос рыдала.

В первую секунду Николай испугался: сумасшедшая. На улице минус двадцать, а она в джинсах рваных. И горло всем ветрам подставила — какой там шарф, куртка — и та не застегнута. Но развернуться и убежать не успел — девчонка завопила:

— Дяденька, стойте! Где тут выход?

Он не удержался — хмыкнул. Из машины, что ли, выбросили? Но снега кругом по пояс, и тропка следов — только ее, петляющая. Проложил лыжню прямо к ногам девчонки и строго спросил:

— Как ты сюда попала?

— Топиться шла, — хлюпнула она носом.

— Чего?!

— Да тут, говорили, река есть. Не замерзает.

Николай, не удержавшись, засмеялся, а она обиделась:

— Я точно знаю: есть! И вода там почти горячая, потому что в ней выбросы!

— Есть, — кивнул он. — Только глубина реки — от силы, полметра.

— Мне что, сейчас идти поглубже место искать?

— Нет... нет, конечно. — Он снял варежку, протянул девушке и велел: — Щеки и нос разотри.

— Не, — помотала она головой. — Больно!

— Надо. Так что терпи!

— Лучше б коньячку дал согреться! — буркнула она.

— Не употребляю.

— Ты на машине, что ли?

— Нет, на автобусе.

— На автобусе — с лыжами?

— А что? У меня есть чехол. И ехать всего четыре остановки.

— Тяжелый случай, — вздохнула девушка и протянула ему ледяную лапку: — Давай знакомиться. Василиса.

— Николай.

— Давай, Николай, лыжню прокладывай, а я за тобой.

— И куда мы идем?

— К тебе, куда же еще. Чаю-то хоть нальешь?

Когда добрались домой, Николай тут же отправил гостью в ванну. Сбежал к шифоньеру, принес два чистых полотенца.

— А одеться во что? Штаны промокли.

— Сейчас халат тебе принесу.

Махровое чудовище ему подарили на работе. Николай подарок даже не распечатал: смешно, он, что ли, Обломов какой? Разодрал целлофан — халатище оказался пятьдесят шестого размера. Он протянул его Василисе и спросил:

— Зачем топиться решила?

— С работы поперли.

— Нашла проблему!

— С квартиры тоже.

— Не заплатила?

— Ну... типа того.

— А сама откуда?

— Славная станица Пачулки. Сто кэмэ от Кропоткина. С тоски подохнуть. Билет-то хоть купишь?

— Куда?

— Куда, куда! Обломалась я Москву покорить. Домой поеду, выкрикнула она и захлопнула перед его носом дверь ванной комнаты.

Николай прошел в гостиную. Мама укоризненно и строго смотрела с большой фотографии, обрамленной в красивую рамку. Он отчего-то устыдился, снял портрет со стены, сунул в комод. Впервые в жизни подумал, что ворох шахматных журналов и занимательной математики на журналь-

ном столе смотрится глупо. Но ничего убирать не стал. Его жизнь, его правила. Купить Василисе плацкартный билет — и пусть катится в свои Пачулки, или как там их.

Но румяная, согревшаяся пичуга явно вознамерилась сломать его игру. Вышла из ванной, зевнула:

— Есть хочу — сил нет. — И скомандовала: — Муку давай мне и кефир — олады сделают.

И Николай послушно пошел на кухню. Мама никогда не готовила оладий — ели только покупные, из кулинарии.

Сначала он считал — их роман на неделю. Секс быстро приестся, а о чем ему говорить с девчушкой, которая едва девять классов вытянула?

Но Василиса задержалась в его доме — сначала на месяц, потом еще на один. Причем несколько не пыталась под него подстроиться. Будто хозяйка в доме, убрала в дальний шкаф журналы по занимательной математике. Категорически отказывалась играть в шахматы и кататься на лыжах. Но с удовольствием внедряла свои правила: пиво с креветками по субботам, кинотеатр с поп-корном по воскресеньям, глупые ток-шоу вместо канала «Культура».

Мама когда-то предупреждала: «Когда женщина берет тебя переделывать — это ужасно».

Однако Николай чувствовал себя по-настоящему счастливым. Да, «Реквием» Моцарта вместе с Василисой не слушаешь, зато как уютно стало в квартире! С кухни настоящей едой пахнет. А в песне «Рюмка водки» даже есть какая-то своя, пронзительная струна.

Да и содержать гостью из Пачулок ему не пришлось. Девушка слегка пообвыкла — и мигом устроилась в косметический салон массажисткой. Денег приносила побольше, чем его зарплата. Да еще постоянно участвовала в разных рекламных конкурсах. Николай смеялся, когда она бесконечно отсылала этикетки, коды, придумывала немудрящие стишки с упоминанием марки товара. Денег победы не давали, но годовой запас молока и стирального порошка они получили.

А в конце лета Василиса приняла загадочный вид. Потщила Николая сначала в свой салон — стричься, выдергивать волоски, что выглядывали из носа. Потом долго выбирали джинсы, спортивную рубашку, блейзер — за покупки девушка заплатила сама.

— Что ты задумала? — забеспокоился Николай.

Ну, она и объяснила: на телевидении объявили конкурс. Для будущих супругов. И молитвенно сложила на груди руки:

— Коленька, ты не думай! Я замуж не прошусь, и квартира мне твоя не нужна. Просто там приз — кругосветное путешествие по высшему классу.

И вообще интересно. Поучаствуем в съемках, на людей посмотрим, встряхнемся.

— Но ведь получится, что мы врем, раз, на самом деле, не собираемся жениться, — задумчиво проговорил он.

— А что такого? Подадим заявление в загс — чтобы к кастингу допустили, а на роспись потом не придем. Чтоб ты знал, на регистрацию половина пар не является, успевают поссориться.

Не по душе ему была эта авантюра. Но Василиса так просила, так умоляла, что, в конце концов, он сдался. Если печать в паспорт ставить не надо — действительно ничего страшного.

Реклама экстрасенсов — ерунда и вранье. Но настоящие прорицатели все-таки существуют. Только коротают они свои деньки не на битвах перед телекамерами, а в психушках.

Федор Матвеевич, главный врач «дома скорби» города Грибовска, понял это давно. И успешно (а также абсолютно бесплатно!) использовал дарования подопечных в личных целях.

Ужасающе костистая Нинель не могла назвать сегодняшнее число, зато наложением дрожащих, пергаментных рук за минуту снимала любую мигрень. Безнадежный шизофреник, бывший банкир, довольно точно предрекал, когда рубль вырастет или упадет. А Василий Васильевич «ванговал» и того пуще. За год предсказал авиакатастрофу Ан-148 в Раменском, страшную аварию на трассе под родимым Грибовском и смерть отставной теннисистки Яны Новотны. Тряся немойтой бородой, он стучал себя кулаком в грудь и выкрикивал:

— Червь! Червь ее изнутри точит!

И через пару дней во всех новостях сообщили: умерла Яна Новотна от рака.

Федор Матвеевич тогда сильно впечатлился. Даже задумался: может, к делу пророка приладить? Он стал каждый день проводить интересно-го пациента. Заходил в палату, бесстрашно присаживался на край кровати и весело требовал:

— Ну, дорогой Василий Васильевич, что сегодня?

— Погода хреновая, — буркал тот, а то и вовсе к стене отворачивался.

Но Федор Матвеевич давно привык не обижаться на больных. А уж прорицатели тем более имели право на капризы.

Холодным октябрьским вторником врач ушел с работы пораньше. Помог сыну с математикой, послушал, как дочка играет Шопена. Почистил картошку, самолично провернул мясо для котлет. Жена — довольная, что ужин к ее приходу почти готов — метнула на стол бальзамчик на тра-

вах: горло прогреть. Дети между собой не скандалили, сериал по телевизору оказался весьма приличным. И в момент полного благодушия вдруг зазвонил телефон. Это был молодой ординатор.

— Васильич опять бушует, — рыдающим голосом сообщил он.

— Аминазина три кубика. Ты что, маленький? — сурово укорил его Федор Матвеевич.

— Да я хотел. Но у него видение, а вы, вроде, интересуетесь...

— Я дома чай пью. Пусть тебе скажет.

— На три буквы послал. Говорит, чтобы вы срочно шли. А иначе, грозитя, весь наш город погибнет. Гонцы смерти какие-то едут! — страдальчески выкрикнул ординатор.

Доктор вздохнул, поднялся и предупредил жену:

— Отлучусь на часок.

Вечерняя прогулка — отличная замена снотворному.

Он в быстром темпе прошагал полтора километра до больницы и застал Василия Васильича в самом плачевном состоянии. Мясистое лицо заливали слезы, мокрая борода вздыбилась страшными клочьями. Рвался, все силы вкладывал, чтобы разорвать путы, приковавшие его к кровати, — санитары, ясное дело, подстраховались.

— Отвяжите! — махнул парням доктор.

Ординатор с благоговением наблюдал, как только что буйный, крушащий мебель больной упал перед главным врачом на колени и уткнулся лицом в его ноги:

— Зло к нам в Грибовск везут. Прямо сейчас. Вижу много людей, три машины большие.

— Грузовики?

— Нет. Один фургон, в нем механизмы, компьютеры.

— Лаборатория?

— Нет. Какие-то пульта. Мониторы. И два автобуса с людьми. Господь всемогущий, — вдруг выкрикнул Василий Васильевич, — не к нам они! На грунтовку свернули. Между собой говорят: в Селютино им надо!

— Это где ж такое? — наморщил лоб Федор Михайлович.

Пророк будто не услышал его и продолжал бормотать:

— Едут. Лес кругом. Шофер матерится — дорога дрянь. В Шибаяевке планируют привал делать.

Шибаяевку — село неподалеку от Грибовска — доктор хорошо знал, лично принимал оттуда больного с острым алкогольным психозом.

— А что за люди? Кто они?

— Разные. В одном автобусе москвичи. Наглые. В другом — народ попроще. Эти друг друга первый раз видят. Волками на соседей смотрят. Всего человек где-то сто.

— И все едут в Шibaевку?

— Нет, — взорвался Василий Васильевич, — в Селютино они едут! С лица земли его стереть!

— Что его с земли стирать? Эта деревня и так вымерла давно.

Но сумасшедший больше ничего не сказал. Принялся биться, плакать, и даже опытный Федор Матвеевич смог его успокоить только изрядной порцией лекарства.

Телевидения и всего, что с ним связано, Надя заочно боялась. Да и Полуянов пугал: с участниками программ телевизионщики обычно не церемонятся. Заставляют по два часа ждать любого пустяка, «тыкают», гадо-сти говорят, принижают.

Однако в «Свадьбе навывлет» все оказалось культурно. По крайней мере, с Митрофановой обращались только на «вы» и чрезвычайно уважительно.

— Вас не затруднит подъехать на консультацию к стилисту? Не возражаете заглянуть к нам — снять мерки, чтобы мы могли подобрать вам одежду?

Какая девушка будет отказываться! Тем более что на программу не какие-то начинающие цирюльники работали, а настоящие звезды.

Известный стилист посоветовал ей кардинально изменить стрижку и цвет волос. Когда Надя испугалась, давить не стал. Извлек лэп-топ, сфоткал ее, поколдовал в фоторедакторе и показал:

— Вот так примерно получится.

Митрофанова взглянула на красавицу, царственно взиравшую с монитора, и безропотно уселась в кресло.

Съемки «Свадьбы навывлет» должны были проходить в Грибовском районе. Семьсот километров от столицы. Когда Митрофанова спросила: «Почему так далеко?» — ей заученно отбарабанили:

— В больших городах шагу не сделаешь — везде нужны разрешения на съемки. С интерьерами еще хуже. В кафе снимать — только за деньги, в учреждение — любое — вообще не попадешь. Декорацию построить — как особняк. Плюс участники, в большинстве, не москвичи — значит, на гостиницах разоришься. Поэтому и едем в деревню. Жилье — бесплатно. Павильон построили за гроши. Натуру — снимай, где хочешь.

Полуянова аргументы не впечатлили, и он мрачно заметил:

— Специально везете в глушь, чтобы там издеваться.

— Зря вы. У нас не «Слабое звено». Все будет позитивно и комфортно, — обиделась юная девчушка из редакторской группы.

— Мобильники в вашем Кукуево, конечно, не ловят, про Интернет вообще никто не слышал.

— И ничего подобного! — триумфально заявила девушка. — Специально для нас вышку сотовой связи поставили, вай-фай тоже имеется — абсолютно бесплатный.

— А удобства?

— Пяти звезд не ждите, — виновато улыбнулась редактор. — Но домики подновили, свет есть, питанием обеспечим.

За пару дней до отъезда по электронной почте прислали список, что можно брать с собой. Оказалось сурово. Из одежды — только белье и спортивный костюм, все наряды для съемок предоставляет безвозмездно телеканал «Просто the best». И по весу жесткое ограничение — не больше десяти килограммов. Пронести лишнее не получится, на входе в автобус багаж взвешивается, при сомнениях не исключен личный досмотр. Правда, сверх норматива разрешалось брать любые гаджеты, пять килограммов продуктов и даже алкоголь.

— Сложно будет в двадцать килограммов уложится, нас ведь двое, — расстроилась Надя.

— Это все цветочки. Ягодки дальше начнутся, — с хмурым видом добавил Полуянов.

Накануне выезда позвонили из редакторской группы, велели:

— Не забудьте взять у таксиста чек, мы компенсируем вам все расходы на проезд до Останкино.

Ограничений по сумме не прозвучало, и Дима из вредности заказал представительский «мерседес». Проехать, правда, пришлось, от их квартиры на ВДНХ до Останкино — всего ничего. Но выход из кожаного салона иномарки получился почти голливудским. Прочие парочки, толпившиеся у автобуса, враждебно посмотрели на них.

— Здравствуйте, — робко поздоровалась со всеми Надя.

Из восемнадцати человек только пятеро откликнулись вялым: «Привет!» Остальные промолчали, а кое-кто вообще отвернулся.

Она больше ни с кем общаться не пыталась, но начала с интересом всех рассматривать.

Очень разная публика собралась.

Вот парочка — вылитые Барби и Кен. Светловолосые, стройные. За ручки держатся. Смотрят друг на друга влюбленно. А рядом с ними — почти комические персонажи: мужчина — явно за пятьдесят, в ворсистом спортивном костюме, и его спутница — юная, шустрая, в мини-юбке, с ярко подведенными глазками. Следующая пара — мускулистый, brutальный

красавец лет сорока, рядом с ним породистая леди, но стоят в метре друг от друга и смотрят в разные стороны. Уже поспорить успели?

— Даже не пытайся гадать, — шепнул ей Дима.

— О чем?

— Кто из них победит.

— А чего мне гадать? Я и так знаю. Победим мы.

— Пожалуйста, заходим, садимся! — заверещал смешной, тонконогий блондинчик.

На входе в автобус, как обещали, устроили кордон. Сумки взвешивали, куртки просили расстегнуть. Но особо не придирались — только у очкастой ученой девицы конфисковали с десяток толстенных книг.

— Чем там еще заниматься, в деревне? — попыталась она возмутиться.

— Интернет высокоскоростной. Все, что надо, найдете, — успокоил ее блондинчик по имени Жека.

В полдень караван — фургон с ПТС, два автобуса — один с телевизионщиками, второй с участниками — ринулся пробивать столичные пробки.

Ярославка, кольцевая, скоростная Новая Рига... Народ в автобусе сидел нахохленный, молчаливый. Дима взялся крушить монстров в телефонной игрушке. Надя снисходительно взглянула в его охваченное азартом лицо, положила голову ему на плечо и задремала. Проснулась оттого, что автобус нещадно трясло. За окном серели ранние сумерки. По стеклам размазывался дождь.

— Грибовск проехали, — обернулся к ней Дима. — С шоссе свернули. Теперь грунтовка пошла. Скоро какая-то Шibaевка будет.

— Ну и дыра! — Надя опасливо косилась в окно на заброшенные поля и реденький, чахлый лесок. Ни щита рекламного, ни ларечка. Только мрак, дождь, бесконечная тряска. — Слушай, — повернулась она к Полуянову, — а кто они, наши конкуренты? Откуда, чем занимаются?

— Кое-кого я узнал, — прошелестел в ухо Дима. — Видишь, во втором ряду сидит? Рыжий? У него свой канал на ютубе. А за нами парочка, которая все время матом говорит, — это блогеры. Очень популярные у подростков.

— И ты — журналист. Ничего себе! Целых четыре публичных персоны на одно шоу! — удивилась Надя.

— Нашла, с кем меня равнять, — обиделся Полуянов.

Наконец впереди показалась Шibaевка — пара тусклых фонарей, мрачные остовы домов.

— Остановка пятнадцать минут! — объявил водитель. — Последний магазин на пути! У кого водки мало, можете взять еще, больше шмонать не будут! Всего ничего осталось, километров пятьдесят.

— А как место-то называется? — нетерпеливо спросил Дима. — Или опять секрет?

— Да теперь что скрывать, почти приехали, — усмехнулся водитель. — В деревню Селютино едем.

...А сумасшедший Василий Васильевич, засыпая от лекарств, именно в эту секунду сонным уже голосом повторил:

— В Селютино. Сеять там смерть. Смерть. Смерть...

Их было больше десяти тысяч. А осталось только двадцать. Двадцать анкет. Двадцать лиц.

Отбирали, разумеется, самых ярких. Необычных. От титулов и регалий пестрело в глазах: «Мисс фитнес» из города Королева, лучший пожарный из Тихвина, победители кулинарных конкурсов, участники экстремальных шоу. Имелись также кандидат наук, мастер спорта по шахматам, выпускник лондонской бизнес-школы, журналист известной газеты, победитель международного танцевального конкурса, популярный диджей, ведущий успешного канала на ютубе — почти каждый мог чем-то похвастать.

Но и те, кто без титулов — несомненно! — себя проявят. Поразительной смелостью или удивительной подлостью. С виду тихони обратятся в лидеров. Рубахи-парни станут плакать от ужаса. Каменные лица и олимпийское спокойствие сохранить не сможет никто. Не зря кандидатов вместе с шеф-редактором отбирала целая свора психологов.

Официальные критерии были объявлены во всеуслышание: обаяние, умение говорить, желание побеждать и харизма, много харизмы.

Однако многих успешных и ярких отсеял лично он. Наложил, по праву Хозяина, вето.

Подчиненные, несомненно, гадали: чем ему не угодили многие перспективные, эффектные пары?

Но лишь «большой босс» знал еще один очень важный критерий отбора: в шоу могли участвовать только те, кто занимал активную позицию в социальных сетях. Те, кто вел блоги, ежедневно выдавал посты, имел подписчиков.

А тот, кто всемирную паутину не любил — безжалостно отсекался.

И еще от него потребовали: обязательно взять в команду нескольких паникеров. Людей, кто легко впадает в истерику и тянет в пучину страха остальных.

Хозяин честно выполнил оба требования.

Селютино выступило из мрака лишь в десять вечера. Убогая деревенька — пара десятков домов, разбросанных по холмам, на околице новый,

но чрезвычайно уродливый ангар. Правда, фонари горели приветливо. И вышка сотовой связи подмигивала красным глазом.

Автобус зашевелился, зашуршал сумками. Особых дружб за долгую дорогу не завязалось, но несколько имен Надя уже знала. Ярко накрашенная девица, что развлекала их заунывным пением, звалась Василисой. Ее старомодного спутника величали Николаем.

Она ринулась к выходу первой. Однако двери автобуса оставались закрыты.

— Эй, дядя! Ты что нас маринуешь? — напустилась Василиса на водителя.

— Начальство велело, — развел тот руками. — Ждем, пока аппаратуру выставят. Будут ваш выход снимать. Причешься пока, носик припудри.

— А почему гримеров нет? — возмутилась красotka и, не получив ответа, лихорадочно метнулась обратно к своему креслу — обновлять макияж.

Наконец прозвучала команда:

— Выходим! Медленно, не толкаемся!

На улице успели соорудить настоящую съемочную площадку. Суета, софиты, операторы с камерами, четыре ведущих с микрофонами — вокруг каждой суетится гример.

Надю с Димой начали снимать прямо от дверей. Полуянов забрал себе обе их сумки, подал своей спутнице руку. Еще одна интервьюерша кинулась к Митрофановой:

— Скажите, Надя, ваш жених всегда так галантен?

— Конечно.

— Как прошла дорога?

— Нормально.

— Стоп! О, боже! — подскочила к ним желчная, прокуренная дама. — Анастасия, шеф-редактор, — быстро представилась она и без церемоний принялась распекать: — Вы — две снулые, скучные селедки! Что это за ответы? «Конечно»? «Нормально»? Кто, черт возьми, будет такое смотреть? Давай, зая, снимай дубль два!

— Как прошла дорога? — ослепительно улыбаясь, спросила «зая».

Надя в отчаянии взглянула на Полуянова. И Дима выручил. Заговорщицким тоном ответил:

— Мы все десять часов сочиняли с Надей роман.

— И о чем он?

— Конечно, про деревню Селютино. Вон, видите домик на самой окраине? Там будет жить маньяк. А еще здесь обязательно должна иметься колдунья, вепри, пара-тройка вампиров.

— Но развязка вашего романа, конечно, будет счастливой?

— Да. Мы с Надей всех победим.

Митрофанова с восторгом взглянула на Димку. Какой он все-таки замечательный!

А «зая» интригующим тоном произнесла:

— Что ж. У вас есть шанс проявить себя прямо сейчас. — Камеры мгновенно нацелились на нее, и девушка выдала анонс: — Отдохнуть с дороги у героев не получится. Первый конкурс мы начинаем немедленно. Сейчас Надя с Димой пройдут в выделенный им дом, и у них будет целых два часа на то, чтобы превратить казенное и весьма запущенное жилье в уютный уголок. А мы с вами станем наблюдать за тем, как они справятся.

— Ничего себе! — вырвалось у Нади.

— А прийти в себя, поспать с дороги? — улыбнулся в камеру Полуянов.

— Так не на чем спать! — жизнерадостно отозвалась «зая». — Диван в паутине, постельное белье не глажено! Что будете делать, Надя?

— Подумаешь, беда! Уж чего-чего, а убираться я умею, — выпалила Митрофанова.

— Снято! — Выкрикнула из-за ее спины шеф-редактор и снисходительно похвалила: — Сойдет. Для сельской местности. Давайте, быстро! Свет в доме уже выставлен. Сейчас снимаем ваш проход. Потом цепляем микрофоны, и пошел обратный отсчет. Будет ровно два часа. И никаких поблажек.

Надя хмыкнула про себя: «Подумаешь, уют навести. Все бы задания такими были!»

Игра шла жесткая: никаких вторых дублей, никаких пересъемок. Голая хроника: как будущая семья Полуяновых вошла в холодный, пыльный, загаженный дом. Крупным планом: Надины «ахи» по поводу пустых водочных бутылок и засохших колбасных шкурок на полу в гостиной. Зверское лицо Полуянова, метнувшего в прибежавшую на шумок крысу собственным ботинком.

Дима, в окружении полного разорения и хаоса, неприкрыто растерялся и пробормотал: «Тут надо минимум сутки прибираться». Надя, посчитав, что этот конкурс — вызов лично ей, резко оборвала его:

— Слушайся меня — и все будет. — И тут же засыпала Полуянова командами: найти тряпки, утюг, включить бойлер, вынести мусор!

В доме нашлись резиновые перчатки, а вот с остальным оказалось хуже. Пылесоса или хотя бы веника не имелось, подметать пришлось метлой — пыль в доме стояла столбом, да еще печка упорно гнала дым в горницу. Дима ко второму часу беготни начал еще больше сбавлять

темп, а Надя, наоборот, ускорила. Помимо обязательной программы: уборка, постель, ужин — она прилагала все усилия, чтобы навести хотя бы минимальный уют. На чердаке нашла репродукцию «Утра в сосновом лесу» в рамочке под стеклом, тщательно отмыла, протерла. Из собственной сумки извлекла три маленьких вазочки. Велела Полуянову:

— Сбегай, пожалуйста, каких-нибудь веток еловых наломай!

К ней поспешила «зая»:

— С собой можно было взять только десять килограмм, и вы не пожалели места под вазы?

— Я и занавески тюлевые взяла. Не люблю, когда в доме голо, — пожала плечами Надя и крикнула Полуянову: — Димочка! Тут карниза нет — вот леска, будь другом, натяни ее над окном. Штору повесим.

Съемки закончились в половине первого ночи.

Шеф-редактор Анастасия снизошла:

— Молодец, Митрофанова. Было, что снимать. Только в следующий раз говори побольше.

— Я делом была занята, некогда болтать, — буркнула Надя.

Когда съемочная группа, наконец, оставила их одних, Полуянов выдохнул:

— Мы молодцы! Не подкачали, — и сразу же подключил вай-фай. Тот оказался безо всякого пароля, и Дима удивленно воскликнул: — Скорость приличная! А я про Интернет не верил, думал, обманут.

— А смысл им врать?

— Для драматизма. Когда в глуши, да без связи с внешним миром — что угодно можно воротить. Только представь: утром выходишь, а во дворе труп. Полицию не вызовешь — телефоны не работают. И ясно, что убийца — где-то здесь. Рядом.

— Фу, Дима! — поморщилась Митрофанова. — Никакой фантазии. Я таких детективов читала миллион. — Она рухнула в постель и вздохнула: — Сейчас умру!

— Умирай, — великодушно разрешил Полуянов. — Я за тебя все сделаю.

— Ты о чем?

— Забыла? Мы должны в Интернете отчитываться о каждом нашем дне.

— Димусик, — умоляюще сложила ладошки Надя, — но ты ведь напишешь что-нибудь за меня? Мой пароль на фейсбуке — Dimulia.

И не договорила. Уснула.

Ведущих в шоу было только четверо, поэтому конкурс на домовитость снимали два дня. Четверым пришлось наводить уют «с колес», остальным выпало дополнительное время. Хотя покидать дома участникам запретили,

стражников у дверей не стояло. Кто хотел — легко выведал, в чем суть первого испытания. И во многих окнах до утра горел свет — пары заранее чистили-намывали, готовились к съемкам.

Артур тоже сгонял на разведку, быстро вернулся, велел Кристине:

— Давай, поднимайся. Надо хоть минимально бардак разгрести.

Но его всегда послушная девочка наморщила носик:

— И не подумая. Меня укачало. Ничего делать вообще не могу. Особенно по хозяйству.

— Хочешь вылететь? На таком пустяке?

— Да ну, Артурчик, брось! — Она сладко потянулась. Лениво встала с дивана, обняла жениха: — Никто нас не выгонит. Кого тут еще снимать? Старичка в костюме «Большевичка»? Толстушку-библиотекаршу? Ученую даму в очках? Давай лучше поспим. Утро вечера мудренее, как-нибудь выкрутимся.

И он поддался ее уверенности. Да и глаза слипались. Прилегли на не застеленный диван просто подремать — и провалились в глубокий, до десяти утра, сон.

Зато на следующий день оба выглядели прекрасно. Дом — перед телекамерами — убрали неумело. Зато поразили Анастасию и всю редакторскую группу тем, что выгрузили из сумок и красиво разложили две скакалки, степ-платформу и даже килограммовые гантельки. И на обед ели — свежую морковь (каротин), банан (калий), да белковый коктейль.

Вообще, многие смогли себя проявить.

Огнеборец из Тихвина умело починил ветхую проводку и с большим жаром прочел телезрителям лекцию о пожарной безопасности.

Василиса тесто для фирменных оладий замесила с вечера, дом вымыла заранее — только в нескольких местах оставила пыль, чтобы было чем перед телекамерами заняться.

В аутсайдерах сразу оказались две пары.

Пара подростковых блогеров во время уборки и съемок непрерывно ругалась — да так, что половину изречений пришлось «запикивать».

Победитель танцевального конкурса с супругой — диджеем оказались абсолютно безрукими. Печку растопить не смогли, одеяло в пододеяльник вставляли минут пятнадцать, еду разложили на газетках.

Анонсы «Свадьбы навывлет» шли по каналу «Просто the best» уже месяц. Первый выпуск программы собрал неплохой рейтинг, народ активно включился в смс-голосование.

На последнем месте оказались скандалисты-блогеры. На предпоследнем — безрукие танцор и диджейка. Эсэмэсок в их защиту пришло почти вдвое больше. Однако, волею Хозяина, выгнали именно их.

Не потому, что плохо убрали. За то, что в другом оказались ленивы: двое суток в Селютино — а никто из бездельников ни разу в сеть не вышел, ни единого поста не написал.

Вот пусть и отправляются домой.

Жена с подругой по телефону чирикала — про телевидение, массовку и съемки, но Федор Матвеевич женской болтовне внимания не придал. Но тем же вечером остался в больнице сверх положенного по КЗОТу — и в восемь вечера обнаружил, что она полностью пуста. Дежурная медсестра, санитары, ординатор, больные на свободном режиме — все испарились. Зато из холла на полную мощь орал телевизор.

Там доктор и застал весь дружный коллектив — медперсонал в креслах, пациенты на стульчиках или на полу развалились. А на голубом экране рафинированная девица на фоне покосившегося сарая неумело тюкала топором по полену. Каждый удар (с риском отрубить себе пальцы) вызывал у зрителей взрыв дикого хохота.

Федор Матвеевич пристроился, было, в уголке, но подхалимка-медсестра заметила, вскочила, почти силком толкнула на «блатное место» в первом ряду. Сама устроилась рядом на ручке кресла и начала громким шепотом просвещать:

— Это шоу новое. У нас снимают! В Селютино!

— Где?! — Доктор мигом вспомнил откровения Васильича.

— Ну, деревня. В наших краях. За Шибяевом.

— Подожди-ка, не тарахти!

Федор Михайлович впился в телевизор глазами. Девица, наконец, сумела расколоть полено надвое, подхватила обрубки, бросилась в избу и завопила:

— Витенька! Так пойдет?

Сухопарый Витенька (с важным видом сидел подле жерла печи) благо-склонно принял поленья и велел:

— Иди, дальше руби!

Через пять минут доктор уже понял формат и суть шоу. Встал с кресла, строго велел медсестре:

— Никого сюда не сажай. Сейчас приду, — и вышел.

Василий Васильевич сладко храпел. Психиатр потряс его за плечо и, когда мутные глаза распахнулись, произнес:

— Пойдем. Покажу кое-что.

Федор Михайлович привел Василия к телевизору. Согнал с кресла медсестру и усадил на ее место буйного. Теперь сам присел на ручку кресла и проговорил:

— Вот. Селютино. Ты этих людей видел?

Первую минуту сумасшедший только хлопал глазами.

Но дальше действие переместилось в другой дом. Здесь наводила уют еще одна пара — красивый мужчина лет сорока и милая женщина, несколько младше.

Василий нахмурился. Подался вперед, вцепился в подлокотники.

Оба персонажа на экране действовали умело. Он ловко водил утюгом по простыне. Она надевала наволочки на подушки. Лица у обоих только совсем не радостные. Не то, что не разговаривают, даже не смотрят друг на друга.

Молодая ведущая в платье под пейзажку и резиновых сапожках попыталась расшевелить пару. Подойдя к мужчине, она спросила:

— Анатолий! Вам дома часто приходится гладить?

— Я постельное белье вообще не глажу. Но Алла сказала: надо, — пожал он в ответ плечами.

Ведущая повернулась к женщине:

— Алла, Анатолий может приготовить омлет?

— Ну... наверное, — отчего-то смутилась девушка.

— Тоже мне, супруги, — с нескрываемым презрением фыркнула медсестра.

А Василий Васильевич ткнул мясистым пальцем в экран и завопил:

— Вот оно! Зло! Вот! Вот!!!

— Где? — быстро спросил доктор.

— От него беда пойдет! Смерть! От него!

— Ты про что? Объясни!

Однако ответа врач не добился. Прорицатель заблажил, начал рвать на себе волосы, колотить по полу ногами. Санитары неохотно оторвались от экрана, поволокли больного в палату. Медсестра, с крайне недовольным лицом, поспешила набирать в шприц лекарство. Когда Васильич успокоился, по телевизору уже шли новости.

— Вечно вы все испортите, — проворчала сестричка.

И санитары с недовольными лицами ее поддержали.

Ходить друг к другу в гости, по условиям шоу, не разрешалось. Но бродить по окрестностям никто не запрещал. Надя и по хорошей погоде гулять не большая любительница, а в сырость, тем более в дождь, ее никакими калачами не выманишь. Поэтому Полуянов гулял в одиночестве и нисколько от этого не страдал. Ему всегда был нужен час, а лучше два, наедине с собой. В суетной Москве достигать этого было намного легче, нежели в деревенской глуши: на работе — свой кабинет, плюс в пробках —

ты в машине, никто не мешает мечтать и думать. А здесь, хотя плотность народа не больше, чем один человек на километр, ты постоянно на людях. Да еще неизвестность утомляла. Конкурс на хозяйственность сняли — и все, тишина. Чего ждать? К чему готовиться? Чем заняться?

— В Интернет свои впечатления пишите, — велела Анастасия.

Вопрос: о чем? Что дождь целый день? И что он целую поленницу дров наколот?

И Дима с первого дня принялся бродить по окрестным лескам.

Ничего интересного или красивого в них решительно не было. Наполовину обглоданные елки, кривоватые дубки, печальные осины. Грибы — исключительно свинушки. Надя к ним относилась с подозрением, жарить отказывалась.

Зато однажды, когда уже начало смеркаться, Дима встретил в лесу практически лешего — мужика в рваном ватнике, с руками, обросшими шерстью, и со щетиной, росшей клоками. Дядька — не старый еще — сидел на бревне, обсасывал беззубым ртом куриную ножку. На Полуянова взглянул строго и спросил:

— Ты работаешь? Или из клоунов?

— Из вторых, — хмыкнул Полуянов.

— Вот охота вам? Деньги, что ли, хорошие платят?

— Ничего не платят.

— А зачем тогда?

— Слава. И, типа, отпуск.

— Я бы лучше поработал, чем в могиле лежать, — злорадно изрек абориген.

— Что?!

— Да операторы ваши базарят, а я подслушал, — хитро улыбнулся мужик. — Будут вас живьем закапывать.

— Зачем?

— Конкурс такой. Сможешь ли вылезти. Нет, лучше уж мешки грузить, — поежил абориген и протянул Полуянову волосатую длань: — Петр.

— Дмитрий. Ты здесь живешь? — Полуянов решил сразу на «ты», без лишних церемоний.

— Ну да. Могиканин. Последний, — не без гордости отозвался мужик. — Пока ваши не понаехали, у нас тут ваще необитаемый остров был. Грязь, темнотища, свет на два часа в день давали. Все побегли: в Грибовск, в общаги, кто куда. А я чужим кланяться не люблю. Сидел, ждал, когда и у меня будет праздник. И дождался. Теперь — король. Телевизор смотрю, телефон мобильный купил!

— А много народу в деревне было?

— Когда-то колхоз имелся. Коровы, триста голов. Поля. Картошку, свеклу сажали. А потом все зачахло. Хорошо, я инвалид, пенсия есть. И корова. А щас мне и зарплату назначили.

— За что?

— Написано: охранник. На деле — тяжести таскаю. Ну, и снимают меня. Для колорита.

— А что в лесу делаешь?

— Расследование веду, — приосанился Петр.

— Как ты сказал? — усмехнулся Дима.

— Да вчера я тут, на поляне, двух лихих людей видел, — понизив голос, проговорил абориген.

— Лихих?

— Джигиты. Куртки черные, глаза злющие. Меня увидели — залопотали по-своему. И бежать! Я бы по ним пальнул, так не из чего. Не выдали мне табельного оружия.

— Ты начальству доложил?

— Да. Анастасия испугалась, сказала, что решетки на окна закажет. А пока велела операторам обязательно дежурного оставлять.

«Восточные люди крадутся через лес, чтобы стащить телекамеру? Вряд ли, — подумал Полуянов. — Может, просто на съемки хотели поглазеть?»

— А вообще народ-то интересуется? — спросил он у Петра. — Все-таки телевидение. Наверняка ведь приезжают? Из Шибаяева, из Грибовска?

— Та, может, и хотели бы, — хмыкнул мужик, — но сюда только «уазик» пройдет. И то не факт — дожди каждый день, на дороге грязи по самые уши. Так что, Дима, захочешь сбежать — а не выйдет. Завязнешь.

— Зачем мне бежать? — улыбнулся Полуянов. — Мы сюда побеждать приехали.

Он вернулся домой, когда уже начало смеркаться.

Надя встретила в сенях — глаза горят, новости рвутся с губ:

— Ой, Дим! Я все узнала! Завтра новые конкурсы будут! Боюсь ужасно!

— Мы участвуем?

— Не знаю. Сказали, опять возьмут четверых. Кого именно — страшная тайна.

— А что надо делать?

— Говорят, локации разными будут. И испытания разными.

— И какими?

— Если бы я знала! — вздохнула Надя. — Но Василиска видела, как режиссер, Анастасия и операторы вместе на кладбище ходили. А еще, говорят, что-то на речке затевают.

После того как расстался с Петром, Полуянов прогулялся на деревенский погост. Увидел там много свежих следов и две выкопанные могилы, но Наде ничего говорить, конечно, не стал.

— Я к Насте и так, и так подступала, но она прямо сфинкс какой-то. Только и велела завтра к восьми быть готовыми. За нами или сразу придут, или надо будет вторую смену ждать, а может, вообще до послезавтра. Из дома, сказали, ни ногой. Но я так поняла, что охранять нас никто не будет.

— И что ты предлагаешь?

— Если нас с утра не возьмут — давай проследим! Чтобы хоть в курсе быть! До речки далеко. Но до кладбища можно запросто пешком.

— Давай. Но будет только хуже, — пожал плечами Дима.

— Почему?

— Потому что ты еще больше перепугаешься.

По результатам голосования Артур с Кристиной пока стояли далеко от кругосветного путешествия — только пятыми. Кристинка нервничала, бурчала: «Будто я виновата, что красиво подметать не умею!»

Артур, в отличие от нее, не волновался ни капли. Считал, что «хозяйственный» этап — проходной. Любое шоу держится на экшне. Риск, нервы, опасности, преимущества в доли секунды. Вот где народ будет сыпаться. А они с Кристиной в самом важном компоненте любую пару из оставшихся девяти обойдут. Причем с большим преимуществом. Что станет делать очкастая кандидатка наук, если, допустим, увидит медведя? Заверещит и немедленно сдастся. А Кристинка — без проблем взлетит на дерево. Да еще и ему поможет, рогатину сверху скинет. Здесь у них конкурентов нет. Когда Кристина вчера во дворе добивала свою ежедневную тысячу прыжков на скакалке, подошла Василиса и простодушно призналась: «Я и двадцати раз не смогу». А уж когда Артур раздобыл в сарае десяток кирпичей и взялся разбивать их ребром ладони, целый восхищенный партер собрался. Как только ни называли: и Джеки Чан, и Ван Дамм.

— Вряд ли они что-нибудь очень уж сложное устроят, — успокаивал Артур Кристиночку. — Не дураки ведь, понимают: народ чахлый, переломается. Да и возможностей здесь нет. Ни моря, ни гор, ни обрывов. Что-то совсем примитивное. Построят веревочный городок в лесу и устроят забег на время.

Хотя он и не ждал максимальной нагрузки, все равно разбудил девушку спозаранку. Заставил пробежать кросс, отжаться, попрыгать. Сам бегать не стал — подкачал пресс, руки. Чтобы разбудить реакцию, вволю попилил самодельную грушу.

Кристина прискакала с улицы румяная, возбужденная.

— Движуха в деревне. В машины доски грузят, веревки, — сообщила она.

— Зачем? — насторожился Артур.

— Ты ведь сам говорил про веревочный городок, — напомнила Кристина.

— Городок за час до съемок не построишь, — покачал он головой. — Что-то другое они затеяли.

Но предположить, что конкретно, не успел — в дом, как всегда вихрем, ворвался женоподобный костюмер Жека.

Одежду подобрали быстро: для Кристины ярко-красный спортивный костюм и белый пуховичок, ему — тоже спортивное, ядовито-акриловый ультрамарин, одеяние.

— Чего делать-то надо будет? — нетерпеливо спросил Артур.

— Не дрейфь, красавчик! Обычные «веселые старты», — с придыханием произнес Жека.

Погрузились в «уазик» и выдвинулись. Когда покидали деревню, Артур заметил, что у дороги, за кустами, прячутся две фигуры: их конкуренты — журналист и библиотекарша.

— Наблюдатели хреновы! — проворчал он.

Ну, и ладно, пусть следят. Выиграть это им все равно не поможет.

Кладбище при деревне Селютино по непонятным причинам устроили не за околицей, а в километре от нее. Официальная, безобразно раскисшая грунтовка вилась по краю давно заброшенного поля, но Надя с Димой побежали напролом, через негустой лесок.

Митрофанова изо всех сил старалась не отстать, но поспевала в такт тренированной поступи Полуянова с огромным трудом. «В конкурсах на выживание толку от нее будет мало», досадливо подумал Дима.

Теперь не осталось никаких сомнений — героев действительно везут на кладбище. Надя окончательно разнервничалась:

— Дим! А вдруг, как в Томе Сойере будет?

— Что?

— Труп заставят выкапывать. Настоящий.

— Блин, Митрофанова, ты Уголовный кодекс читала когда-нибудь?! — разозлился он.

— А зачем мне?

— Чтобы знать, что есть такая статья — осквернение могил. И за нее дают реальный срок. И вообще, чего ты трепыхаешься, скулишь раньше времени?

— Хочу по телеку эффектно смотреться, — вздохнула Надя. — Но если увижу труп — я буду очень некрасиво визжать.

— Не будет никаких трупов, — заверил ее Полуянов.

— Почему?

— Я вчера ходил на кладбище, — признался он. — Там действительно вырыты две свежие ямы. Но они пустые.

— Вчера были пустые. А сегодня туда покойника положат, — снова вздохнула Надя.

Они прокрались, пригибаясь к земле, до кладбищенской ограды. Съёмочная группа яркими точками рассыпалась по всему погосту. Дальше идти было нельзя.

— Правда, могилы только что выкопанные, — севшим голосом произнесла Митрофанова.

Есть ли что внутри — из укрытия было не разглядеть, но она все равно открыла рот — завизжать.

— Тихо! — яростным шепотом приказал Полуянов и, бросив выданную телевизионщиками куртку на землю, велел: — Садись!

«Уазик» с героями остановился у центрального входа на кладбище. К машине бросилась вездесущая Анастасия и парочка ведущих-пейзанок. Из авто минут десять никто не выходил. А когда задняя дверь джипа распахнулась, оттуда под руки вытащили Кристину. Глаза ее были завязаны черной лентой, но испуганной девушка не выглядела. Спокойно дала Анастасии с Жекой взять себя под руки, провести меж крестов и памятников.

Когда маленькая процессия остановилась метрах в трех от разрытой могилы, шеф-редактор приказала:

— Стоять. Не двигаться. Молчать. Повязку не трогать. Евгений, следи за ней. — И бодрой рысцой бросилась обратно к машине, откуда облаченные в траурное одеяние пейзанки извлекали Артура — тоже с завязанными глазами.

Его подвели к соседней могиле.

Никаких предварительных инструктажей не последовало.

— Доброй ночи, дорогие Артур и Кристина! — роковым голосом провозгласила одна из псевдокрестьянок. — Да, для вас сегодня ночь. Вы ничего не видите. И понятия не имеете, что сейчас будет происходить.

— Хотя конкурс — простой до банальности. — Вторая ведущая почти не скрывала издевательских ноток в голосе. — Вам, не снимая повязок с глаз, нужно всего лишь сделать десять шагов. Только десять. Только прямо. Десять шагов по прямой за минуту. Дальше прорываете грудью ленточку фиניша. И все! Вы победили! Вы остаетесь в шоу, плюс получаете дополнительный приз. Миллион. Неплохое подспорье для молодой семьи.

— Однако на пути вас могут подстерегать опасности, — вкрадчиво произнесла первая.

— Какого рода? — спокойно спросил Артур.

— Медведи. Львы. Тигры. Шальная пуля. Потерявший управление автомобиль.

— Мы не можем защищаться с завязанными глазами. — Голос Кристины чуть дрогнул.

— Включайте осязание, обоняние, слух. Интуицию, наконец, — посоветовала «крестьяночка».

— Вам не обязательно доходить до финиша обоим, — продолжила разъяснения вторая пейзажка. — Даже если только один из вас за минуту преодолеет маршрут, вы все равно получите миллион. Итак, вы готовы начать свой путь к триумфу или к смерти?

— Да! — хором отозвались жених с невестой.

— Тогда три-два-один! Пошли! — громко скомандовала ведущая.

Оба не сдвинулись с места.

— Кристи, ты меня слышишь? — позвал Артур.

— Пять секунд, — металлическим голосом объявила «крестьянка».

— Вспомни: Таиланд. Лес. Змеи. Идешь очень медленно, ощупываешь землю ногами.

— Десять секунд. И ни одного пока шага. Пятнадцать.

Артур с Кристиной, словно слепые, вытянули руки и медленно двинулись вперед. В паре метров перед каждым зияла разверстая могила.

— Они ведь убьются! — в ужасе прошептала Надя.

— Брось, этого не допустят. — Но уверенности в Димином голосе не прозвучало.

Метр пройден.

— Двадцать секунд. Быстрее! — безжалостно поторопила ведущая.

Артур продолжал семенить медленными шажками. А Кристина занервничала. Чуть прибавила ходу, нога ее зависла над пустотой, девушка не удержалась — и сорвалась вниз.

Раздался ужасающий крик. Дальше визг. Потом плач.

Артур мгновенно сорвал повязку с глаз и молнией кинулся к яме.

— Не такая она и железная, — произнесла Надя. Получилось довольно злорадно.

— Сорок секунд, — спокойно констатировала ведущая. — Артур еще может дойти до финиша и получить миллион.

— Пошла ты! — с презрением взглянул он на нее и, встав на колени у края могилы, проговорил: — Кристи. Это не настоящий труп.

Голос девушки доносился приглушенно, но Надя смогла разобрать:

— Слизь! Он воняет!

— Манекен. Муляж.

— Он в синих пятнах! И в плесени!!!

— Прекрати истерить!

— Можете продолжать беседу, — встряла ведущая, — но речь уже не идет о миллионе. Если через пять минут Кристина не выбирается из могилы, вы оба покидаете шоу. Время пошло.

— Отпихни труп и вставай! — приказал Артур. — Не смотри на него. Слезы вытри. Ноги целы?

Ответа девушки Надя с Димой не услышали. Зато отлично разобрали уверенный приказ ее спутника:

— Вспоминай, как по скалам лазили. Ищи выступы. Пробуй выбраться.

— У вас четыре минуты, — предупредила ведущая.

— Тут не за что зацепиться! — пропищала Кристина.

— Хорошо. Отойди. Я прыгаю, — быстро произнес Артур и без малейшего сомнения исчез в бездонной яме.

Не прошло и минуты, как из могилы показалась голова Кристи. Она, похоже, стояла у жениха на плечах.

— Раз, два, три — джамп! — скомандовал глухой голос.

Девушка буквально вылетела на поверхность, но тут же упала на живот, склонилась в жерло, откуда только что выбралась, протянула руки.

— Опору найди сначала! — громко скомандовал Артур. — А то вместе свалимся!

— Поняла!

Кристина развернулась на 180 градусов, крепко вцепилась руками в могильный памятник, что стоял рядом, и вытянулась в струнку. Длинные ноги исчезли в могиле.

— Держишься? — уточнил Артур.

— Да!

Наде показалось, что она видит, как на руках Кристины вздулись вены. Лицо девушки покраснело — а через секунду из ямы показалось лицо Артура. Едва тот коснулся поверхности, немедленно отпустил подругу, легко подтянулся на руках и выбрался. Обнял Кристину за талию, и оба, сделав оставшиеся несколько шагов, разорвали своими телами бумажную ленточку финиша.

Ведущие-пейзанки немедленно кинулись к ним:

— Кристина, что вы почувствовали, когда земля ушла из-под ног?

— Меня учили: не думать, а мгновенно принимать группировку, — улыбнулась девушка. — Впрочем, упала я на что-то мягкое и совсем не уши-

блась. Гораздо страшней было, когда на меня свалилась эта мерзость. Труп — просто жуткий, ничего не скажешь.

— Артур, вы тоже боитесь мертвецов? — обернулась к спортсмену пейзажиста.

— Мертвые не кусаются, — усмехнулся он.

— Вы были уверены, что сумеете выбраться? — обратилась к Кристине ведущая.

— В самой себе нет. Но я знала — Артур меня все равно спасет.

— Он мог заработать миллион, но решил вместо этого спасти свою девушку. Посмотрим, как оценят его поступок телезрители.

— Снято! Перерыв — один час! — громко выкрикнула Анастасия.

Операторы и технический персонал потянулись в фургон ПТС. Кристина с Артуром, в обнимку, отправились к «уазику».

— Дим, я такого не переживу! — затравленно взглянула на Полуянова Надя.

— А что, собственно, страшного? — обнял он ее. — Все под контролем. Кристина сказала, что свалилась на что-то мягкое. Каналу невыгодно, чтобы мы ноги ломали.

— А труп?

— Просто очень правдоподобный муляж. Ты в комнате страха никогда не была?

— Но если ты прыгнешь за мной в могилу, я тебе не смогу помочь вылезти, — вздохнула Надя, — у меня руки слабые.

— Значит, я спасу и тебя, и себя, — усмехнулся Полуянов. — Или мы просто обойдем эту яму.

— Надеюсь, — слабо улыбнулась Надя, но уверенности в ее голосе не было.

Митрофанова разбудила Полуянова в половине восьмого и трагическим шепотом проговорила:

— Посмотри, что оператор снимает.

Дима зевнул, выпрыгнул из кровати и подошел к окну.

Занимался серый, промозглый осенний день. Дождь то начинался, то отступал. Деревья энергично встряхивались под порывами ветра. По раскисшей колее брела задумчивая корова — собственность Петра. Вокруг нее суетился Мишаня — самый креативный из операторов.

— Человеку дали задание: найти колорит, — прокомментировал Полуянов. — Применяем метод дедукции, делаем вывод: нас ждет типично деревенский конкурс. Типа, кто больше молока надоит. Ты, кстати, умеешь?

Надя ничего не успела сказать в ответ, так как у скособоченной калитки их домика взорвал фонтаны грязи и притормозил «уазик». Жека в жизне-радостно красных резиновых сапогах ворвался в дом:

— Эй, Полуяновы, сладкая парочка! Вы готовы?

— До восьми еще полчаса, — проворчал Дима.

— А одеть вас? Все проконтролировать? — Жека критически оглядел Надин серый свитер, черные брюки и вскинул выщипанную бровь: — Ты в этом на съемки собралась?

— Так дождь ведь. Грязь.

— И что? Сливаться со всей этой мерзостью? Надька! Сколько раз тебе повторять! Пятно в кадре — то есть ты! — должно быть ярким. Быстро веди меня в свой будуар, или где у тебя там шкаф?

Надя закатила глаза, но спорить не стала. Перед отъездом на съемки они подписали контракт, и там имелся пункт: что выбор и утверждение одежды для съемок лежал на телевизионщиках. Они же предоставили наряды — Надя считала, что безвкусные и чрезмерно яркие, и она отчаянно пыталась от них увилывать, но Анастасия с Жекой в два голоса убеждали, что приглушенные тона на экране вообще не смотрятся.

Полуянов принес себе кофе, развалился с дымящейся кружкой в продавленном кресле. Перебранка в спальне затягивалась:

— Не надену я желтое с зеленым шарфом, даже не надейся! — возмущалась Надежда.

— Черт с тобой, давай тогда желтое с фиолетовым.

— Еще хуже! Почему этот свитер нельзя?

— Потому что он красный. А красное сегодня под запретом.

— Почему?

— Э-э... будет с фоном сливаться.

— А что у нас будет фоном?

— Ничего не скажу, — отрезал Жека. — Просто указание — никакого красного. Все.

В итоге Надежда явилась перед Димой в желтой водолазке и фиолетовых леггинсах. Самого Полуянова обрядили в белый свитер и синие джинсы.

Уже сидя в машине, Надя испуганно шепнула Диме в ухо:

— Почему красное-то нельзя?

— Бог знает. Стены в коровнике, наверное, такого цвета.

— Стены в коровниках серые. А красное запретили, потому что нас кровь пить заставят. — И белый свитер на тебе специально, чтобы на нем алые пятна эффектно смотрелись.

— Жека! Надюха боится, что вы сегодня будете кормить нас червями! — выкрикнул Полуянов.

— Черви, милашка, — это давно устарело, — расхохотался редактор. — Вас ждет гораздо более жестокое испытание, — и расхохотался, заметив, как Надя изменилась в лице.

Ехали довольно долго. Двадцать километров ухабистой грунтовки вытрясли всю душу, но когда колдобин поуменьшилось, пошло куда веселее.

— Мы в Грибовск, что ли, едем? — оживился Полуянов.

— Размечтался, — хмыкнул Жека. — Ты контракт подписал: сидеть в деревне. Вот и сиди, — и тут же свернул на очередную раскисшую тропу.

Они, наконец, приблизились к фургону ПТС. Операторы, осветители, видеоинженеры, ассистенты наперебой щеголяли разноцветьем резиновых сапог. Жека подогнал джип вплотную к скособоченному сельскому домику. От крыльца к Полуянову тут же бросились ассистенты, подхватили под руки, затащили внутрь. Надя попыталась споткнуться, но и ее мигом запихнули в помещение. Только и успела заметить через полурухнувший забор, что участок немаленький. И посередине — вырыт огромный котлован.

А внутри домика оказалась наскоро оборудованная гримерка. Грим, прически, петлички, скрытый под волосами наушник, наставления редактора:

— Не сутулиться, не мекать, ногу на ногу не класть. Полуянов, рот открой!

— Зачем?

— Проверять тебя будем. А то полезешь в кадр с жвачкой.

— Что сегодня будет-то?

— Сначала просто поговорим, — отмахнулась Анастасия и крикнула в пространство: — Начинаем?

— Мы готовы, — отозвался металлический голос режиссера-постановщика из развернутой в полевых условиях аппаратной.

Надю с Димой буквально швырнули на неудобные деревянные стульчики. И сразу понеслось:

— Камера, мотор?

— Мотор идет!

Появилась пейзажка-ведущая. Ее воздушное платье в цветочек от дорогого дизайнера в грубых декорациях избы смотрелось полным диссонансом. Но так, наверное, и надо, рейтинговое шоу — всегда игра против правил.

— Доброе утро, Надя, здравствуй, Дима, — ангельским тоном поздоровалась девица. Ответить не дала. Сходу предложила: — Хотите миллион?

— В какой валюте? — деловито спросил Дима.

— В рублях, но это тоже немало. Все молодые семьи сидят без денег, — улыбнулась красавица в платье за многие тысячи и вкрадчиво спросила: — Только на что вы готовы ради этих денег?

— Реагируй! — прошипел в Надином наушнике злющий голос Анастасии.

— Червей есть не буду! — решительно проговорила Митрофанова.

— Придется. Сегодня после дождичка мы приготовили для вас целое ведро очаровательных, жирнейших экземпляров!

— Дима, ты ведь обещал! — вскочила Надя.

Ухо взорвалось криком шеф-редактора:

— Сядь, дура!

— А я ради Нади съем хоть два ведра ваших червей, — беззаботно произнес Полуянов. — Что в них плохого? Чистый белок. Не зря рыбам нравится.

— Надежда, а вы? На что готовы вы ради возлюбленного?

В голове вертелись сплошные банальности. Одну из них Надя и произнесла:

— Я за Димочку жизнь отдам.

— Вот так. Красиво и лихо! — кивнула красавица-ведущая и вдруг хитро улыбнулась: — А если ты будешь знать, что он тебе изменяет — все равно отдашь?

— Я умру за него, даже если он меня бросит. Я живу только для Димы.

— Какое трогательное взаимное пожертвование. Ладно. Говорить красиво умеют все. Посмотрим теперь на вас в деле. Итак, задание.

Надя обратилась в слух — но из аппаратной раздалось:

— Стоп! Снято!

А Надю с Димой заторопили:

— На улицу, быстро! Пока дождя нет!

— Так что делать-то надо? — в отчаянии выкрикнула Митрофанова.

— Короче, ща пойдете в лабиринт. Там сундук, в сундуке миллион. Найдете — он ваш. Один дубль. Время — десять минут.

К Наде с Димой снова кинулись ассистенты и нацепили им на головы каски.

— Это зачем?

— Видишь «глазок»? — снисходительно произнесла Анастасия. — Это камера вмонтирована. Будешь сама себе оператором. Ну, и мы тебя будем снимать. Спереди и сзади. Не смей идти молча, обязательно что-нибудь говори. Можно материться. Плакать. Ругаться. Только не молчать. Ни в коем случае не молчать, понятно?

Их провели мимо котлована, груды арматурин, внушительной горы мешков с цементом, спрятанных под целлофановой пленкой.

— А где лабиринт-то? — азартно спросил Дима.

— Вот. — Жека показал на выстроенные в четыре этажа ряды поддонов с кирпичами. — В одном квадратном метре — двести с чем-то кирпичей. Площадь дома — больше двух тысяч. В общем, завезли до хрена. На штуки мы не считали, но в длину почти двести метров, в ширину сорок. Между рядами дорожки. Узкие. Вот вам и лабиринт «а ля рус».

— Какой ужас! — воскликнула Надя.

— Вы боитесь? — тут же кинулась к ней ведущая.

— Я...

— Ничего она не боится! — пришел на помощь Полуянов. — А я так вообще все детство лазил по стройкам.

Поддоны, поставленные один на другой, тянулись, насколько хватало глаз. Сгружены были небрежно, со сдвигом. Вторые снизу выглядели относительно устойчиво, а вот третьи-четвертые казались чрезвычайно шаткими.

— А если нас прибьет? — истерически выкрикнула Надя.

— У вас есть каски. И страховка. Не расстраивайтесь. Если Полуянов погибнет, мы дадим вам дополнительное время, чтобы отыскать миллион.

— Дима... — Митрофанова не сводила глаз с высоченной, но такой беспечно-непрочной стены. — Я... я не пойду.

— Посмотрим, сможет ли любимый ее уговорить! — лучезарно улыбнулась ведущая и отошла.

— Можешь не ходить. Сразу вылетаешь из шоу, плюс штраф за срыв съемочного дня. Как раз миллион. У тебя есть? — желчно проговорила Анастасия.

— Проходы очень узкие, можно застрять, — дрожащим голосом заметила Надя.

— Да ладно, не такая ты толстая. Мы, пока прятали сундук, прошли абсолютно спокойно. Туча идет! Снимаем! Митрофанова, ныряй сюда! — показала Анастасия на узкий лаз в левом «крыле». — Полуянов, ты пойдешь с другой стороны! Таймер! Начали!

И Надя кинулась, куда ей сказали. Одно утешало: сначала в лабиринт вошел оператор. Если что, кирпичи на него первого свалятся.

— Не молчи! — зашипел наушник голосом шеф-редактора.

— Итак, я вступаю на поиски сокровищ! — как можно беспечнее произнесла Митрофанова. — Дима, ты слышишь меня?

— Да, Надюха! — Голос приглушенный, словно придушенный. — Сундук должен быть наверху. Влезай на нижний поддон и заглядывай с него на третий!

Она немедленно выполнила указание. Но пока обследовала первые (явно пустые) тайники, оператор исчез, и Надя оказалась в одиночестве. Со всех сторон ее обступали кирпичи. Красные. Дорожка между поддонами становилась все более узкой, теперь ей приходилось протискиваться боком. Вдруг откуда-то сверху раздался зловещий скрип, и она задрала голову. Самый верхний, четвертый поддон медленно, но неуклонно сползал, причем прямо на нее. Надя взвизгнула и бросилась вперед. За спиной послышался грохот упавших кирпичей.

— Надюха! — Голос Димы был едва различим. — Ищи сундук!

— Тут поддон грохнулся!

— Да ладно! Пара кирпичей. Это специально, для антуража. Все под контролем. Ищи!

Впереди сорвались еще два кроваво-красных бруска и разбились прямо под ее ногами.

— Плевать на сундук! Я боюсь!

Теперь не просто отдельные кирпичи — вся конструкция пришла в движение. Стены дрожали, верхние поддоны опасно шатались.

— Митрофанова. Полуянов. Встали. Не двигаемся. Пережидаем, — прозвучал в наушнике голос Анастасии.

Небо заволочло тучей, ветер яростно взывал, поддоны с кирпичами, словно живые, покачивались, скрипели, бормотали.

— Полуянов! — гаркнула Анастасия. — Куда ты прешь?!

— Ищу сундук, — беззаботно отозвался Дима.

— Стоять, я тебе сказала!

Надя затравленно огляделась. Лабиринт пока еще держался. Но ветер усиливался с каждой секундой, и кирпичи все больше смыкались вокруг нее. Даже если прямо сейчас броситься к выходу — она не успеет.

И вдруг в наушнике раздался счастливый голос:

— Вижу сундук!

— Полуянов! Не двигайся! — взмолилась шеф-редактор.

А дальше послышался страшный треск. Грохот. Взрыв.

Надя с затравленным видом обернулась: огромный поддон сдвинулся с места... поехал... рассыпался в осколки — в полушаге от нее. Но где-то в глубине конструкции грохотало еще ужаснее.

— Надька! — услышала она Димин голос. — Черт! Меня завалило! Не могу! Дышать нечем! Помоги!

Любимый, судя по всему, находился в нескольких шагах — но в глубине лабиринта.

А кирпичи теперь летели со всех сторон.

Перед Надей было два пути. Один — в гущу этого ада. К Диме. Вытаскивать его. Спасать. И второй — на воздух. На свободу.

В приступе животного страха она не колебалась ни секунды, антилопым скачком выскочила наружу и... попала прямиком на оператора.

— Полуянов! Мы идем к тебе! Держись! — провозгласила Анастасия.

Ветер, словно по заказу, стих. Редакторская группа, водитель, ассистенты, линейные продюсеры, Жека — все бросились в глубь лабиринта.

А Надя опустила на жухлую траву и зарыдала. Когда спустя минут десять на волю вывели красного от кирпичной пыли Полуянова, она к нему даже не подошла, настолько ей было стыдно.

А тут еще и Анастасия добила презрительным:

— Эх, ты, жена декабриста!

«Свадьба навывлет» с первого эфира начала собирать приличные рейтинги по стране, а в Грибовске вообще шоу считали «своим» и просто боготворили. Когда по телевизору шел очередной выпуск, городок вымирал. Те, кого эфир заставал на рабочем посту, тоже смотрели, хотя бы одним глазом. Позывные передачи («Героическая симфония» Бетховена в современной обработке) неслись из будок охранников, магазинчиков, поликлиник.

Герои шоу быстро стали в Грибовске «своими людьми», почти родственниками. Пусть жили местные небогато (не разгуляешься, когда в городе единственное предприятие, и то хозяева там китайцы), все равно щедро отправляли эсэмэски в поддержку любимчиков.

После второго тура безусловными лидерами стали Артур с Кристиной. Хозяева двух городских «качалок» не успевали продавать абонементы — к ним потянулась молодежь, возжелавшая слепить себе столь же совершенные тела. Но свои почитатели имелись и у трусливой библиотечарши, и у хабалистой Василиски. Нравилась горожанам и еще одна колоритная пара — кандидатка наук Прасковья, очкастая, ужасно умная, и совсем, на первый взгляд, не подходящий ей жених — простой, немногословный автослесарь Александр.

Психиатр Федор Матвеевич продолжал ломать голову: какое такое зло принесли в их края телевизионщики. Лично он пока видел одну лишь пользу. За неделю, что «Свадьба навывлет» идет, заявлений в загс подали больше, чем за месяц. И в магазинчиках местных праздник — денег москвичи не сэкономили, купали исключительно премиум-класс.

Но Василий-то прежде никогда не ошибался!

Доктор принес из дома маленький телевизор, установил в собственном кабинете и дисциплинированно водил туда предсказателя. Тот каж-

дый раз приходил во все большую агитацию, когда на экране появлялся породистый, не юный уже мужчина по имени Анатолий из города Новосибирска. Федор Матвеевич никак не мог понять, почему блаженный прицепился к бедняге. На шоу Анатолий проявлял себя весьма достойно: немногословный, хозяйственный, бесстрашный и сильный, однако Василий продолжал брызгать слюной и утверждать, тыкая пальцем в экран:

— Он всех нас уничтожит.

— Это убийца? Террорист? — предлагал свои версии Федор Матвеевич.

— Нет, — тряс бородой сумасшедший.

А однажды упал на колени, уткнулся головой в пол и зарыдал:

— Он болен! Страшно болен!

А потом начал биться об кафель, пришлось санитаров звать.

Когда несчастного увели, Федор Матвеевич бережно извлек из сейфа планшетный компьютер (коллеги подарили на юбилей), прокрутил три часовых выпуска «Свадьбы навывлет», выбрал все моменты, где участвовал Анатолий, соединил — получилось, в общей сложности, двенадцать минут — и начал внимательно просматривать. На крупных планах делал паузы, вглядывался — не как зритель, как врач. Может быть, лихорадочный блеск в глазах, нездоровая бледность или, наоборот, румянец? Но нет. Кожные покровы чистые, тело тренированное. На животе — мышцы-кубики. Даже мелочей вроде начальной стадии варикоза или легкого искривления позвоночника не увидел. Полностью здоровый человек.

Однако предсказатель тоже еще ни разу ни на кого напраслину не возводил. И потому в пятницу, ближе к вечеру, Федор Михайлович напросился на рюмку чаю к главврачу городской больницы.

Савелий Юрьевич когда-то считался лучшим на всю область диагностом и клиницистом. Административная работа поубавила лечебного опыта, но нюх — особый докторский дар видеть пациента насквозь — у коллеги остался.

Едва Федор Матвеевич включил свой клип, главврач тут же проговорил:

— Где-то видел я этого гражданина.

— «Свадьбу навывлет», наверное, смотрите, — усмехнулся Федор Михайлович.

— Точно! — Савелий Юрьевич цепко взглянул на экран, свел к переносице брови и спросил: — И чего ты от меня хочешь?

— Да предсказатель мой уверяет, что этот человек болен. Причем серьезно.

Главврач попросил перемотать в начало, еще раз просмотрел запись, после чего изрек:

— Да на нем пахать можно.

— Инкубационный период у того же ВИЧ — до трех месяцев, не мне тебя учить, — покачал головой Федор Матвеевич.

— Ну, настолько глубоко я заглянуть не могу, — развел руками Савелий Юрьевич. — Только ты сам хотя бы на его ногти посмотри. Чистюля. Педант. Такие в случайные половые связи крайне редко вступают. Потенциальные «вичевые» совсем по-другому выглядят.

— Значит, сбой случился у моей Ванги бородатой, — вздохнул Федор Матвеевич.

— Может, и сбой. Но давай, на всякий случай, просветим его на другой предмет, — предложил Савелий Юрьевич.

— Как?

— Полисмена нашего главного попрошу. Пусть его по базам пробьет.

— Вряд ли что даст. Шоу на всю Россию идет, конкурс был мощный. Анатолия, прежде чем взять, наверняка тысячу раз проверили. И по медицине, кстати, — тоже.

— Паршивые овцы везде проскакивают. Давай попробуем преступника выявить с помощью твоего предсказателя. Заодно и прославимся, — усмехнулся главврач.

После второго конкурса Надя с Димой мигом вылетели из первой тройки и теперь болтались то на последнем, то на предпоследнем местах. Хотя сама Митрофанова считала — она повела себя хуже всех.

За голосованием зрителей можно было наблюдать на сайте «Просто The best» в онлайн-режиме. Данные менялись каждые полчаса, и Надя вся извелась, наблюдая, как их пара то взлетает на предпоследнюю строчку, то снова грохается вниз.

Полуянов (хотя и декларировал постоянно, что «Свадьба навывлет» — пустая трата времени и вообще издевательство) тоже занервничал. Вместо ужина ушел бродить в ночь, под дождь. Вернулся — первым делом посмотрел обновленные рейтинги. Они — с отрывом в тысячу голосов — стояли последними.

— Тебе, Надька, каяться надо! — мрачно проговорил он.

— Дим! Да я что угодно сделаю, только прости меня! — затравленно взглянула на него Надя.

— Да не мне кайся!

— А кому?

— Перед людьми челом бей.

— Как?

— Интернет нынче правит миром. Срочно в соцсети пиши. Во все. В моем блоге выступишь. Кудряшова своего попроси. И для «Молодежных вестей» — дашь душераздирающее признание. Только без всякой логики. Начнешь оправдываться — мол, все равно ничем помочь не могла, — вообще распнут. Ключевые слова: ничего не соображала. Не помню, как убежала. Бес вел. Простите.

— Все решат, что я полный ноль, — вздохнула Надя.

— Ничего. Зато нулей — всегда жалеют. А у тебя еще будет шанс себя проявить.

И Митрофанова, под чутким руководством будущего супруга, написала покаянное письмо и отправила Артему, разместила в «Одноклассниках», «Фейсбуке», «ВКонтакте». Потом выпила четыре таблетки валерьянки, бросила на столе неубранную посуду и отправилась спать.

А утром Полуянов с хитрой улыбкой спросил:

— Знаешь, сколько людей возмущены твоим поступком?

— Вся страна.

— Нет. Только пятьдесят четыре человека. А как думаешь, сколько ты собрала лайков?

— Ноль.

— Тоже нет. Почти десять тысяч.

— Да ладно! У меня всего сто подписчиков!

— Они делали перепосты. Артем в твою защиту выступил, ну, и я ссылки давал. Плюс материал написал срочно в номер, завтра выйдет. Еще тысяч триста народу прочтет. Похоже, в шоу мы остаемся.

— Димка, спасибо тебе! — бросилась ему на шею Митрофанова.

Полуянов любовался обновленными рейтингами — их пара теперь находилась на почти конкурентоспособном шестом месте. В это время к ним заглянул запыхавшийся Жека, который уже успел обежать все дома, и предупредил:

— Через час быть в павильоне!

Хотя жили в Селютино уже четвертый день, там пока не снимали. Полуянов — когда бродил по деревне — пытался исследовать, но окна оказались занавешены, а двери заперты.

Однако сегодня вокруг ангара кипела суэта, народ то и дело выскакивал в стоявшую рядом ПТС или покурить. Надя обратила внимание: обычно закаленные — чуть не в майках щеголяли — телевизионщики сегодня дружно нацепили фирменные бушлатики с логотипом канала.

Войдя в павильон — сразу поняли, почему. На улице серебрился первый снег, а в помещении отопления не имелось. Из внушительных щелей

в стенах веяло холодом. От силы десять градусов, но за счет сырости казалось — ноль, не выше. И никаких, конечно, тебе кофейных автоматов, кулеров и печенюшек. Полный аскетизм. Даже зеркал в гримерке не имелось.

Когда все собрались, Анастасия выступила с краткой речью:

— Сидеть тут, никуда не шляться. Кому в туалет — бегом на улицу, там две кабинки. Курим тоже оперативно. Через десять минут мотор.

— А чего будет-то? — притопнула ножкой Василиса.

— Ваши чувства проверим, — усмехнулась шеф-редактор.

— Как?

— Увидите.

— Какой формат хотя бы? — встрял Полуянов.

— Мозг включи. Если павильон — значит, формат ток-шоу, — снисходительным тоном ответила Анастасия и ушла.

— Коза! — буркнула ей вслед Василиса.

Тут явился Жека и начал объяснять:

— Сейчас все дружно в студию, садитесь, куда скажут. По моему сигналу хлопаем. Обязательно реагируем: визжим, смеемся, плачем. Кто хочет задать вопрос — с места не орать. Поднимаем руку — к вам подойдут с микрофоном.

— Мы будем опять соревноваться? — спросила Василиса.

— О, да, — ухмыльнулся Жека. — Будете за своих мужиков драться, — и тоже вышел.

— До чего противно, когда не знаешь, что тебя ждет! Я-то всегда считала: эти шоу обязательно с репетицией снимают, — с досадой произнесла Алла, спутница Анатолия.

— Это только артисты с репетицией сыграть могут. А телевизионщикам твоя живая реакция нужна, — проговорил ее жених.

Больше ничего обсудить не успели, так как всех повели рассаживаться в зал. Зрительский амфитеатр был совсем небольшой, человек на тридцать, там участников и разместили. Их ряды разбавляли несколько смущенных, принаряженных старичков — Жека сказал, из Шибеева специально местных жителей привезли. Остальные места заняла редакторская группа, линейные продюсеры, гримеры, режиссер монтажа.

— Аплодисменты! — заорал Жека.

Студия послушно зааплодировала.

Сцена осветилась тревожно-желтым светом. Ведущая — сегодня она была одета в неожиданный мужской костюм с галстуком — лучезарно улыбнулась в камеру:

— Приветствую всех наших участников и гостей на очередном — и по-настоящему убийственном! — конкурсе.

— А чего это она так вырядилась? — подозрительно прошептала Надя, и к ней тут же кинулась ассистентка с микрофоном:

— Вопрос от участницы!

— Слушаю вас, Надя, — покровительственно улыбнулась ведущая.

Делать нечего, пришлось спросить:

— Почему вы сегодня так странно одеты?

— Это костюм психоаналитика. Сегодня мы с вами проведем сеанс психоанализа. Вытащим на свет божий то, что очень вас беспокоит, и о чем вы наверняка хотели бы забыть.

Камера безжалостно прошла по растерянным лицам участников.

А ведущая проникновенно продолжала:

— У каждого из нас обязательно есть своя тайна. Обида. Порок. Преступление. Мы обычно храним их в тайных закоулках памяти. Но сегодня нашим участникам придется вспомнить о своих тайных пороках. Вряд ли они рассказывали о них своим будущим супругам. И первым я приглашаю сюда... Василису Коробченко!

Василиса — без тени страха на лице, мол, мне скрывать нечего! — последовала на сцену.

— Устраивайтесь поудобнее и ответьте на мой первый вопрос: зачем вы приехали в Москву?

Девушку этот вопрос ни капли не испугал:

— А зачем в столицу из провинции едут? Мужа хотела найти с квартирой.

— У вашего жениха есть жилье?

— Да. Двухкомнатная, — не без гордости доложила Василиса.

— А чем вы занимались до того, как познакомились с Николаем?

— Думаете, врать буду, что в институт поступала? — усмехнулась Василиса. — Куда мне, даже в Пачулках наших несчастных — и то еле трояки натянули. В актрисы тоже не пыталась. Знаю — таланта нет, а за жалкий эпизод с каждым спать — у меня принципы есть.

— Это хорошо, что у вас есть принципы, — сладким голосом пропела ведущая. — Расскажите. Вот ваш поезд прибыл на вокзал. Что было дальше? С чего началась ваша жизнь в столице?

— Ну, сначала все было сурово: сняла койку в общежитии за триста рэ. Комната на восьмерых, туалет на этаже, по ночам узбеки ломаются. Раздавала рекламки, «бутербродом» ходила для шиномонтажа.

— «Бутербродом»? Это какие-то секс-услуги? — немедленно встряла теледива.

— Секс-услуги — это «столик» называется, — парировала Василиса. — А «бутерброд» — работа приличная. На пузе и спине надо рекламу таскать. Холодно, жарко, дождь — все равно стой. Денег крохи, матери послать нечего.

— Тяжело приходилось

— Ну, я ж какие-то пути все время искала! Приехал к нам как-то один «бизнер» покрывки менять, на меня глаз положил. И в секретарши взял.

— А вы умеете печатать, знаете иностранные языки?

— Да какие там языки, — отмахнулась девушка, — я по другому делу секретарша была. Кофе сварить, ну, и сами понимаете, что еще.

На большом мониторе отражался рейтинг героев. Василиса сидела к нему спиной, но Митрофанова прекрасно видела: эсэмэски в ее защиту лились ручейком, и он медленно, но неуклонно становился похожим на реку. Народ не осуждал — искренне сочувствовал.

— Вот, блин, Сонечка Мармеладова, — прошептала она.

— Как вы познакомились с Николаем?

— Я топиться шла.

— Зачем?

— «Бизнюк» мой корешей созвал в сауну, на терки. А мне велел, чтоб я каждого из них обслужила. А я девка, что ли, продажная? Вот и ушла от него.

Студия дружно зааплодировала, а ведущая в мужском костюме вкрадчиво произнесла:

— Вы соглашались спать со своим работодателем, но вы не проститутка, верно я поняла?

— Верно, — кивнула Василиса и убежденно добавила: — Да вы хоть кого спросите, кто Москву покоряет! Начальникам давать почти всем приходится. Но за деньги или, там, с толпой — это надо вообще быть без принципов.

— Я поняла, — сочувственно вздохнула ведущая. — Пробиваться всегда тяжело. Но давайте дадим высказаться и второй стороне. В нашей студии гость, приехавший к нам из Москвы. Иван Викторович! Тот самый, как говорит Василиса, «бизнюк».

— Ой! — зажала ладошкой рот Василиса.

— Вы не хотите с ним увидеться?

— Да он сейчас врать про меня будет! — с возмущением выкрикнула девушка.

— Ничего. Мы быстро разберемся, кто из вас врет.

Жека подал сигнал аплодировать, и из-за кулисы вышел рыхлый, нездорово бледный, с парой волосинок на лысине экземпляр. На Василису едва взглянул, а вот ведущей — преданно улыбнулся.

— Садитесь, пожалуйста, Иван Викторович, — указала та на соседний диванчик. — И расскажите нам, за что именно вы выгнали Василису.

— Да деньги она воровала. Бумажник вообще не оставь, — доверительно произнес рыхлый. — Причем нагло так тащила, не пятисотку там, не тыщонку — десятку могла стырить, а потом глазами хлопала: ты, мол, сам потерял.

— Да что ты гонишь! — взвилась героиня шоу.

— Расскажите, пожалуйста, про пятерых ваших коллег. Вы, правда, заставляли свою секретаршу вступить с ними в интимные отношения?

— Да не заставлял я, — хмыкнул Иван Викторович. — Она сама просилась.

— Ты че несешь, козел?! — снова взорвалась Василиса.

— Да ты за деньги на что угодно готова, — с презрением парировал бизнесмен.

— А сам? Бесплатно, что ли, сюда пришел? Сколько тебе заплатили, чтобы меня помоями облил?

— Верный способ себя обелить — начать обвинять другого, — ухмыльнулась телевизионная красавица. — Однако в нашем распоряжении есть видеозапись. Давайте вместе ее посмотрим.

Свет мигом погас, на заднике сцены обнаружился большой белый экран. Качество съемки неважное — как всегда бывает с камер видеонаблюдения, но покорительница столицы Василиса — она сидела на руках у Ивана — узнавалась прекрасно.

Надя снова покосилась на лицо Николая. Тот сейчас выглядел, будто ребенок, у которого только что отняли долгожданный новогодний подарок.

— Не во всем ты ему покаялась, — злорадно прошептала Митрофанова и покосилась на Диму — но в его лице увидела не злость, а сочувствие.

А эротично шелестящий голосок Василисы на экране говорил:

— Ванюша! Подумай сам: зачем тебе девочек звать? Я и сама твоих друзей развлеку. Ты мне только дай по десятке за каждого — и все довольные уйдут, сам увидишь. Что для тебя полтинник? А я мамке pošлю, ей совсем худо.

— Дорого просишь, цыпа, — грубо хохотнул с экрана Иван. — Зачем мне пятьдесят косарей распылять? Сейчас кризис. Цены упали. Я девок и по трешке сниму. Оно и мужикам интересней, когда ассортимент.

— Ванечка, — молитвенно сложила на груди руки Василиса, — да что они могут, эти твои колхозницы! А я, сам знаешь, кого хочешь, на седьмое небо унесу!

— Ладно, Василиска, уговорила. Полташку не дам, но тридцать — от-
слюню. Но только старайся — чтобы все счастливыми ушли!

Экран погас.

— Монтаж! — хрипло выкрикнула Василиса.

Ведущая, проигнорировав ее выпад, обратилась к бизнесмену:

— Зачем вы сделали эту запись?

— Да я в своем кабинете всех пишу, — пожал тот плечами. — Мало ли, зачем пригодится.

— Спасибо, Иван, — улыбнулась ведущая и повернулась к Василисе: — Вы многое рассказали своему жениху. Но сейчас он узнал о вас кое-что новенькое, не так ли?

Надя взглянула на Николая. Тот смотрел на Василису не с ненавистью — с искренней, мальчишеской обидой. Глаза влажные, по щеке катилась слезинка.

Однако рейтинг пары — самое удивительное! — продолжал расти.

А Василиса вдруг бросилась на колени, эффектно проехала на них точно до края сцены, воздела вверх руки, словно героиня оперы, и завыла:

— Прости меня, Коля!!! Прости! У меня выхода другого не было!

— Вы голодали? Вам негде было жить? — кинулась к ней ведущая.

— У меня просто мама больная... Неизлечимо! Ей надо было денег постоянно посылать! А как мне еще зарабатывать?!

— Чем она больна?

— Рак у нее, в последней стадии.

— Но при этом ваша матушка работает оператором машинного доения. На полторы ставки, — проявила осведомленность ведущая. — А руководить производственной линией на ферме — дело для очень физически крепких.

— Чего делать остается, если лекарства не на что покупать?! — хрипло выкрикнула Василиса. — Промедол вколет, зубы сожмет — и вперед!

— У нас прямое включение из Пачулок, — объявила ведущая. — Перед вами Алина Дмитриевна, лечащий врач Василисиной мамы.

Свет в зале снова погас. Несчастливая невеста бросилась на диван лицом вниз.

А принаряженная, с аккуратно подведенными глазками докторица, явно волнуясь, произнесла:

— Коробченко Галину Антоновну я осматривала два дня назад. Никаких отклонений в состоянии ее здоровья не обнаружила. Кровяное давление в норме, флюорография, кровь на онкомаркеры — все в идеальном порядке. Никаких даже малейших подозрений за канцер у меня нет.

— Василиса вам тоже рассказывала, что у ее мамы рак? — подскочила к Николаю ассистентка.

— Да, — убитым голосом отозвался он.

— Вы по-прежнему готовы на ней жениться? — перехватила инициативу ведущая.

— Коленька! Пожалуйста! Я у тебя всю жизнь в ногах валяться буду! — взвыла Василиса, вскочив с дивана. — Ну, хочешь, на цепь меня посади! Я больше никогда, ни с кем! А про мать наврала — сама не знаю, зачем! Я ведь денег у тебя не просила, не воровала!

— Я тебя жалел. Хотел помочь. Думал, ты душой чистая... хотя и нелегко в жизни пришлось... — тихо произнес жених. — А в тебе столько грязи оказалось!

Голос его сорвался и он поспешно, спотыкаясь, кинулся прочь из студии.

— Снято! — провозгласил металлический голос из аппаратной.

Утром Полуянов проснулся с больной головой.

— Димочка, я тебе блинчиков напекла! — крикнула Надя с кухни.

Еще вчера он хвастался перед операторами, сидевшими на «кинокорме», своей хозяйшкой, а сегодня хмуро буркнул:

— Достали меня твои блинчики!

— Что? — не расслышала Митрофанова.

— Сейчас иду! — покорно произнес он в полный голос и медленно двинулся в сторону кухни.

— Ты не заболел? — мигом налетела на него Надюха. И рвется — нашлась мамочка! — лоб пощупать.

Дима увернулся, молча присел к столу. Митрофанова ловко метнула на него блюдо блинчиков, чашку с кофе, варенье, сгущенку. Лишь потом заинтересовалась:

— Чего такой суровый?

— Злюсь, что повелся на это шоу.

— А я рада.

— Чему?

— У меня теперь в Фейсбуке максимальное количество френдов! Пять тысяч! А было меньше ста. Только прикинь!

— Вот именно, что френдов. Посторонних людей, а не друзей.

— Зато некоторые даже замуж зовут, — хмыкнула Надя.

— Из мест, не столь отдаленных?

— А для нормальных мужчин я что, не гожусь? — подбоченилась Митрофанова.

Нет, ссориться сейчас нельзя никак, и Дима поспешно проговорил:

— Ты великолепна!

— Спасибо, — царственно улыбнулась Надя. И задумчиво спросила: — Как ты думаешь, Коля Василису простит?

— Никогда в жизни.

— А ты бы меня простил?

— Смеешься? У всех на глазах, перед камерами, придушил бы за такое!

— Не волнуйся, — заверила она. — У меня шкаф пуст. Трупов нет.

Во, завернула!

Надя уселась рядышком, взяла блинчик, откусила крошечный кусочек — опять, видно, худеет — и вздохнула:

— Глянец учит: надо вашего брата на поводке держать, чтоб ревновали, боялись потерять. Но я не могу. Я просто тебя люблю.

Одеваться самим сегодня не позволили.

С утра явился Жека, и это, уж точно, означало Голгофу. Дима попытался найти в лице костюмера хоть какой-то намек — искру сочувствия или злорадства, но тот с порога отмел все вопросы:

— Полуянов, не трать время. Ничего не скажу. Мое дело — тебе костюм подобрать.

По-хозяйски распахнул шкаф, ткнул в черный пиджак и брюки:

— Этот надевай.

— Может, еще и галстук черный?

— Галстук можешь любой, — милостиво позволил Жека. — Но рубашку обязательно белую. Мероприятие сегодня торжественное. Переодевайся, я посмотрю.

Но Дима без церемоний вытолкнул его прочь.

Черные костюмы он ненавидел. С того дня, когда ему пришлось — совсем молодым — хоронить маму. Вспомнил — и сразу перед глазами ее лицо. Милое и вечно усталое — работала на две ставки, чтоб выучить-прокормить его, обалдуя.

С отвращением застегнул идеально отглаженную рубашку. Галстук выбрал серо-стальной — как осеннее небо.

Надю Жека облачил — явно в пику его наряду — веселенькой, все оттенки розового.

Увидев «траурного» Диму, она ахнула:

— Но мы совсем не подходим друг другу!

— Так сегодня и надо, — отрезал Жека.

По-хозяйски вынул из Диминого шкафа пару черных туфель. Из Надиного — красные «лодочки». Кинул в пакет. Подопечным велел:

— Пока что ныряйте в сапоги — и вперед. Опаздываем.

Пешком идти не заставил — лихо подвез до павильона на «уазике».

В гримерке Полуянов сразу обратил внимание, что все одеты, кто как, только Анатолий — словно близнец — в костюме.

— Тебя тоже нарядили? — шепнул он конкуренту.

— Ага. А из девчонок наших кукол Барби сделали!

— Дим, Дим, смотри! — толкнула его в бок Надюшка.

В гримерную вошли Николай с Василисой. Бесцеремонная кандидатка наук кинулась к ним:

— А я думала, вы уже домой уехали!

— Обломайся! — грубо рявкнула Василиса. — Мы — пятые. По рейтингу выше вас.

В гримерку влетела шеф-редактор, надавала уже привычных советов — не сутулиться, не жевать, не болтать. Предупредила:

— Сегодня две программы снимаем. Так что после первого мотора никуда не уходим и не расслабляемся.

Героев переобули, причесали, наложили грим и повели в студию.

Ведущая сегодня снова сменила стиль. Полная противоположность вчерашнему мужскому костюму и зализанной голове. Волосы завиты старомодными локонами, туфли-лодочки с массивным каблуком. Скучное, в клеточку, платье до колена.

— Какое-то ретро затевают, — шепнула Надя.

Свет, мотор, камера.

Вступительных речей не последовало. На сцену сразу вызвали Полуянова. Когда поднимался, успел увидеть тревогу на лице Митрофановой и явное облегчение на лицах остальных.

Ведущая пригласила его сесть на диванчик, пристроилась рядом и вдруг задала абсолютно неожиданный вопрос:

— Дима, ты часто вспоминаешь маму?

Полуянов, хотя и был явно шокирован, ответил почти мгновенно:

— Нет.

— Почему?

— Тяжело вспоминать. Она погибла совсем молодой.

Господи! Неужели телевизионщики решили ворошить ту давнюю и грустную историю?

А ведущая продолжала терзать его:

— Ты любил маму?

— Конечно.

— Как назывались ее духи?

— Э-э...

— «Красная Москва». — Выкрикнула с первого ряда Надя.

— Какая у твоей мамы была любимая книга?

— Я ее всегда видел со «Справочником участкового врача», — грустно улыбнулся Дима.

— На самом деле, Евгения Станиславовна очень любила Тургенева. «Асю» перечитывала раз двадцать, — просветила ведущая. — Где она работала?

— В районной поликлинике.

— Всегда?

— Сколько я себя помню.

— У вас были друг от друга секреты?

— Ну... сигареты я от нее прятал.

— А она что-нибудь скрывала?

— Возможно. Я лет в десять жестко сказал: никакого нового папу в дом не пущу. Поэтому она никогда не рассказывала мне о своей личной жизни. Если сейчас речь пойдет о ее любовнике — я просто встану и уйду.

— Ты к нам несправедлив, — тонко улыбнулась ведущая. — Мы никогда не станем ворошить интимные дела тех, кого уже нет на земле. Скажи, мама рассказывала тебе о своей профессии?

Полуянов недоумевал все больше, но, памятуя указание редактора ни в коем случае не молчать, старался давать ответы как можно быстрее.

— Когда я не мог заснуть, она перечисляла мне названия костей по латыни. Отличное снотворное.

— А еще?

— Байки иногда травила. Однажды у них покойник в мертвецкой ожил. Еще какая-то девушка во время клинической смерти удивительные вещи видела, потом рассказывала. Но я всем этим не слишком интересовался.

— А что ты знаешь про стажировку мамы в инфекционной больнице?

— Где? — опешил Дима.

— Дайте мне микрофон! — потребовала верная Митрофанова и затараторила: — Тетя Женя там всего два месяца провела, еще когда в институте училась. Не удивительно, что Дима не в курсе.

— А почему она оттуда ушла?

— Потому что ей хватило понять: у врача-клинициста на семью времени нет. А Евгении Станиславовне хотелось еще быть и хозяйкой, и мамой.

«Надька, блин, всезнайка». Сам Полуянов не ведал об этом факте маминой биографии. Или безнадежно запомнил.

— Значит, для тебя новость, что она работала там, — укорила его ведущая.

— Я обязан вызубрить ее биографию в мельчайших деталях?

— Любящий сын обычно знает о маме гораздо больше, — ядовито заметила она.

— Что значительного в какой-то инфекционной больнице?

— Время. То время, когда именно Евгения Станиславовна там практиковала. Кстати, а когда это было?

— Очень давно, — опять помогла Надя. — Наверное, где-то в шестьдесят втором.

— Нет! — отрезала ведущая. — Евгения Полуянова пришла в инфекционную больницу десятого декабря 1959-го года. И была уволена в январе шестидесятого.

— Вы сказали, «уволена»? — искренне удивился Дима.

— В последний момент ее пожалели. Разрешили уйти по собственному желанию. Хотя сначала собирались не просто увольнять по статье, но даже судить.

— Что ты врешь?! — вспыхнул Полуянов.

— У каждого врача есть свое кладбище, Дима. Но твоя мама, Евгения Станиславовна, могла погубить целый город. Счастье, что ее вовремя остановили.

— Бред и клевета! — не раздумывая ни секунды, воскликнул Полуянов.

— Давайте посмотрим на экран, — предложила ведущая.

Свет погас. Под оптимистичную мелодию «Бывает все на свете хорошо» замелькали кадры черно-белой хроники: пузатые троллейбусы, редкие «Волги» на дорогах, мужчины в шапках-«пирожках», женщины в платках, из сетчатых авосек топорщатся хлебные буханки и молочные бутылки. Потом вдруг портрет импозантного гражданина и закадровый голос:

— Это Алексей Кокорекин. Известный художник, автор агитационных плакатов, лауреат двух Сталинских премий. В 1959-м году ему — верному сыну своей страны — доверили посетить Индию. Художник побывал во многих городах, в том числе, в знаменитом Варанаси, где на берегу Ганга индусы сжигают умерших. Зрелище впечатлило творца, он делал многочисленные зарисовки. Особенно плакатист заинтересовался похоронами брамина. Внимательно наблюдал все действие, а потом купил себе на память ковер покойного. Кокорекин пока не знал, что вскоре едва не погубит всю Москву.

Панорама улиц сменилась. Теперь показывали больничную суету. Старомодные халаты ниже колен, туфли на толстых подошвах, железные кровати.

— Вскоре после возвращения в столицу, двадцать третьего декабря пятьдесят девятого года, художник почувствовал себя плохо. Поднялась температура, начался озноб. На следующий день он отправился в поликлинику. Там поставили диагноз: грипп. Двадцать пятого Кокорекину стало хуже, ему назначили антибиотики. Двадцать седьмого декабря на теле появилась сыпь — ее сочли аллергией на лекарства. Больного госпитализировали в инфекционную больницу. Сутки спустя он умер.

Экран погас.

— Алексей Кокорекин — полностью реальная фигура, — со значением произнесла ведущая. — И то, что с ним произошло, — абсолютная правда. Об этой истории написаны статьи, снят документальный фильм. Могилу Кокорекина, кстати, можно посетить — он похоронен, ни много ни мало, в Кремлевской стене. Но отчего же художник погиб? Давайте посмотрим, какой разговор состоялся на вскрытии.

Свет в зале снова погас, экран засветился холодным дневным светом. Эти кадры, похоже, были постановочными, современными. Ярко-белая плитка, мрачный антураж — морг, секционный стол, труп. Рядом с телом стоят трое. Врач средних лет обращается к остальным:

— В крови присутствует биполярная палочка. Не исключаю геморрагическую форму чумы.

— Чушь! — отмахивается пожилой доктор. — Клиническая картина не та. Обычный осложненный грипп.

А совсем старенький эскулап неуверенно произносит:

— На мой взгляд, коллеги, дело куда серьезнее. Это *variola vera* — натуральная оспа.

— Что за чушь несете?! — взрывается пожилой.

— Да у вас, батенька, причуды старческого возраста, — подхватывает молодой врач.

— Я прав, и вы скоро сами в этом убедитесь, — упорствует старичок...

— При чем здесь моя мама?! — заорал Полуянов.

— Тогда, на излете пятьдесят девятого года, художник привез из Индии именно черную оспу, — затараторила ведущая. — Страшная болезнь начала быстро распространяться по Москве. Ведь Кокорекина вначале положили в палату вместе с другими больными, его осматривали доктора, посещали студенты. А черная оспа, как говорят медики, вирулентна. То есть чрезвычайно, критично, ужасающе заразна. Инфекция умело собирала свою страшную жатву. Только представьте: ее вирус передался юноше, который лежал в инфекционной больнице этажом ниже. Тот никак не контактировал с художником. Однако болезнь достала и его — через вентиляцию.

Слег истопник — бедняга просто проходил мимо палаты, где лежал Кокорекин.

Оспа вышла далеко за пределы больницы. Кокорекин привез своей жене из Индии подарки. Одежду, парфюмерию. Одарил он и свою любовницу. Обе женщины отнесли кое-что в комиссионку — и несколько покупателей — только представьте! — тоже слегли с черной оспой!

На тот момент в больнице уже был объявлен карантин, хотя официально диагноз пока не установили и не озвучили. Но все врачи, кто бывал в инфекционном отделении, были обязаны проходить строгую дезинфекцию. Однако имелась одна молодая ординатор, решившая пренебречь правилами. Она отправилась домой, не сменив одежду и даже не вымыв руки. Эту беспечную женщину звали Евгения Станиславовна Полуянова, — триумфально закончила ведущая.

— Вранье и клевета! — снова выкрикнул Полуянов.

— А даже если и правда? Дима в чем виноват? — сорвалась со своего места Надя.

— Мы не стали бы его судить за мамины грехи. Но... в нашей студии Вениамин Шibaев.

Когда софиты вспыхнули, по рядам зрителей прокатился вздох ужаса. Посередине сцены, всем на обозрение, стояло настоящее чудовище.

Когда-то оно, безусловно, было человеком. Но сейчас все его лицо, кисти рук, шея, видимая из-под рубашки часть грудной клетки, оказались изрыты ужасающими отметинами. То были не просто следы от сыпи, а настоящие ямы, борозды, лакуны отвратительного лилового цвета. Глаза полуприкрыты. Правая рука беспомощно вытянута вперед — похоже, урод был еще и слепым.

Кто-то взвизгнул. Василиса выкрикнула: «Фу, мерзость!», а Алла обеими ладонями прикрыла рот и нос.

— Можете не бояться, — снисходительно проговорила ведущая. — Те, кто выздоровел после черной оспы, более не заразы. Однако позвольте цитату: «Эта болезнь оставляет на лицах людей, жизнь которых пощадила, безобразные знаки, как клеймо своего могущества, делая ребенка неузнаваемым для родной матери, превращая красавицу-невесту в предмет отвращения в глазах жениха». Так говорил английский историк Томас Маколей и был, несомненно, прав.

Она подошла к прокаженному. Взяла его за руку, заботливо довела до диванчика напротив Димы и задушевым тоном произнесла:

— Вениамин, расскажите, пожалуйста, когда и как вы заразились?

— Я в пятьдесят девятом году пацаном был. В шестом классе учился, но в школу почти не ходил, — глухим голосом заговорил мужчина. — Зани-

мался футболом. Seriously. За юношескую сборную Москвы играл. В ноябре травмировался. Ахиллово сухожилие порвал. Сначала в больнице валялся, потом дома лежал. Врачи уколы назначили. А в поликлинику-то зимой, да на костылях как дойдешь? Ну, мать и нашла студентку. Она к нам домой приходила, уколы мне делала. Такая добрая всегда. Конфеты мне приносила. Шутила, отвлекала — уколов-то я боялся. А на Новый год подарок мне принесла: книжку новенькую. Майн Рид. «Оцеола, вождь семинолов». В «Библиотеке приключений» только что издана, еще краской пахла. Интересная — я всю ночь читал! Эта книжка и погубила меня. — Он опустил голову, всхлипнул, утер глаза рукавом.

— Никогда тетя Женя не ходила делать уколы! У нее времени на это не было! — выкрикнула из своего первого ряда Митрофанова.

— Она просто вам не говорила, — отозвалась теледива. И ласково попросила прокаженного:

— Мы понимаем: вам очень тяжело. Но сделайте, пожалуйста, усилие. Продолжайте.

— Ну, дня через три вдруг поднимается у меня температура, — понуро забубнил тот. — Потом сыпь полезла. Сначала такая розовенькая. Участковая пришла — сказала, ветрянка. Предупредила: ты, мол, почти подросток, а в таком возрасте болезнь может проходить тяжело. Будь мужчиной, терпи. Я и терпел, матери не жаловался. Она только тогда спохватилась, когда температура за сорок, оспины вздулись, начали лопаться, кровить. Вызвали «скорую», меня сразу в «инфекционку». Там паника, консилиум, врачи. И пристают, всю душу вытряхнули: с кем я общался? А меня никто и не навещал, в классе друзей не было, ребята из команды на сборах. Потом отстали. Но мне становилось все хуже. Температура не сбивается. Рвота. Бред. В глазах все плывет. Тело в язвах. Врачи теперь не в халатах приходили, а в сапогах, в очках таких — как консервные банки. Мать не пускают, мне ничего не говорят... — Он снова умолк.

— Вениамин, пожалуйста, дальше, — настойчиво попросила ведущая.

— А дальше я в себя пришел, — злобно хохотнул он. — Доковылял до окна. Смотрю — и ни черта не вижу. Только контуры. И цвет зеленый. Догадался: лето, значит, уже. Заорал, врачей зову. Ну, только тогда мне и объяснили, что болел я не ветрянкой, а черной оспой. И заразила меня та студенточка. То ли на книге вирус принесла, то ли на халате своем. Ей-то что — она медик, привита была. А обычным людям от натуральной оспы в те годы прививку уже не ставили. Считалось, что нет у нас такой болезни. Вот и остался я на всю жизнь уродом и инвалидом. Зрение — одна сотая, практически ничего, вирус глазные нервы поразил.

— Дима, — обернулась к журналисту ведущая, — ты говорил, мама часто рассказывала тебе байки. Неужели об этом она умолчала?

— Разумеется. Потому что ваша история — наглый вымысел. От первого до последнего слова, — холодно произнес Полуянов.

Прокаженный встрепенулся:

— Лица не вижу, а вот голос знаком. Журналист Полуянов? Забыл меня, да? Не помнишь, как я в ногах у тебя валялся?! — Он вскочил, неуверенно вытянул вперед руку и потребовал: — Ты говори! Говори! Я на голос пойду. Чтобы глотку тебе порвать!

— Я не знаю этого человека. Это провокация и подстава! — уверенно произнес Полуянов. — Просто стыдно за телеканал. И за ваше позорное шоу.

Ведущая подскочила к Вениамину, подхватила его под руку, вернула на диван и попросила:

— Дорогой Вениамин! Давайте не будем устраивать драк в эфире. Журналист Полуянов говорит, что не знает вас, вы утверждаете обратное. Зачем нам спорить, если можно спросить свидетеля?

— Мы на вас в суд подадим! — возмущенно выкрикнула Надя.

— Я читал про вспышку черной оспы в Москве! Тогда заболело человек сорок пять, и у всех болезнь выявили на ранней стадии, — подхватил Полуянов. — А ваш герой выглядит, будто сейчас средние века, будто его вообще не лечили. Хотя в то время давно были изобретены антибиотики. Нас всех дурят, он просто отлично загримирован!

— Дима, — повысила голос теледива. — Я повторяю, у нас есть свидетель. Встречаем! В нашей студии коллега господина Полуянова, ведущая светской хроники газеты «Молодежные вести» Нелли Косоурова!

Надя, прежде взиравшая на Диму с преданностью, слегка встревожилась.

Нелли — в алых кожаных штанах, в уже знакомой Полуянову вызывающей лисьей жилетке и на баснословных каблучицах — вышла из-за кулис. Опасливо обогнула диванчик, где сидел прокаженный, плотоядно улыбнулась Полуянову:

— Привет, Димочка!

— Идите сюда, ко мне, — поманила ведущая. — Скажите, вам знаком Вениамин Шibaев?

— Ну, имя его я не знаю, — отозвалась хроникерша. — А видеть — видела. Такое колоритное лицо забыть сложно.

— Где вы его видели?

— Возле редакции. Один раз в бюро пропусков, а в другой — у входа, когда его охрана со ступенек гнала.

— Зачем ему было нужно в «Молодежные вести»?

— С Полуяновым хотел поговорить. А Димка от него прятался.

— Нелли! — У Полуянова от возмущения даже голос сел. — Ты что несешь?!

Красавица словно не услышала.

— Дима у нас вообще такой чистоплюй, — не обращая на него внимания, продолжала Косоурова. — Убогих на дух не переносит. Они оскорбляют его тонкий внутренний мир.

— Были еще какие-то случаи? — Обрадовалась ведущая.

— Ага, — охотно кивнула Нелли. — В редакции уборщица работала — Галька. Простая такая деваха, милая, всем услужить пыталась. А Полуянов для нее просто луч света был. Галька свое место понимала, ничего у него не просила: просто за счастье почитала рядом посидеть, полюбоваться своим божеством. А он ее, как девчонку на побегушках, использовал. За сигаретами сгоняй, кофе принеси, быстрее, немедленно, я тороплюсь. И она, дурында, мчится. А однажды Полуянову главный люлей навставлял, и Дима нервы решил успокоить. Коньячком, как положено. В собутельники Галину позвал. Хотя прекрасно знал, что она закодирована, ей спиртного вообще нельзя. Но кто еще будет слушать, как он нюни распускает! Напоил девчонку, стресс снял — и спокойно домой. А Галка сорвалась. В запой ушла. С работы вылетела. По его вине! Все остальные-то ее берегли. А этот — мог бы помочь хотя бы, нарколога оплатить! Нет. Не навел даже.

— Это правда, Дмитрий? — резко повернулась к Полуянову ведущая.

— Нет!

— В «Молодежных вестях» не работала уборщица Галина?

— Работала. Но я никогда не гонял ее за сигаретами. И не знал, что ей нельзя пить спиртное.

— Вся редакция знала, а ты в счастливом неведении! — саркастически каркнула Нелли.

— Ты действительно напоил ее? — наседала телевизионная дива. — А когда она сорвалась с катушек — быстренько открестился?

— Давайте, мухи отдельно, а котлеты отдельно! — вспылил Полуянов. — По поводу Галины. Я не знал, что ей нельзя пить. Но да, в тот день я ее напоил. В этом я виноват.

— Как мило! Жизнь девчонке сломал, а теперь извиняется. «Я виноват, простите меня!» — издевательским тоном проговорила ведущая.

— Зачем ты вынесла это на свет божий, Нелли? А как же порядочность, корпоративная солидарность?! — проигнорировав ее, обратился к хроникерше Дима.

— Добром тебе за добро, Дима, — презрительно сощурилась Косурова.

— Не понимаю, что я тебе сделал. Впрочем, не важно. Еще раз повторяю: я виноват перед Галиной. Но загримированного товарища вижу впервые в жизни! Нелли, сколько тебе заплатили, чтобы ты узнала этого Шибаяева, или кто он там на самом деле? Неужели не очевидно?! Это просто актер! Все его язвы — грим! Давайте я лично протру ему лицо мокрой тряпкой. Вы увидите — шрамы мгновенно исчезнут!

— Ненавижу тебя! — взвыл прокаженный.

— Мы не используем актеров, — отрезала ведущая. — И у нас есть серьезные доказательства. Внимание на экран! — Свет послушно погас, на белой простыне появилось изображение документа. — Вот справка из столичной инфекционной больницы. Она удостоверяет: Евгения Станиславовна Полуянова там действительно работала. С декабря 1959-го года по январь 1960-го. Точно во время эпидемии.

— Ну и что? — взревел Полуянов. — Там работали и работают тысячи людей!

— А вот копии писем Вениамина Шибаяева. Первое отправлено в «Молодежные вести» десять лет назад. Когда ты, Дима, только попал туда на работу. «Уважаемый Дмитрий, обращаюсь к вам с просьбой. По вине вашей матери Евгении Полуяновой я остался уродом и инвалидом. Выписку из медицинской карты прилагаю. Родственники от меня отказались. Работать из-за слепоты не могу. Жилья своего нет. Скитаюсь. Убедительно прошу вас помочь с получением квартиры». Потом были еще. И еще. Но ты, Дима, банально послания игнорировал.

— Я не получал никаких писем. И возле редакции этого Шибаяева никогда не видел.

— Димочка, но я же сама тебя просила, — ангельским голосом встряла Нелли, — чтобы ты отвадил это страшилище! Пусть он и не заразный — но смотреть-то противно!

— Нелли, мы с тобой, конечно, не друзья, но предавать журналистское братство — последнее дело, — укорил ее Полуянов и мельком глянул на Надю. Его «верный оруженосец» смотрела в пол. Понятно, что не поверила насчет Шибаяева. Но за историю с уборщицей — несомненно, осуждала, телевизионщики добились своего.

— Мне уже не нужно от тебя ничего, журналист Полуянов, — прогремел голос Вениамина. — Умирающим безразличны квартиры и другие материальные блага. Но я одной ногой на том свете, и оттуда видно далеко. Ты будешь страдать не меньше, попомни мои слова.

— Снято! — радостно выкрикнули из аппаратной.

Дима сорвал петличку микрофона, отшвырнул передатчик и вихрем рванул со сцены.

— Димочка, ты куда? — пискнула Надя.

Под руку подвернулся Жека, и Полуянов схватил его за грудки:

— Где Анастасия?

Но желчная шеф-редактор уже сама спешила ему навстречу. Успокаивающе приобняла и тоном гипнотизера заговорила:

— Дима. Успокойся. Все позади. Все хорошо.

Он сбросил ее руки и гневно выкрикнул:

— Я этого так не оставлю!

— Полуянов, не буй! У нас есть все документы. Справка из больницы. Копии писем Вениамина. Его признание. Свидетельство Нелли.

— Я ухожу из шоу, мы немедленно уезжаем, и...

— Димочка, — подскочила к ним Митрофанова, — не руби с плеча, давай сначала обдумаем все. Конечно, это постановка. Тетя Женя не могла такого натворить. Но чего без доказательств орать? Надо сначала найти тех, кто работал в это время в больнице, чтобы они подтвердили. Информацию на Шибаяева собрать. Доказать, что он шарлатан. Ты потом такую статью напишешь! Гвоздь, бомбу! «Вся правда про вранье на шоу»!

Дима потихоньку остывал. Спокойно позволил шеф-редактору улизнуть, обнял Надюху и грустно вздохнул:

— От Нельки не ожидал, конечно. Как думаешь, она просто за деньги или из вредности?

— Кажется мне, ты ее тоже подставил. Вспоминай!

Диму больно резануло это «тоже», но он покорно напряг мозги.

— Ну... Она в «Молвести» недавно заказную статью протащила. Очень нагло и явно — пресс-директор одной певички всем журналистам предложения рассылал, с конкретными ценами. Мне на чужие грешки обычно плевать, но Нелька меня тогда взбесила конкретно.

— И ты ее сдал? — округлила глаза Митрофанова.

— Нет. Просто сказал ей, что знаю. Но кто-то мог услышать. Или она сама испугалась... — Дима вытащил телефон. Открыл электронную версию газеты, прокрутил до выходных данных и прошептал: — Точно. В штабе редакции ее больше нет.

— Вот тебе и объяснение, — вздохнула Надя.

— Надо любой ценой не допустить, чтобы программа вышла в эфир, — решительно произнес Полуянов. — Еще живы мамыны подруги. Я не могу позволить, чтобы они ее увидели.

— В шоу громадные деньги вложены. Это махина. Ты не сможешь ее остановить.

— Я докажу, что они нагло фальсифицируют факты.

— Не успеешь. Сегодня смонтируют, завтра выпуск выйдет в эфир. А, во-вторых, эти ведь — the best. Наверняка все предусмотрели, подстраховались. Думаю, тетя Женя действительно работала тогда в инфекционной больнице. А что Вениамин и Нелли соврали — так это их грех, канал не виноват. Нет, Дима, бороться нужно по-другому.

— И как же?

— Да хотя бы в соцсетях написать всю правду. Попросить максимальный репост. Я Артему скажу, чтобы у себя в блоге опубликовал. У него подписчиков жуткое количество. Действуй и ты, «золотое перо». Прямо сейчас — пока перерыв!

Полуянов чуть ли не впервые в жизни послушался подругу и тут же вывел планшет из спящего режима. А первая фраза придумалась сама:

«Обвинить мертвых — проще и подлее всего...»

Оба представить не могли, что этого от них и ждали. Что они своими руками только что начали творить страшное зло.

Перерыв пролетел стремительно. Надю с Димой — как «отыгравших свой спектакль» — пересадили из первого в третий ряд.

— Кого, интересно, сейчас пришпилят? — шепнула Полуянову Надя. — Может, кандидатку наук?

— «Пара» тебе. За невнимательность, — хмыкнул Дима. — Посмотри: все одеты кто в чем, и только нас и Аллу с Толиком специально одевать приходили. А Толик уже признался, что бросил невесту.

— Я думаю, дело не в этом будет, — авторитетно заявила Митрофанова.

— А в чем? — заинтересовался Дима.

— Выяснится, что Алла — миллионерша. Ты что, не замечаешь? Анатолий на нее вообще не смотрит. Однако женится. Зачем еще, если не ради денег?

На сцену выпорхнула ведущая, на этот раз в очередном цветастом платье с завышенной талией.

— Итак, дамы и господа, леди и джентльмены, — жизнерадостно объявила она, — драматические встречи в нашей студии продолжаются! И сейчас я приглашаю на эту сцену Анатолия Васнецова и его любимую невесту Аллу Овчаренко.

— Обоим, значит, достанется, — пробормотала Надя.

Пара, под леденящую душу музыку, поднялась на подиум. Алла тревожно облизывала губки, Анатолий шел с видом человека, которому бояться нечего.

Ведущая усадила будущих супругов на диванчик, обошла его сзади, нависла над спинами и задушевно произнесла:

— Алла, Анатолий! Вы уже видели, насколько неприятно, когда тебя припирают к стенке. Поэтому у меня к вам деловое предложение. Достаньте скелет из своего шкафа сами. Расскажите, что вы друг от друга скрываете. И если будете искренни, гости, которых мы пригласили специально для вас, возможно, так и не появятся в этой студии.

— Ой, я готова! — поспешно отозвалась Алла.

— И я могу, — поддержал Анатолий.

— Но помните: тех, кто попытается себя обелить, постигнет страшная кара, — припугнула ведущая. — Аллочка, давайте начнем с вас.

— Я сделала три аборта. Однажды скрылась с места аварии. Ночью выезжала со двора, покорежила весь бок «мерсу» и уехала. В магазинах несколько раз воровала.

— Что именно?

— Косметику. Белье. Один раз даже сотовый телефон получилось.

— У вас плохо с деньгами?

— Нет. Мне просто нравится красть.

— Что еще?

— Ну, дед у меня был. Алкаш. Всех достал. Один раз допился, его рвать начало, с кровью. Испугался, клянчил, чтоб я «скорую» вызвала. А я его мобильник об стену разбила. И городскому аппарату шнур оборвала. Он орал — но в соседних квартирах привыкли, поэтому не реагировали.

— Алла, вы серьезно?

— Абсолютно.

— И вы не боитесь делать подобное признание на всю страну?

— Не-а. Мать мне только спасибо сказала. И соседи обрадовались.

— Что скажете, Анатолий? — обернулась ведущая к мужчине.

— По крайней мере, честно, — пожал он плечами.

— И вы по-прежнему хотите жениться на Алле?

— А что она такого уж страшного сделала? Я тоже однажды из магазина вискарь вынес. На спор.

— Но ваша подруга фактически призналась в убийстве.

— Неоказание помощи — еще не убийство. К тому же ее дед на весь Новосибирск был известный. Редкостный садист. Всю их семью терроризировал. Бил жену, дочь, внучку. Крушил мебель. Алла сделала то, что должна была.

— Смотрите, — усмехнулась ведущая, — однажды вам тоже станет плохо, а жена откажется вызвать врачей и отберет у вас сотовый телефон. Ладно. Расскажите теперь о себе.

— АбORTов я не делал. (Смех в студии.) Если кого на машине царапал — гаишников честно ждал. Про вискарь уже признался. Даже не знаю, что еще рассказать. Ну, еще у меня невеста была. Нормальная девка. Мы ребеночка ждали, собирались заявление подавать. Она список гостей составляла на свадьбу, а я однажды вышел из дома — просто за пивом. И не вернулся.

— Почему?

— Сам не знаю. Просто понял, что не выдержу каждый день ее видеть. Спать с ней. Стареть рядом.

— Просто исчезли? И вещей своих не забрали?

— За чемоданом потом пришел. Когда она на работе была.

— Это все?

— Да.

— А насчет кредита что скажете?

— Что там, такой уж кредит большой? Всего пол-«лимона», — пробормотал Анатолий.

— Но ваша невеста до сих пор его платит. Могли бы хоть погасить, прежде чем уходить.

— Да она его сама взяла! — возмутился он, но реплику заглушила музыка и громкий голос ведущей:

— В нашей студии — та самая покинутая невеста. Встречаем! Людмила Петельская!

— Сейчас она его в клочья порвет, — злорадно предрекла Митрофанова.

Однако женщина, что явилась на подиум, совсем не походила на фурию. И вообще выглядела странной, заторможенной. Застывшее лицо. Неуверенные движения. Аллу будто не видела — сфокусировала взгляд на бывшем возлюбленном. Медленно прошла к нему. Села рядом, положила свою ладонь ему на руку и всхлипнула.

— Людмила, приветствуем вас! — попыталась взбодрить женщину ведущая.

Но та даже не обернулась в ее сторону. Смотрела прямо в глаза Анатолию и монотонно повторяла:

— Ты бросил меня. А я тебя так любила. Ох, как я тебя любила!

— Почему он ушел от вас?

— Он — красавец, а я — серая мышка. Разве мы можем быть парой?

— С лица воду не пить! — не выдержав, выкрикнул со своего места физкультурник Николай.

Его спутница Василиса гневно сдвинула брови, но промолчала.

— Люда! — Анатолий взял руку девушки, прижал к губам. — Твоя внешность здесь ни при чем. Я банально принял привычку за любовь. Я — дурак!

— Я тебя застрелить хотела, — задумчиво проговорила она. — Или отравить. А потом... потом решила, что достаточно будет просто придти сюда и посмотреть тебе в глаза. Хороший план, правда? — И демонически расхохоталась — будто предложила нечто совсем удивительное.

— Люда, что стало с вашим ребенком? — продолжала нагнетать драматизм ведущая.

— Я убила его, — равнодушно произнесла женщина. — Зачем мне ребенок, если нет Толи? Мне и собственная жизнь не нужна. — Она тяжело поднялась, прошла по подиуму, обернулась к зрителям и сказала: — Мне сейчас очень тяжело. Я потеряла любовь. Я потеряла смысл жизни. Я потеряла все. Но и вас всех не ждет миллион алых роз. Не бывает так: одни в пропасти, другие на коне. Жизнь всем воздаст по заслугам!

— Анатолий очень быстро нашел вам замену, — сладким голоском произнесла телевизионная дива.

— Я не завидую его даме сердца, — отрезала Людмила.

— Почему?

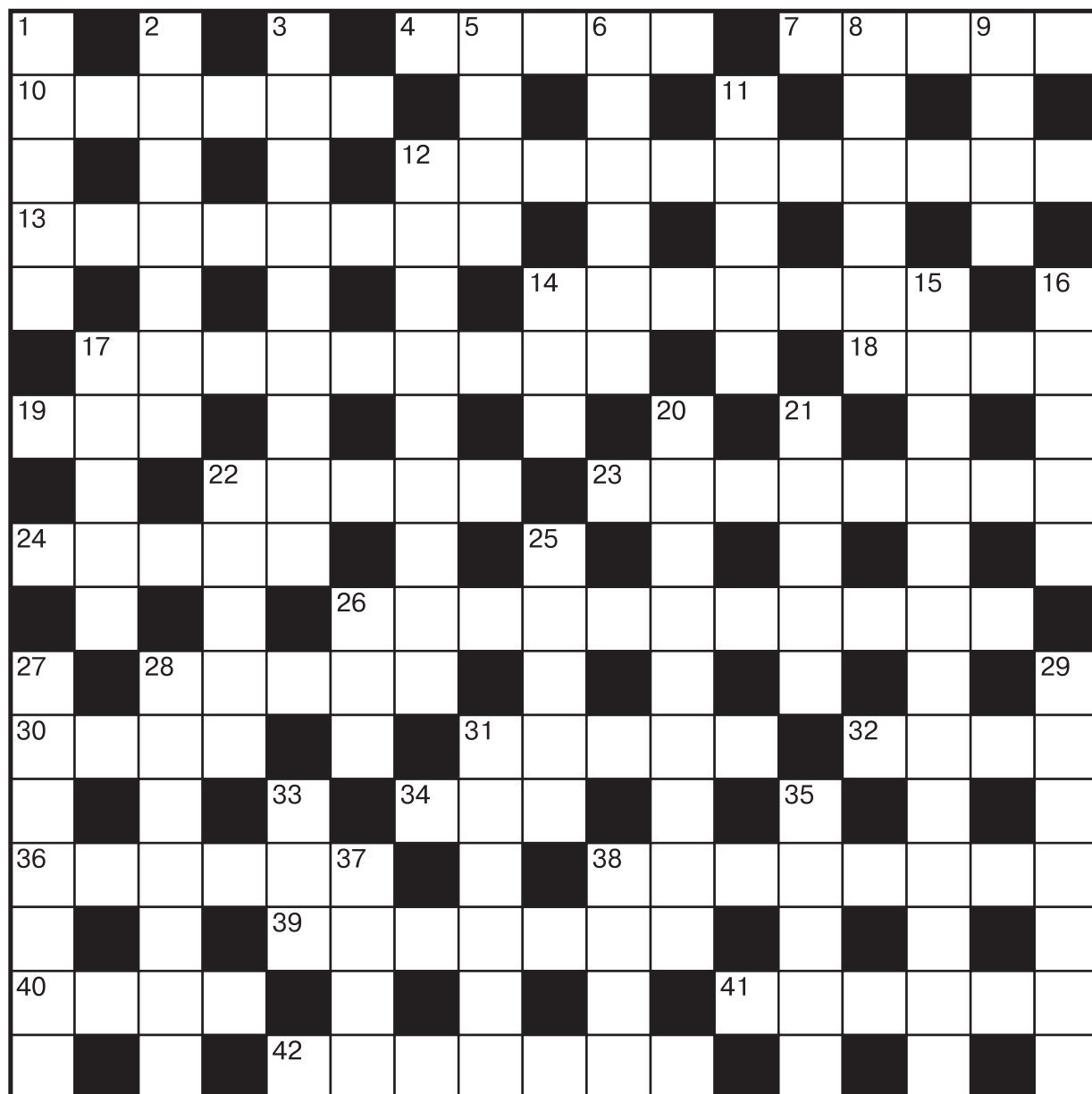
— Скоро она узнает. Скоро вы все узнаете! — тихо проговорила Петельская и почти строевым шагом покинула сцену.

— Снято, — раздался недовольный голос из аппаратной.

Там явно надеялись на драку и жалели, что ничего подобного не случилось. □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Самый известный бельгийский детектив в мире. **7.** Чьи резцы растут всю жизнь, а потому она просто обречена постоянно их стачивать? **10.** «Бегун» из «Мойдодыра». **12.** Подходящая ... на вакантное место. **13.** Российский художник, чей прадед согласился позировать в дамском платье для картины «Сватовство майора» Павла

Федотова. **14.** Красавец, что соблазнил Клариссу Гарлоу у Сэмюэля Ричардсона. **17.** Кто «выгодно отличается от других в пользу имущества»? **18.** Член палаты британского парламента. **19.** Мировой ... эстрадной звезды. **22.** Какому политику Сергей Есенин лично читал свои стихи? **23.** Под какую актрису Владимир Кунин написал сценарий «Интерде-

вочки»? **24.** Нутро «Птичьего молока». **26.** В каком виде спорта «вечно из себя что-то строят»? **28.** Ироничный детектив «... прекрасных дам» от Дарьи Донцовой. **30.** Цветок долголетия у древних греков. **31.** «... копейку любит». **32.** Предмет, получивший широкое распространение вместе с книгопечатанием. **34.** «Будто мы вчера расстались, а не ... назад». **36.** Настольная книга у раввина. **38.** Чин Вронского из романа «Анна Каренина» Льва Толстого. **39.** Кто из классиков устроил «много шума из ничего»? **40.** «Я лежал еще в пеленках, а ... моя уже была с теленка». **41.** Младший из голливудских братьев Болдуинов. **42.** «Ангел во плоти» конкретного дитяти.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какого нашего легендарного разведчика разоблачили японцы? **2.** Член американского «Совета Федераций». **3.** Какие острова Россия уступила Соединенным Штатам в придачу к Аляске? **5.** Змея с «повадками Отелло». **6.** Где работает герой Анатолия Папанова

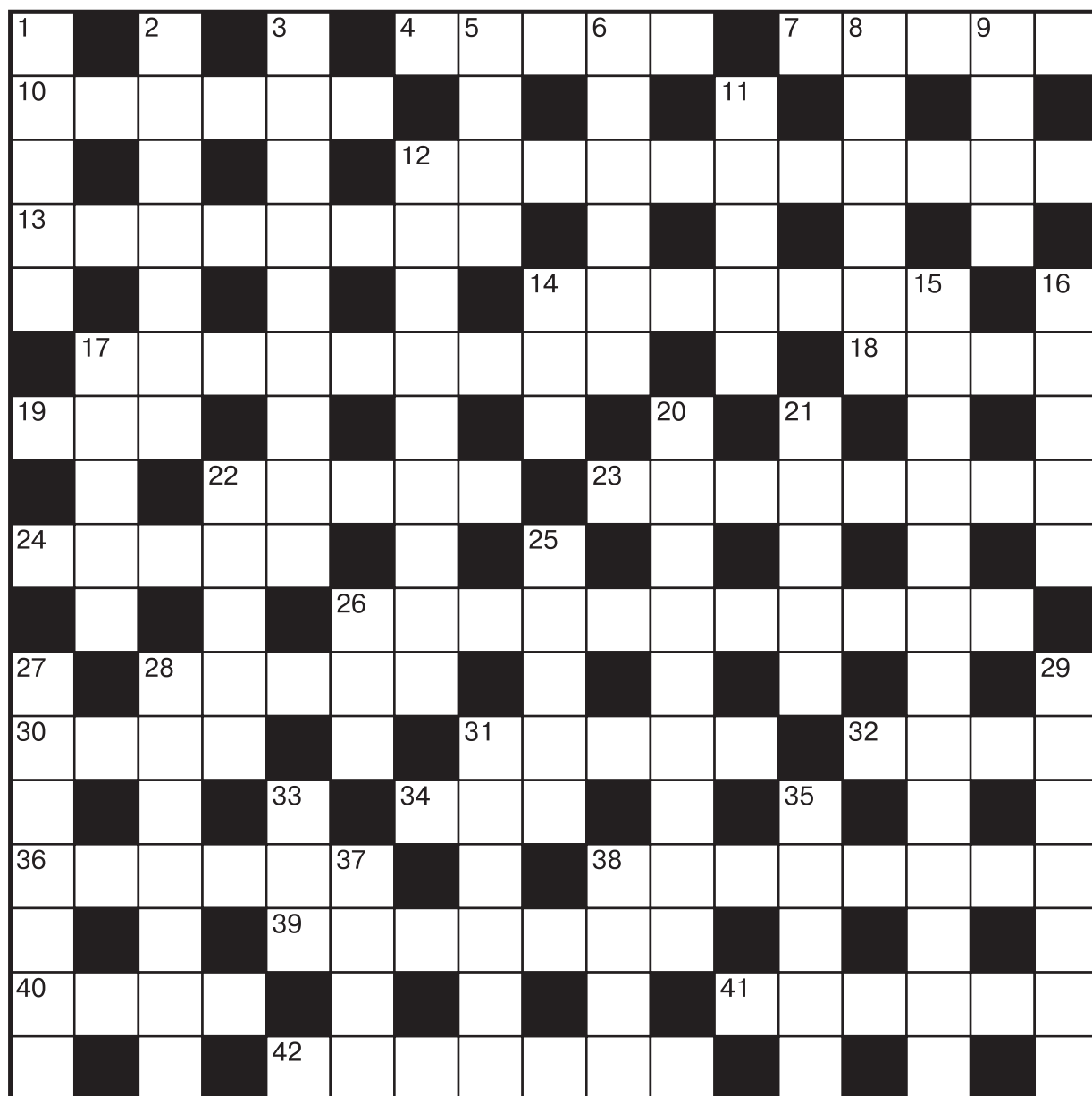
из фильма «Дети Дон Кихота»? **8.** «Принесение присяги» одним словом. **9.** Инструмент гербового значения во времена СССР. **11.** Что совпало у героев фильма «Ирония судьбы, или С легким паром»? **12.** Что помогает столяру делать дырки? **14.** Первый овощ, который люди начали выращивать. **15.** Дух спортивных соревнований. **16.** Что на сто процентов состоит из достоинств? **17.** Цилиндр под мышкой чертежника. **20.** «Обогатитель воздуха» имени Чижевского. **21.** На каком языке свободно говорит эстрадная певица Нелли Фуртадо? **22.** У кого самая смешная профессия? **25.** Кто, приняв эстафету от Франсуа Миттерана, передал ее Николя Саркози? **26.** «Мелкая сошка» из «адской канцелярии». **27.** Лопаточка для смешивания лекарств. **28.** Место для любителей катать шары. **29.** Где выставлены лучшие товары? **31.** «Французский Стивен Спилберг». **33.** Американский президент с премией «Золотая малина». **35.** «Беспокойное время» для властей. **37.** Какой из знаков Зодиака символизирует астра? **38.** Повод для опаски.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Пушка. **7.** Смак. **10.** Новелла. **12.** Набережная. **13.** Башмачкин. **15.** Колдун. **16.** Дронт. **18.** Штурман. **19.** Нюх. **24.** Джомолунгма. **25.** Аграба. **26.** Осетр. **27.** Велес. **30.** Смех. **34.** Лара. **35.** Разговорник. **37.** Балл. **39.** Джетпак. **41.** Гипотония. **42.** Земля. **43.** Бланк. **44.** Бабкина. **45.** Томск.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Подагра. **2.** Германн. **3.** Алыча. **5.** Уран. **6.** Крем. **8.** Менудо. **9.** Княжна. **11.** Бекон. **12.** Ничтожество. **14.** Драматургия. **15.** Капли. **17.** Тюрбо. **20.** Ангел. **21.** Амбер. **22.** Фауст. **23.** Ордер. **28.** Ладан. **29.** Сакля. **31.** Хаттуна. **32.** Сглаз. **33.** Пилотаж. **36.** Джоли. **37.** Бочка. **38.** Лиана. **40.** Кено. **41.** Глас.

Э Р У Д И Т

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Какой народ, согласно балладе Роберта Стивенсона, являлся единственным обладателем тайны изготовления хмельного напитка из вереска? **7.** Мифическая змея длиной в сто метров у японцев, обитающая в воде. **10.** Чехол на колчан, предохранявший стрелы от сырости. **12.** Полицейский судья прежде у эстонцев. **13.** «Страховой ма-

тематик». **14.** Мексиканский антрополог, плававший вместе с Туром Хейердалом. **17.** Царица Египта, которая была вынуждена надевать накладную бороду. **18.** Ящерица из Гвинеи. **19.** Эскимосский чай из багульника. **22.** Звезда «Большого весеннего треугольника». **23.** Золотая рыбка. **24.** Детское общежитие в античной Спарте. **26.** Графиня, давав-

шая последний бал в жизни Александра Пушкина. **28.** Кто из учеников Теофраста правил Самосом? **30.** Дог историческая башня в Шотландии. **31.** Легированный чугун. **32.** Полк спартанской армии. **34.** Какая еврейская буква стала в каббале знаком смерти? **36.** Чьим первым синглом стала «Русская рулетка»? **38.** Королева колбас из книги Франсуа Рабле про Гаргантюа и Пантагрюэля. **39.** Утрата вкуса на медицинском лексиконе. **40.** Намек на время года в японском хокку. **41.** Розовое чудовище из мультфильма «Корпорация монстров». **42.** Велосипедист, но на старинный лад.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Материал тюрлюрюлю из грибоедовского «Горя от ума». **2.** Фанатичный танец с мечами у пуштунов. **3.** Ведийский мудрец, наказанный за то, что не повторил подвиг библейского Авраама. **5.** Татарская мать из рассказа «Дознание» Александра Куприна. **6.** Какую краску когда-то получали из голубой крови улиток? **8.** Богиня «огненного дыхания» у древних египтян. **9.** Кто

основал журнал «Сын отечества»? **11.** Хозяин рукава с Солнечной системой. **12.** Напиток на основе вина из времен Средневековья. **14.** Англичанин, придумавший первый прибор для измерения скорости ветра. **15.** Семейный врач семьи русского промышленника Саввы Морозова. **16.** Традиционный напиток казахов из верблюжьего молока. **17.** Искусство наслаждения простыми удовольствиями. **20.** Любовь к прекрасному. **21.** Руководитель знаменитого джазового оркестра, с которым связано восхождение Фрэнка Синатры на музыкальный Олимп. **22.** Дамская шляпка с широкими полями. **25.** Самый веселый праздник у иудеев. **26.** Из чего в Таиланде делают молоко без холестерина? **27.** Деликатесная «черная нога». **28.** Какой саквояж получил у китайских ученых в старинные времена прозвище «кабинет сокровищ»? **29.** Отбивное мясо с фруктовой подливкой. **31.** Ивасевый кит. **33.** Краска для рыжих. **35.** Самый сладкий кофе у киприотов. **37.** Цитрус с Ямайки с привкусом мандарина и грейпфрута. **38.** Немецкий водяной.

Ответы на эрудит, опубликованный в №1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Маркс. **7.** Шрэк. **10.** «Кистоун». **12.** Муишеранга. **13.** Хонельник. **15.** «Вауазен». **16.** Лимес. **18.** Вашерин. **19.** Цак. **24.** Вейкбординг. **25.** Коромо. **26.** Сиппо. **27.** Кекеш. **30.** Улит. **34.** Рати. **35.** Коммандария. **37.** Пама. **39.** Аргилет. **41.** Хиддлстон. **42.** Рацея. **43.** Усыня. **44.** Доброта. **45.** Бинго.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Ликопин. **2.** Стрелец. **3.** Булье. **5.** Ашук. **6.** Кешк. **8.** Рэндзю. **9.** Клайнс. **11.** Браун. **12.** «Миланезиана». **14.** Мейкапмания. **15.** Видов. **17.** Саами. **20.** Адлер. **21.** Унсет. **22.** Уксус. **23.** Эрмик. **28.** Кабат. **29.** Шиван. **31.** Тобиано. **32.** Ампер. **33.** Виндзор. **36.** Крисп. **37.** Псарь. **38.** Монте. **40.** Тари. **41.** Хейг.

Уважаемые читатели! С 1 октября открыта подписка на 1-е полугодие 2020 года через редакцию. Условия оформления подписки на журнал:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 132 рубля 00 копеек	За 1 номер — 159 рублей 50 копеек
За полугодие — 792 рубля 00 копеек	За полугодие — 957 рублей 00 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 1 месяц	Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
46 рублей 20 копеек	138 рублей 60 копеек	277 рублей 20 копеек

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 2020 год во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (4 категории) Индекс — П2431 — для всех подписчиков Индекс — П3292 — годовой online сервис https://podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

Сегодня проблема отцов и детей остается такой же актуальной, какой была еще в тургеневские времена. Наверное, в каждой семье бывают разногласия между детьми и родителями, которые порой пытаются навязать ребенку свое видение образа жизни.

А ведь рецепт очень прост: надо всего лишь проявлять больше внимания и терпения друг к другу и, конечно, в первую очередь, — просто любить...

Расскажите о своей семье, о своих благополучных — и не очень — детях, о проблемах, связанных с ними. И даже если вы, как говорится, живете «в унисон», наверное, вам есть что рассказать нам и читателям.

Вот мы и решили в 2020 году объявить среди наших подписчиков **новый конкурс «Отцы и дети».**

Тексты с пометкой «На конкурс»
принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 тысяч знаков)
в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru**
до 30 октября 2020 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2021 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

